Российская академия наук
Институт российской истории

В.Б. Жиромская

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ в 1930-е годы.

ВЗГЛЯД В НЕИЗВЕСТНОЕ

Москва
РОССПЭН
2001

ББК 63.3(0)61
Ж 73

MAIN

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 00-01-16064

Ответственный редактор
академик РАН *Ю.А.Поляков*

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ *Д.К.Шелестов*,
кандидат исторических наук *Г.Б.Куликова*

Жиромская В.Б.

Ж 73 **Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. — 280 с.

Книга представляет собой первое специальное исследование истории населения нашей страны периода 1930-х гг. во всем многообразии демографических характеристик. В издании освещены малоизученные аспекты демографического развития населения на протяжении изучаемого десятилетия. Среди них — деформация половозрастного состава; колебания показателей рождаемости, смертности, естественного прироста населения; изменения в размещении народностей, структуре занятий жителей города и села; уровень грамотности и образования; отношение населения к религии и распространение различных вероисповеданий на территории РСФСР. Автор на основе разработанной ею методики вносит существенный вклад в решение остро дискуссионной проблемы людских потерь в период политических репрессий, раскрывает механизм приписок к данным переписи населения 1939 г., уточняет численность населения РСФСР, ее автономий и областей. В качестве исторических источников использованы недавно рассекреченные материалы. Значительная их часть публикуется впервые.

Книга рассчитана на специалистов в области демографии и демографической истории, преподавателей, аспирантов и студентов экономических, исторических, политологических, социологических специальностей, а также на людей, увлекающихся отечественной историей.

© Институт российской истории РАН, 2001.
© В.Б.Жиромская, 2001.
© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.

ISBN 5 - 8243 - 0212 - X

Введение

В истории России 1930-е годы занимают особое место по сложности происходивших в то время социально-экономических и политических событий: неизжитые последствия гражданской и мировой войн, форсированная индустриализация, коллективизация с ее раскулачиванием и насильственным перемещением населения, голод 1932—1933 гг., массовые политические репрессии и т.д. Все эти события не могли не повлечь и повлекли за собой глубинные изменения в социальном и демографическом развитии населения: его численности, размещении, в структуре занятий, уровне грамотности и образования, и наконец, в распространении и составе конфессий. Эти изменения имели долгосрочные последствия и определили особенности социальных и демографических процессов вплоть до настоящего времени.

Вопрос о численности населения в 1930-е гг., особенно о его потерях в эти годы, стал в центр внимания исторической науки и остро дискутируется у нас в стране в связи с тремя основными моментами: во-первых, стало возможным обсуждение в открытой печати запретных в течение многих десятилетий тем; во-вторых, исследователи получили с конца 80-х гг. доступ к строго засекреченным архивным материалам, прежде всего статистическим; в-третьих, — эти проблемы актуализировались в связи с неблагоприятной демографической ситуацией, сложившейся в России в 90-е годы, корни которой уходят в прошлое, в том числе в 1930-е годы.

Поскольку освоение источников требовало длительного времени, то в силу своей остроты проблема потерь населения вследствие голода начала 30-х гг., массовых репрессий, коллективизации и раскулачивания начала обсуждаться прежде всего на страницах публицистической печати. Отсутствие на первых порах солидного источникового материала, в первую очередь статистических данных, привели к публикации самых разнообразных цифр, носивших умозрительный характер и основывавшихся на примерных прикидках и приблизительных расчетах. Это было

свойственно не только отечественной, но и зарубежной печати. Некоторые научно необоснованные данные до сих пор активно используются средствами массовой информации.

В конце 80 — начале 90-х гг. начали появляться научные исследования, число которых на первых порах было невелико. В них авторы сосредоточивают свое внимание на людских потерях в 30-е гг. Среди работ этого плана следует прежде всего назвать статьи В.В.Цаплина[1], написанные на засекреченных в ту пору архивных материалах. Оценки численности населения и его потерь, произведенные этим автором не устарели до настоящего времени. Эта проблема обсуждалась широко на страницах зарубежной печати[2], хотя авторы работ не располагали таким богатством материала, на который имел возможность опереться В.В.Цаплин. Расчетными данными, оценками, представляющими большой интерес для научного исследования данной проблемы, выделяется работа Д.Конквеста[3].

Позднее, на протяжении 90-х гг., в связи с осмыслением рассекреченной архивной статистики, исследования дифференцировались, то есть обратились к разным сторонам проблемы потерь населения в 1930-е гг. Людские потери в период голода 1932—1933 гг. рассматривались В.П.Даниловым, И.Е.Зелениным[4] и др. Из зарубежных изданий обращает внимание на себя работа С.Уиткрофта[5]. Результаты исследований этой проблемы обобщены в статье Н.А.Араловец[6]. Для дальнейшего приближения к истине в исчислении этих потерь решающее значение имеют региональные исследования, поскольку география голода на территории собственно России, тогда РСФСР, еще до конца не выявлена. К тому же весьма плодотворным является материал местных архивов. Региональные исследования ведутся В.В.Кондрашиным[6] по Поволжью, Е.Н.Осколковым[7] по Северному Кавказу, В.А.Исуповым[8] по Сибири, Г.Е.Корниловым[9] по Уралу. Работа эта нуждается в продолжении.

Потери населения в период коллективизации и насильственного переселения раскулаченных рассматриваются в работах И.Е.Зеленина[10], Н.А.Ивницкого[11], В.Я.Шашкова[12], опирающихся на обширный круг разнообразных источников: от воспоминаний очевидцев событий до неопубликованных и рассекреченных в недавнее время архивных данных.

Большую изыскательскую и исследовательскую работу в архивах ГУЛАГа проделал В.Н.Земсков[13], что позволило ему показать численность заключенных тюрем и спецпоселений, смертность в лагерях.

Ценно, что появились расчетные данные о естественном движении населения, оценки численности населения по годам, выполненные в работах Д.А.Кирилловой, а также Андреева Е.М., Дарского Л.Е. и Харьковой Т.Л.[14] Авторы опираются на архивные данные Центрального управления народно-хозяйственного учета Госплана СССР и материалы текущего учета населения.

Однако сколь бы ни была важна проблема численности населения и его потерь в 1930-е гг., это только один аспект истории населения 1930-х гг. Опубликованные и неопубликованные материалы архивов позволяют дать разностороннюю характеристику демографического развития страны. К тому же следует учесть, что в основном опубликованные исследования, за исключением региональных, выполнены в основном на общесоюзных данных и лишь в отдельных случаях касаются РСФСР, даже в том случае, когда речь идет о численности населения.

Мощным импульсом к изучению демографической истории населения России в это сложное десятилетие послужило издание сотрудниками Академии наук РФ рассекреченных данных «опальной» переписи населения 1937 г.[15], снабженного комментариями, а вслед за тем неопубликованных данных «Всесоюзной переписи населения 1939 г.» в двух книгах: одна из них содержит материалы по СССР, а вторая посвящена целиком РСФСР[16]. Издание содержит обширные вводные статьи и комментарии.

Издание переписей вызвало появление на свет работ, в которых дискутировался вопрос о достоверности их данных по учету населения. Оценка точности переписи 1937 г. содержится в статье А.Г.Волкова[17], в ранее написанной, но опубликованной лишь теперь статье Ф.Д.Лившица[18]; переписей 1937 и 1939 г. — в исследованиях Е.М.Андреева, Л.Е.Дарского и Т.Л.Харьковой[19]; а также в книге В.Б.Жиромской, И.Н.Киселева и Ю.А.Полякова[20]; переписи населения 1939 г. в статьях В.Б.Жиромской[21]. Пере-

писи населения 1939 г. была посвящена в 1994 г. специальная международная конференция в Торонто. В настоящее время расхождений в оценке достоверности и признании большой ценности обеих переписей у исследователей нет, поправки к данным переписи 1939 г. по численности населения почти совпадают.

Неисчерпаемые по своей обширности и глубине материалы переписей требуют времени для анализа и осмысления. Поэтому на сегодняшний день на их материалах начали появляться работы. К ним относится сборник статей «Население России в 1920—1950-е годы: численность, потери, миграции»[22], в котором дан анализ переписей 30-х гг. по ряду проблем, и первый том коллективного труда «Население России в XX в.»

Итак, определенные успехи в исследовании такого важного параметра демографического развития России, каким является численность населения в 1930-е гг. и людские потери, достигнуты. Однако в целом демографическая история российского населения, во всем многообразии его характеристик остается неизученной. Взгляд в это неизвестное и составляет содержание данной книги.

В книге сделана попытка установить подлинную численность населения России, ее автономий и областей, проследить динамику численности городского и сельского населения, освободив цифры от фальсификаций; опираясь на новые недоступные прежде исследователю материалы, показать демографические процессы и выявить факторы их определявшие. Не менее важно осветить перемены в размещении населения, изменения в его возрастнополовом, социальном и национальном составе, структуре занятий, уровне грамотности и образования, рассмотреть вероисповедания, распространенные на территории республики.

Территориальные границы РСФСР взяты на январь 1939 г. Кроме общих данных по Федерации специально рассматриваются ее основные регионы: Европейская Россия, Северный Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток. По мере необходимости при решении исследовательских задач привлекался материал по СССР в целом и отдельным союзным республикам.

Переписи 1937 и 1939 гг. — основной источник для характеристики населения во второй половине и конце 30-х годов.

Как известно, перепись 6 января 1937 г. была сразу после подведения первых итогов необоснованно объявлена дефектной, а ее организаторы репрессированы. Ценно, что материалы этой переписи дошли до нас в неискаженном виде. В ней собран материал по численности населения Российской Федерации и ее основных регионов, представлен погодный возрастной состав, впервые дан целый комплекс сведений по грамотности и образованию и, наконец, в ней содержатся уникальные материалы об отношении населения к религии и о вероисповеданиях.

Программа переписи 17 января 1939 г. была более обширной, чем в 1937 г. В ней были подробнее представлены сведения о грамотности и образовании, национальностях, родном языке, професиональному составу занятых, кадрам национальных республик и т.д. Однако данные этой переписи по численности населения, в том числе городского и сельского, были фальсифицированы. Необходимо было в связи с этим изучить все черновые материалы по ее подготовке и проведению, все варианты переписных листов и разработочные таблицы, чтобы выявить подлинные цифры. Сведения по ряду других параметров были засекречены и искажению не подвергались.

В рамках переписей 1930-х гг. были проведены спецпереписи военнослужащих и заключенных. Эти данные сопоставлены с данными фонда ГУЛАГа.

Кроме переписей нами изучены материалы текущего учета населения. Материалы эти неполны, особенно за 1932—1933 гг. Однако они дают возможность судить о динамике численности населения, рождаемости, смертности, причинах смертей, а также содержат отчеты санитарно-медицинских органов о заболеваемости населения, в том числе детей.

Особый интерес представляет собой переписка органов учета населения с местными и центральными органами власти: письма, донесения, циркулярные предписания, докладные и проч. Все эти материалы были суперсекретными (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329), они дополняют и объясняют материалы переписей.

Для освещения темы исследованы в архивах фонды не только переписей населения, но и данные текущего учета населения и санитарно-медицинская статистика.

Ценные сведения демографического характера содержат публикации рассекреченных в последенее время материалов: «Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг.» (М., 1989); Дугин А.Н. «Говорят архивы: Неизвестные страницы ГУЛАГа» (Социологические исследования. 1990. № 7); Земсков В.Н. «Спецпоселенцы» (по документам НКВД МВД СССР) (Социологические исследования. 1990. № 1) и др.

Использована была нами и справочная статистическая литература по населению СССР и РСФСР, прежде всего недавно изданная «Демографическая энциклопедия»[23] и ее переиздание «Народонаселение»[24].

Небольшой по объему обзор источников показывает, что в настоящее время исследователь располагает достаточно обширным материалом для специального изучения истории населения в одно из самых сложных десятилетий недалекого прошлого.

Работа содержит приложения, в которых представлены неопубликованные данные санитарно-медицинской статистики 1930-х гг.

Работа издается при поддержке РГНФ (Российского гуманитарного научного фонда).

Глава I.
Численность и потери населения России в 1930-е гг.

1. Демографические процессы

Первая мировая и гражданская войны с их многомиллионными потерями населения, в первую очередь мужского, в самых детородных возрастах не могли не деформировать демографических процессов, резко повысив показатели смертности и снизив рождаемость. По подсчетам историков и демографов эти потери исчислялись в 12–16 млн человек[1].

После войны к середине 20-х гг. наступил непродолжительный период компенсаторной рождаемости. Вторая половина 20-х гг. характеризовалась высокими показателями рождаемости, особенно это относится к 1925–1926 гг. Действительно, общий коэффициент рождаемости в европейской части страны ни разу не опускался ниже 44,7%, а эффективной рождаемости – 30,7%. Самый высокий коэффициент рождаемости приходится на 1925 год – 45,0%, а самый высокий коэффициент эффективной рождаемости (с 1917 по 1940 гг.) – на 1926 год. Однако довоенный уровень рождаемости так и не был достигнут. Лишь в течение трех лет показатель рождаемости в середине 20-х годов был близок к нему. При этом нельзя не учитывать, что, хотя естественный прирост населения в те годы в большинстве губерний был положительным, уровень детской, особенно младенческой, смертности продолжал оставаться высоким. В 1924 году на каждую 1000 родившихся умирал 191 младенец, то есть 19%, в 1925 году – 20%, в 1926 году – 17%, в 1927 году – 19%. Среди детей в возрасте от 1 до 4 лет умершие составляли 10% в эти относительно благополучные годы. Таким образом, разрыв между показателем эффективной рождаемости и общим коэффициентом рождаемости в те годы был достаточно велик.

В мирных условиях в Европейской России общий коэффициент смертности в 1925 году понизился до 24,1‰, а в Центрально-Промышленном районе – до 22,1‰. Увеличилась средняя продолжительность жизни – мужчин до 42 лет, а женщин – до 47 лет. Однако уже к 1928 году повысился коэффициент смертности, а к 1930 году снизилась рождаемость. Проявилась неблагоприятная тенденция к ранней смертности мужчин в трудоспособных возрастах, особенно в городах, и как следствие – увеличившийся разрыв между продолжительностью мужской и женской жизней. Кроме того, даже в те относительно благоприятные годы (середина 20-х годов) на долю внешних (экзогенных) причин смертности приходилось $^2/_3$ всех смертей, что свидетельствует о подверженности населения массовым инфекционным заболеваниям и высоком травматизме на фоне недостаточного медицинского обслуживания, которым еще не была охвачена большая часть населения. Это неблагоприятное положение в области здравоохранения постоянно фиксировалось демографической литературой разных лет[2].

Повышение рождаемости и некоторое улучшение демографической ситуации не могли полностью компенсировать людские потери 1914–1922 годов, а главное – не могли преодолеть нарушений в развитии демографических процессов.

Эти потери и нарушения имели долгосрочные негативные последствия, поскольку оставили глубокие «демографические ямы» в возрастной структуре мужского населения. К началу 30-х годов они продолжали определять демографическую ситуацию в стране. Период компенсаторной рождаемости завершился, и наметилась устойчивая тенденция к снижению рождаемости. В этих условиях при составлении плана первой пятилетки Госплан разработал прогноз расширенного воспроизводства населения, в основу которого был положен высокий коэффициент рождаемости 1925–1926 гг.

На самом деле демографическая ситуация в начале 30-х гг. еще более ухудшилась. Начало 1930-х гг. отмечено «демографической катастрофой», связанной с голодом 1932–1933 гг., которая оказала глубокое негативное влияние на последующие годы, вызвав деформацию возрастнополовой пирамиды и нарушив демографические процессы.

Но как ни тяжелы были последствия голода, охватившего многие районы России, не только они воздействовали на демографическое развитие ее населения на протяжении всего десятилетия. Давали себя знать и такие драматические события как массовые переселения раскулаченных, нараставший год от года шквал репрессий, сверхсмертность в местах заключения, вынужденные миграции населения и прочие факторы экзогенного порядка.

Потери населения начала 30-х гг. привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей. Однако пока еще до конца география голода не выяснена, свою лепту в выявление масштабов этой трагедии предстоит внести региональным исследованиям, что позволит максимально приблизиться к истине в исчислении людских жертв.

Однако, если начало 30-х гг. пользуется вниманием исследователей, то демографическая ситуация в последовавшие затем годы этого десятилетия остается в тени. На характеристике демографических процессов мы и остановимся, сделав попытку проследить год за годом их развитие от 1930 к 1939 гг.

В нашем распоряжении данные текущего учета населения. Правда, за 1932–1933 гг., когда в районах голода не успевали фиксировать все факты смерти в силу разных причин, в частности гибели самих работников органов учета, его сведения страдают неполнотой. По ним невозможно судить о точном числе умерших, но факт огромной убыли населения они фиксируют. Один из членов правительственной комиссии по проверке работы органов учета в 1932–1933 гг. С.Каплун (сотрудник Центрального управления народно-хозяйственного учета) писал в 1935 г. в своем отчете: «Считаю необходимым указать, что несмотря на бесспорные дефекты первичного учета смертей и рождений в сельсоветах.., эти записи, при всей их указанной выше неполноте, бесспорно своевременно и достаточно чутко отражали основные процессы, происходившие в движении населения»[3].

Уже в начале 1935 г. текущий учет населения и в селах, и в городах был достаточно полным, охватывая более 95% всего населения Российской Федерации. После передачи во второй половине 1935 г. органов текущего учета в ведение НКВД процент этот уже не снижался.

Таким образом, основные тенденции демографического развития населения текущий учет позволяет осветить на протяжении всего десятилетия. Кроме того его данные сопоставлены со сведениями конъюнктурных обзоров, которые производились ежегодно органами санитарно-медицинской статистики.

Одним из основных показателей демографического развития населения является величина его естественного прироста, представляющая собой разность между числом родившихся и умерших за определенный промежуток времени (как правило за год). Проследим динамику этого показателя (см. табл. 1).

Таблица 1

Демографический баланс в РСФСР* в 1928—1939 гг. (в тыс. чел.)

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1928	4301,7	1852,8	2448,9
1929	4164,7	2111,1	2053,6
1930	3598,5	1887,1	1711,4
1931	3591,6	2031,6	1560,5
1932	3359,1	2051,1	1308,0
1933	2721,3	2927,1	-215,2
1934	2646,2	2004,4	641,9
1935	3365,5	1874,9	1490,6
1936	3676,3	2273,7	1402,7
1937	4243,2	2193,6	2049,6
1938	4159,8	2106,7	2053,1
1939	4154,7	2142,0	2012,7

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 27, 49.

* Данные в табл. 1—3 приводятся без Казахстана и Киргизии.

Как видно из данных, приведенных в таблице, уже в 1930 г. по сравнению со второй половиной 1920-х гг., когда демографическая ситуация была достаточно благоприятной, произошло заметное снижение темпов естественного прироста. Даже если мы для сравнения возьмем конец 20-х гг., то есть 1929 г., отмеченный уже повышением смертности, то и по сравнению с ним в 1930 г. произошло сокращение его величины на 0,3 млн человек. Уменьшение естественного прироста населения продолжалось и в последующие годы, вплоть до 1933 г., когда его величина была отрицательной. Смертность в этом году превысила рождаемость: умерло на 215 тыс. человек больше, чем родилось. Потери населения, безусловно были бóльшими, поскольку, как это уже говорилось выше, учет смертей как среди постоянного населения, так и прежде всего среди беженцев был неполным, особенно в сельской местности. Даже по неполным данным текущего учета в 1933 г. умерло около 3-х млн человек. Среди архивных материалов сохранилась сверхсекретная справка, составленная ЦУНХУ Госплана СССР и адресованная в Бюро переписи населения 1939 г.[4] Поскольку она составлялась для выявления мест, отличившихся в 1933 г. особо сильной убылью населения, куда следовало направить для сокрытия этого факта переписные листы из мест с «избыточным» населением (дислокация заключенных и военнослужащих), то ее данным можно доверять. В справке отмечены прежде других следующие районы: Саратовский край, где в 1933 г. (без учета мертворождений) число умерших на 84,2 тыс. чел. превысило число родившихся (118,9 тыс. против 34,7 тыс.); эти подсчеты по Саратовскому краю сделаны без учета Республики Немцев Поволжья, где в свою очередь на тот же год названы соответственно следующие цифры: 36,2 тыс., 50,1 тыс., 13,9 тыс.; Сталинградский край (без Калмыкии) — соответственно: 36,7 тыс., 81,8 тыс., 45,1 тыс.; Северо-Кавказский край (без Дагестана) — 78,7 тыс., 118,2 тыс., 39,5 тыс.; Воронежская область — 25,3 тыс., 205,5 тыс., 180,2 тыс.; Курская область — 36,7 тыс., 155,7 тыс., 119,0 тыс.

В 1934 г. в связи с тем, что смертность несколько понизилась, величина естественного прироста стала положительной, но его уровень был невысок. Объяснялось это понижением рождаемости, поскольку все еще продолжали сказываться последствия голода. В

результате коэффициент прироста составил всего 0,6*. Это был наименьший прирост населения за все 1930-е гг.

Начиная с 1935 г. величина естественного прироста увеличивается. Его коэффициент в этом году составил 1,5, то есть был в 2,5 раза выше, чем в 1934 г. Прирост населения произошел за счет повышения рождаемости и некоторого снижения смерности как среди городских жителей, так и среди сельских (см. табл. 2, 3).

Уже в следующем, 1936 г., показатель смертности резко возрос. В этом году умерло людей больше, чем в 1934 г. В итоге после увеличения в 1935 г. коэффициент прироста населения довольно заметно понизился до 1,3, хотя и остался величиной положительной за счет повышения рождаемости.

Таблица 2

Естественное движение населения РСФСР в городах в 1928—1939 гг. (в тыс. чел.)

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1928	571,9	305,8	266,2
1929	563,1	336,4	226,7
1930	543,8	368,7	175,0
1931	629,8	478,6	151,2
1932	714,6	581,0	133,6
1933	553,4	801,4	-248,0
1934	583,3	540,6	43,7
1935	789,9	472,7	317,2
1936	932,8	592,0	340,8
1937	1359,9	644,5	715,4
1938	1264,7	681,5	583,2
1939	—	—	602,5

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 28—29.

* Для исчисления коэффициентов естественного прироста населения использованы погодные оценки численности населения: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России. М., 1998. С. 94.

Таблица 3

Демографическое развитие сельского населения РСФСР в 1928—1939 гг. (в тыс. чел.)*

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1928	3729,7	1547,0	2182,7
1929	3601,6	1774,7	1826,7
1930	3054,8	1518,4	1536,4
1931	2961,8	1552,5	1409,3
1932	2644,4	1470,1	1174,4
1933	2169,8	2137,0	32,8
1934	2061,9	1463,8	598,1
1935	2575,6	1402,2	1173,3
1936	2743,5	1681,6	1061,9
1937	2883,3	1549,1	1334,2
1938	2895,1	1425,2	1469,9
1939	—	—	1410,2

* Без Якутской и Дагестанской АССР.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 27, 28, 49.

1937 и 1938 гг. отмечены относительно высокой рождаемостью, которая начала повышаться по сравнению с рубежом 1930-х гг. еще в 1936 г. в связи с запрещением абортов. Однако ни за один год из этих трех лет ее показатель не поднялся до уровня 1928 г. Причем уже в 1938 г. он начал снижаться, поскольку меры административного вмешательства в демографическое поведение людей действуют, как правило, ограниченный срок. Хотя смертность продолжала оставаться высокой, все же она начала снижаться в 1937 и 1938 гг. (см. табл. 1). В этой ситуации коэффициент естественного прироста поднялся до 1,9, причем в городе он был выше, чем в деревне. В 1938 г. величина естественного прироста поднялась до уровня 1929 года, хотя уже и не столь благополучного для второй половины 20-х гг.

Однако в 1939 г. вновь возобладала тенденция к понижению коэффициента естественного прироста населения (1,8), поскольку в этом году наблюдалось повышение смертности, особенно детской. За 8 месяцев 1939 г. был зафиксирован рост детской смертности и в городе, и на селе по сравнению с 1938 г.

Показатель естественного прироста мужского населения был ниже, чем женского. В частности в 1933 г. он был отрицательным лишь у мужчин. У женщин он, хотя и не был велик, являлся величиной положительной. Кроме того ни разу показатель естественного прироста у мужчин на протяжении всех 30-х гг. не вышел на уровень конца 1920-х годов.

Естественный прирост и его динамика в городе и в селе имели свою специфику. В городах особенно резко понижается естественный прирост населения, вплоть до 1933 г. Видимо здесь был лучше, чем на селе организован учет смертей. Кроме того фиксировались и акты гражданского состояния прибывавших туда беженцев. В 1933 г. понижение показателя естественного прироста в городах достигает своего пика и становится отрицательной величиной. Например, в 1932 г. в Саратове число умерших превысило число родившихся на 4,6 тыс. чел., Куйбышеве — на 1,5 тыс., Сталинграде — на 1,7 тыс. и др.; в 1933 г. в Саратове — на 20 тыс., Сталинграде — на 10 тыс., Куйбышеве — на 8,5 тыс., Челябинске — на 7 тыс. и др. В 1934 г. убыль населения все еще продолжается, хотя темпы ее понижаются[5].

Естественный прирост мужской части населения и в городах ниже, чем у женской. Так, убыль мужчин в результате превышения смертности над рождаемостью в 1933 г. составила 175 тыс. чел., а женщин — 64 тыс. В 1934 г. прирост населения в городах положителен, но показатель его низок. Он в 3 раза меньше, чем в 1932 г. и в 6 раз меньше, чем в 1928 г.

В 1935 г. начинается резкое повышение в городах абсолютного показателя естественного прироста населения. Это было связано с повышением рождаемости. Сказывался приток в города лиц молодого детородного возраста, которые были задействованы на промышленных объектах, в строительстве и транспорте. За счет, видимо, этого пришлого населения и увеличились показатели рождаемости, а вовсе не в связи с более благоприятной демографической ситуацией в

городах по сравнению с селом. На это указывает тот факт, что одновременно показатели смертности в городах оставались высокими и не только не снижались, а напротив, имели тенденцию к повышению. В целом в 1935 г. и позднее естественный прирост в городах превышает показатели 1928 и 1929 гг. Очередной скачок происходит в 1937 г., когда прирост по сравнению с 1935 и 1936 гг. удваивается. Однако показатель этот неустойчив и испытывает постоянные колебания. К 1938 г. он снижается (на 20% по сравнению с 1937 г.), а в 1939 г. вновь повышается, но уже незначительно.

По данным текущего учета в сельской местности идет заметное снижение прироста населения от 1928 г. вплоть до 1933 г.: от 1928 к 1929 г. — на 16%, от 1929 г. к 1930 г. — на 16, от 1930 г. к 1931 г. — на 8, от 1931 к 1932 — на 17. Все эти колебания объясняются то понижением, то повышением уровня смертности на фоне стабильного, хотя и небольшого понижения рождаемости.

Пик падения показателя естественного прироста приходится на 1933 г. По данным табл. 3 он почти нулевой, причем по мужскому населению отрицательный. В 1934 г. он, хотя и положительный, но вдвое меньше, чем в 1932 г. и на 70% меньше, чем в 1928.

Естественный прирост населения в 1933 и 1934 гг. в сельской местности, который показывают данные текущего учета, и значительное снижение уровня смертности в 1934 г. вряд ли соответствовали действительности и скорее объяснялось недоучетом смертей в эти годы. Это тем более вероятно, что система учета в голодные годы очень пострадала, многие пункты регистрации перестали существовать. Восстановление системы учета требовало времени. Косвенно о том, что был допущен недоучет смертности в середине 30-х гг. свидетельствовал тот факт, что к 1937 г. население пострадавших районов, например, Саратовской обл., еще не достигло даже уровня 1926 г. Тоже можно сказать о Ярославской, Курской областях. Миграция в индустриальные районы не объясняет этих потерь.

В 1932 г. зафиксирован отрицательный естественный прирост на селе в Нижнем Поволжье, в частности в Республике Немцев Поволжья. В 1933 г. сельское население многих областей РСФСР дало отрицательный естественный прирост, особенно значитель-

ный в Саратовской, Сталинградской, Курской областях, в Средне-Волжском, Северо-Кавказском и Азово-Черноморском краях.

Начав подниматься в 1935 г., уровень естественного прироста сельского населения уже в 1936 г. резко упал. В 1937 и 1938 гг. его показатель опять начал подниматься, но в 1939 г. наметился спад. При этом ни разу за все десятилетие он не достиг уровня ни 1928, ни 1929 г. Это было характерно и для мужской, и для женской части населения.

Таким образом, на всем протяжении десятилетия 30-х гг. естественный прирост населения не был стабильным, колебания его показателя были резкими, скачкообразными, а повышение неустойчивым.

Однако в течение десятилетия продолжает сохраняться традиционная довольно высокая рождаемость в пределах 39—40‰ (1950 г. — 26,25‰).

Хотя рождаемость и была относительно высокой, развивалась она нестабильно. Уже начало десятилетия было неблагополучным. С 1929 г. тенденция понижения рождаемости становится устойчивой.

Если в 1929 г. снижение рождаемости было незначительным по сравнению с 1928 г. и могло объясняться естественными причинами, то есть тем же демографическим переходом, то в 1930 г. по сравнению с 1929 г. резко падает рождаемость почти на 14%. Это за один год. Положение не изменилось в 1931 г., а в 1932, 1933, 1934 гг. рождаемость резко падает можно сказать, по вертикали: в 1932 г. по сравнению с 31 — на 6%, в 33—34 — самые низкие показатели — от 1932 к 1933 г. падает на 19%, а к 1934 г. — на 21%. Затем после голодомора по демографическим законам должна начаться компенсаторная рождаемость, однако вплоть до 1937 г. уровня 1929 г. она не достигла. Порадовав несколько в 1937 г., когда она вышла на уровень 1929 г., она начинает устойчиво снижаться к концу десятилетия. Это на фоне запрещения с 1936 г. абортов. На протяжении всего периода наблюдаются в ее показателях скачкообразные резкие и частые понижения и резкие и при этом редкие повышения. Компенсаторная рождаемость слабая и период ее очень короток (обычно длится от 3 до 6 лет). Потерь населения она восплонить не смогла.

Динамика рождаемости в городах отличается скачкообразностью, резкими колебаниями. Начиная с

1928 г., она снижается и самая низкая за все десятилетие в 1930 г. С 1931 г. уровень рождаемости возрастает: и в 1931 и 1932 г. она значительно выше, чем в предыдущие годы (см. табл. 2). Видимо, этот подъем рождаемости связан с притоком мигрантов в города из сел, в основном мужчин. В голодные 1933 и 1934 гг. сказываются последствия голода, рождаемость резко падает. В 1935 г. происходит резкий подъем ее уровня, который продолжает наблюдаться и в последующие годы — 1936 и 1937. В 1938 г. рождаемость вновь несколько снижается, но в 1939 г. наблюдается ее незначительный подъем. Все эти резкие колебания в уровне рождаемости в 30-е гг. объясняются прежде всего внешними факторами, внутрисемейное регулирование деторождения проявляется пока слабо.

В сельской местности изменения в рождаемости менее заметны. Она традиционно высокая, но, хотя и слабо, начала проявляться тенденция к ее снижению. Это заметно и в 1930 г., тем более — в 1931 и 1932 гг. по сравнению с 1929 г. Видимо, сказываются влияние первой волны колективизации, начавшееся переселение раскулаченных. Низкой рождаемостью выделяются голодные 1933 и 1934 гг., а с 1935 г. начинается медленное повышение ее уровня. Но уже в 1939 г. даже официальный конъюнктурный обзор отмечает понижение рождаемости в селах большинства областей России. Уровня конца 20-х гг. она так и не достигла.

Статистика позволяет судить о количестве рождений погодно, включая мертворожденных. Например, в 1933 г. их было в РСФСР 2,7 млн, в городах 553,4 тыс., а в селе 2,2 млн. Даже в этом неблагоприятном с демографической точки зрения году число родов было меньше, чем родившихся, поскольку были не столь редки случаи многоплодных родов. В этом году 19 тыс. родов закончились появлением на свет двоен; 340 троен и 5 большего количества детей. В деревне родов с двойнями было 15 тыс., с тройнями — 275. В 1934 г. данные содержат сведения лишь по Европейской части РСФСР. Всего здесь было зафиксировано 2100,9 тыс. родов, из них с двойнями — 17,8 тыс., с тройнями — 210 случаев. При этом в городе лишь 32 случая закончились появлением на свет троен, а двоен — 3 тыс. В 1936 г. в РСФСР было зафиксировано 3,7 млн родов, из них с двойнями —

47 тыс., с тройнями — 613 случаев и 1 многоплодный. Большая часть многоплодных родов произошла в деревне. В 1936 г. имел место факт учащения многоплодных родов. В 1938 г. было 4,1 млн рождений, столько же — в 1939 г.[6]

Основная масса родов происходила у женщин 20—25 лет, при этом пик приходился на 22—23 года. Так, в 1933 г. женщины в возрасте 20—25 лет произвели на свет 45% всех новорожденных. Интенсивный детородный возраст начинался с 19 лет, после 25 лет он волнообразно, скачками начинал снижаться. Первый спад происходил в 26-летнем возрасте, второй — в 29 лет, затем в 31 и последний — в 34 года. У женщин старше 34 лет рождаемость стабильно снижалась, хотя случаи родов продолжались до 55 лет. Детородный период, следовательно, был очень продолжительным — от 19 до 55 лет. В деревне у женщин активный период рождений начинался раньше — с 18 лет. Самый интенсивный период продолжался с 18 до 28 лет, самый пик приходился на 22—25 лет. Впервые снижение начиналось в 30—31 год. После 34 лет наблюдается устойчивое снижение способности к деторождению. Ту же картину мы наблюдаем и в 1935 г., а для села и в 1936 г. А в городах в 1936 г. начинает сокращаться период детородности, первый спад там происходит в 24 года[7].

У рабочих резкий спад деторождений начинается раньше, чем у служащих: соответственно в 26 и 29 лет. Но у служащих случаи родов происходят реже, и после 29 лет подъемов рождаемости нет, а у рабочих этот процесс спада происходит волнообразно, т.к. период детородности длиннее, чем у служащих. У крестьян существенное понижение детородности начинается после 30 лет, но рождаемость и после 30 лет остается довольно высокой вплоть до 45 лет. К концу 30-х гг. на фоне общего подъема рождаемости у служащих становится более ранним спад деторождений, теперь он начинается практически с 25—26 лет, как и у рабочих, но развивается и у тех и у других без взлетов и падений, то есть снижается плавно. Число родов у матерей-рабочих было значительно выше, чем у служащих. У крестьян детородный период продолжает оставаться более длительным, чем у рабочих или служащих[8].

Главную, определяющую роль в динамике численности населения играла в 30-е гг. смертность. Именно смертность в эти годы определила и отрицательный прирост населения в 1933 г., и отрицательный демографический баланс, который существовал в течение ряда лет в некоторых областях России, и низкий прирост населения на значительных территориях, что в значительной степени определило пониженную по сравнению с прогнозами численность населения страны в целом.

Показатель смертности повышается уже в 1929 г., в 1930-м он несколько снижается, но с 1931 г. он вновь начинает повышаться и достигает самой высокой точки в 1933 г. В 1929 г. смертность по отношению к 1928 г. выросла на 14%. В 1931 г. по отношению к тому же 1928 г. — на 10%, в 1933 г. — на 58%. Затем уровень ее понижается на 8% в 1934 г. относительно 1928 г. В 1935 г. снижение смертности продолжается, а в 1936 г. наблюдается скачкообразный подъем ее показателя. Этот год по показателю смертности уступает лишь 1933 г.: по отношению к 1928 г. — выше на 23%.

В 1937—1938 гг. уровень смертности, хотя и несколько понижается, но остается высоким. В 1939 г. показатель смертности вновь начинает расти.

Мужская смертность значительно опережает женскую[9].

В городах с 1931 г. показатель смертности резко возрастает, ярко выражен его рост и начиная с 1936 г. Смертность в селе, оставаясь высокой все эти годы, таких резких скачков по показателям не испытывает, кроме 1933 г. Это связано, видимо, с тем, что в отличие от города во второй половине 30-х гг. село было меньше затронуто детскими эпидемиями[10].

Особенно высокой была детская и младенческая смерность в 30-е годы. Из данных таблицы 4 виден, во-первых, высокий уровень смертности на протяжении всего семилетия именно младенческой. Во-вторых, в РСФСР этот уровень выше, чем в целом по Союзу. Это объясняется частично высокими потерями населения в Казахстане во время голода начала 30-х гг. (он тогда входил в пределы РСФСР), на Северном Кавказе и в Поволжье. В СССР в целом показатель младенческой смертности включал в себя высокие показатели смертности во время голода на Украине, но

они были смягчены более благополучной ситуацией в этом плане в республиках Средней Азии, Закавказья.

После очень короткого и неустойчивого понижения в 1934 и 1935 гг. младенческая смертность резко возрастает в СССР в 1936 г. по сравнению с 1934 г. в 1,3 раза, а в РСФСР — в 1,7 раза. В 1937 г. младенческая смертность продолжает возрастать и сохраняется и в 1938 и в 1939 гг. на высоком уровне (см. приложение 3).

В-третьих, и в СССР, и в РСФСР растет и удельный вес младенческой смертности в общем числе смертей (см. табл. 4). Следует заметить, что этот показатель растет и в 1934 и в 1935 гг. На первый взгляд это противоречит понижению в эти годы абсолютных показателей смертности младенцев. Однако последние говорят не столько о нормализации демографической ситуации, сколько о понижении рождаемости. В последующие годы рождаемость повышается, но растет и число младенческих смертей, и на фоне увеличения показателя общей смертности населения повышается удельный вес среди всех умерших детей младенческого возраста. Ситуация с младенческой смертностью была такой острой, что беспокоила статистиков. В Госплане и ЦУНХУ составлялись помесячные графики по этому показателю и выявлялись особо опасные месяцы. Исследование причин роста младенческой смертности приводит к выводу, что последствия голода имели долгосрочный характер. Об этом свидетельствует увеличение смертности младенцев от пороков внутриутробного развития и врожденной слабости детей. Они погибали, не успев появиться на свет, от диспепсии и истощения, что было связано с неокрепшим организмом от недавнего голодания и истощения самой матери. К этому еще добавилась, особенно в городах, тяжелая работа на предприятиях, в том числе с вредным производством. Оказывала влияние в негативном плане и изменившаяся в худшую сторону со строительством промышленных объектов в городах экологическая ситуация. Помесячное изучение младенческой смертности в городах показывает, что пик ее приходился на летние месяцы, когда неблагоустроенность городского хозяйства, отсутствие канализации, скученность, теснота, антисанитария способствовали еще и распространению кишечных инфекций. Весной, как правило, младенцы

погибали от заболеваний органов дыхания (бронхиты, пневмонии)[11].

В результате всего этого возраст «дожития» младенцев был низким. Самым тяжелым оказывался 1 день жизни, но опасная ситуация продолжалась до 10 дня жизни. Именно в этот период погибала основная масса младенцев. Спад детской смертности начиналс лишь после 6 мес. существования ребенка.

В деревне повышению детской смертности, в том числе младенческой, часто способствовало отсутствие или недостаточность медицинского обслуживания. Между тем было выяснено, что самые ослабленные дети рождались в деревне весной из-за истощения от недоедания и витаминного голодания матери в последние месяцы беременности и в первые месяцы кормления. Это явление было и в прежние времена характерно для деревни, это отмечали еще земские статистики, но в середине 30-х гг. оно было усилено последствиями голода, перенесенного населением в 1932—1933 гг.

Таблица 4

Младенческая смертность в СССР и РСФСР в 1933—1939 гг. (в тыс. чел.)

Годы	СССР		РСФСР	
	Число умерших до 1 г.	Уд. вес в общ. смертн.	Число умерших до 1 г.	Уд. вес в общ. смертн.
1933	718,7	14,4	602,9	20,5
1934	537,5	20,4	454,1	22,9
1935	706,1	27,5	576,7	28,9
1936	938,1	31,5	747,4	32,9
1937	1031,3	34,4	762,1	34,8
1938	1023,3	34,6	757,4	35,4
1939	1053,6	35,4	781,0	36,5

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 111. Л. 23—23об.; Д. 116. Л. 115—117; Д. 135. Л. 51, 54, 62, 64, 70—70об.; Кириллова Д.А. Рождаемость, смертность и прирост населения СССР (1933—1939 гг.). Чебоксары. 1994. С. 40.

О том же свидетельствуютри факты мертворождения. В 1933 г. в РСФСР родилось 8,9 тыс. мертвых

детей, в т.ч. 5,8 мальчиков. Большая часть их пришлась на городскую местность, лишь 1/3 на сельскую. В 1934 г. мертворождений было несколько меньше, поскольку уменьшилась рождаемость. Но и при этой пониженной рождаемости мертворождений было 7,1 тыс., при этом увеличились мертворождения в сельской местности. В 1936 г. мертворожденных стало во много раз больше, чем в предыдущие годы (29,7 тыс.), из них 17,3 мальчиков. Причем и в городе, и в селе количество мертворождений было одинаковым. Как правило, больше всего мертворождений приходится на октябрь, ноябрь и декабрь. В 1934 г. к этим месяцам присоединился еще и август[12].

Статистика позволяет судить за отдельные годы о возрасте, поле и социальном статусе умерших. Важно, что сохранились сведения за 1933 г. В самодеятельном населении мужчины, умершие в этом году, в возрасте от 16 до 29 лет, насчитывали почти 20%, от 30 до 49 лет — 30%, то есть половина умерших приходилась на самые молодые трудоспособные возраста. При этом у рабочих смертность была выше,ч ем у служащих. Причем у служащих самая высокая смертность приходилась на возраст от 30 до 49 лет. У крестьян была заметно выше, чем у рабочих и служащих смертность в возрастной группе от 10 до 18 лет[13].

Женщины в возрасте от 16 до 29 лет составляли среди умерших этого пола 17%, а от 30 до 49 лет — 30%, то есть та же высокая смертность наблюдалась в молодых возрастах, что и у мужчин. В социальном плане картина та же, что и мужчин: у рабочих смертность выше, чем у служащих, у крестьян больше всего от смертей страдает возрастная группа от 10 до 18 лет.

Для того, чтобы объснить сложившуюся демографическую ситуацию, необходимо обратиться к анализу причин смерти.

Наиболее распространенной причиной смерти являются болезни органов дыхания и у детей, и у взрослых: туберкулез, крупозная пневмония, бронхопневмония, пневмония и бронхит. Эта причина смерти дает 26,4% всех смертей. Вторая причина смерти — острозаразные, инфекционные заболевания, особенно распространенные среди детей. У взрослых в 30-е гг. — это оспа, сыпняк, возвратная горячка. У детей погибшие от инфекций составляют 12,8% всех умерших

детей: от кори — 4,6%, от дизентерии — 2,7%, от дифтерии — 1,2%, от скарлатины — 1,1%. Третья группа причин смерти — это последствия голодного истощения: у детей от 0 до 2-х лет — диаррея, диспепсия, от которых погибало 9% детей. Среди других причин смерти у взрослых и детей были распространены — болезни сердца, желудочно-кишечные интериты, раковые заболевния. Последняя причина еще не была массовой, от нее погибало тогда 3% всех умерших.

Особую группв причин смерти составлял травматизм, который усилился с развитием индустриализации. Только в городах Европейской России от травматизма погибало 3,5% всех умерших. От старческой дряхлости погибало всего 4,5% умерших. Самоубийств, убийств, смерти от алкоголизма было мало. Во всей Европейской России было всего 1690 случаев самоубийств, причем 698 приходилось из них на Москву[14].

Таковы общестатистические данные о причинах смерти в 30-е годы. Однако в разные периоды 30-х гг. эти причины играли разную роль. В голодные годы начала 30-х гг. большую роль играли причины смерти от истощения, которое усугубляло и увеличивало смерть от туберкулеза и др. болезней. Заметим здесь, что причины смерти в этот период фиксировались далеко неполно. Во второй половине 30-х гг., начиная с 1935 г. имели место вспышки инфекционных детских заболеваний: 1935 г. — коклюш и скарлатина, 1936 год — скарлатина, дифтерит, корь, 1937 г. — корь. В 1936, 1937 гг. от кори погибло от 45 до 60% умерших в эти годы детей, от скарлатины — 20%, от дифтерии — 16—20%. Смертность от кори выросла в эти годы на 1/3 по сравнению с началом 30-х гг. В секретном донесении ЦУНХУ в правительство в 1937 г. заболевание детей корью рассматривалось как «фактическая эпидемия», охватившая в основном города[15].

Особого внимания требует изучение статистики смерти новорожденных и детей до 1 года жизни. В архивах сохранилась секретная записка, подписанная начальником отдела населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР В.Хотимским, датированная августом 1936 г.[16] В ней были обобщены результаты работы сотрудников отдела по изучению детской смертности и ее причин в 1934—1935 гг. Из этой записки следует, что в 1934 г. подавляющая масса

числа смертных случаев детей в возрасте до 1 года концентрируется по следующей группе причин:

В % к общему числу всех смертных случаев (по данным годовых разработок смертности по причинам):

	Болезни новорожденных, врожденная слабость	Бронхит, бронхопневмония	Детские остр. желуд.-кишечные заболевания.	Итого
СССР (Евр. часть)	23,2	17,3	30,3	70,8
СССР	21,3	15,2	36,8	73,3
РСФСР	21,6	18,3	32,5	72,4

Около трех четвертей всех смертных случаев в возрасте до 1 года приходится на три перечисленные выше группы, которые и определяют уровень и динамику детской смертности. «Следует сделать оговорку, что вследствие неточности в регистрации причин смерти от болезней новорожденных и врожденной слабости, удельный вес этой группы в общей смертности детей в возрасте до 1 года значительно выше», — отмечается в записке.

По этим данным еще видны следы голодомора 1932—1933 гг. Истощение организма наблюдалось как у новорожденных, так и у беременных женщин, следствием чего была высокая смертность младенцев от врожденной слабости. Вместе с тем необходимо отметить, что среди желудочно-кишечных заболеваний отмечаются частые случаи диарреи и диспепсии, связанные также с ослаблением организма и ребенка, и матери вследствие голодания. Распространенные, обычно, причины смерти от заболеваний дыхательных органов в данном случае отступают на второй план. Показательно, что именно на территории Европейской части РСФСР зафиксирован высокий процент смертей от врожденной слабости младенцев. Именно в этой части страны были расположены такие очаги голода, как Северный Кавказ и Поволжье, кроме того именно в этот регион устремлялся поток беженцев с Украины в 1932—1933 гг.

При анализе причин смерти, отмеченных в Записке, обращает на себя внимание комплекс данных о младенческой смертности в промышленных центрах страны.

Коэффициенты детской смертности в возрасте до 1 года в городах с населением свыше 50000 жителей в 1934—1935 гг. (на 1000 родившихся)

		Врожденная слабость	Болезни дыхательн. органов (кроме крупозн.)	Острые желудочно-кишечные заболевания
РСФСР Европейская часть	1934 г.	38,2	43,1	39,1
	1935 г.	35,3	34,8	49,0
РСФСР	1934 г.	26,2	23,7	28,7
	1935 г.	22,4	26,2	34,1

Все это говорит о том, что начали сказываться последствия форсированной индустриализации и ухудшение в связи с этим экологической ситуации в стране. Показательно, что эти данные собраны в городах с населением свыше 50 тыс. жителей, где строились новые и реконструировались старые промышленные объекты. Загрязнение окружающей среды вызывало рост заболеваний органов дыхания с летальным исходом.

В промышленные города стекались потоки рабочей силы, которая не обеспечиваалсь ни нормальными жилищными условиями, ни соответствующим медицинским обслуживанием. Часто жилье строилось (в основном это были бараки) в непосредственной близости к предприятиям с широкой зоной вредности. Коммунальное хозяйство старых городов, теперь разросшихся, находилось в кризисном состоянии. В новых городах строительство коммуникаций — водоснабжения, канализации — отставало от роста промышленных объектов и притока сюда рабочих рук. Скученность, антисанитария, недостаток отопительных, канализационных, водоснабжающих систем приводили к росту смертности населения, особенно младенцев от желудочно-кишечных заболеваний. Это

одна из распространенных и устойчивых на протяжении всех 30-х гг. причина смертности младенцев. Что касается такой причины смертности, как врожденная слабость, то и она занимает заметное место среди прочих причин. В 1935 г. по сравнению с 1934 г. удельный вес ее несколько понизился, поскольку голод с их последствиями уходили в прошлое. Однако к концу 30-х гг. он вновь резко возрос, и этот рост был связан с причинами экологического порядка. Наряду с этим все большую роль начали играть среди причин смерти пороки внутриутробного развития.

Символично, что максимально высокие коэффициенты детской смертности, — как отмечено в Записке, — приходятся на такие промышленные города с населением свыше 100 тыс. жителей, как Кемерово — 283,2‰, Новосибирск — 264,6, Барнаул — 253,8; свыше 200‰ имели такие города, как Челябинск, Сталинск, Саратов, Казань, Куйбышев, Уфа, Оренбург и др. Высокие коэффициенты детской смертности были отмечены в Свердловской, Челябинской обл., в Западно-Сибирском крае.

В Записке подчеркивалось, что наша страна в результате занимала по уровню детской смертности одно из самых первых мест в Европе, далеко опережая по этому печальному показателю Германию, Францию, Англию, Италию.

Детская смертность дала высокие показатели в 1939 г., особенно в РСФСР, в таких ее областях, как Рязанская, Пензенская, Куйбышевская, Тамбовская, Воронежская, Ростовская, Алтайский край. Во всех этих районах детская смертность на 30% превышала показатели 1938 г. В 1938 г. в России умирал, не дожив до 1 года, каждый пятый новорожденный, а в 1939 г. — каждый четвертый.

Заметным явлением среди причин смертности взрослого населения в 30-е гг. стал травматизм. И этот момент относился главным образом к городам и был следствием ухудшения экологии в связи с вводом в действие промышленных предприятий, часто с зоной вредности, а также низкой квалификации рабочей силы и недостаточностью охраны ее труда на предприятиях. Если в 1935 г. на 1000 работников промышленности приходилось 75 случаев тяжелых травм со смертельным исходом, то в 1936 г. таких случаев было уже 90. На Челябинском тракторном заводе, Саратовском заводе комбайнов, Люберецком заводе сельскохозяйственных машин травматизм вырос ко второй половине 30-х гг. в 1,5—2 раза[17]. Увеличилось и число умерших от раковых заболеваний, особенно в Москве и Ленинграде.

Повышение детской смертности привело к тому, что в 1936 г. в ряде районов — Ярославской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Ленинградской, Московской было зафиксировано превышение смертности над рождаемостью. Так, в Горьковской области на 16,6 тыс. рождений 23,5 тыс. смертей; в Свердловской области — на 14,4 тыс. рождений 19,2 тыс. смертей; в Ленинградской области на 14,6 тыс. рождений 16,3 тыс. смертей и т.д.[18]

Одной из причин повышения смертности в 30-е гг. стали аборты. Известно, что в целях повышения рождаемости в стране была предпринята со стороны правительства попытка насильственной ее стимуляции: начиная с 1936 г. специальным постановлением СНК СССР было запрещено искусственное прерывание беременности (аборт). Это грубое вмешательство в личную жизнь граждан имело самые негативные последствия еще и потому, что в стране не были распространены противозачаточные средства. В этих условиях получили распространение так называемые «подпольные аборты», которые приводили нередко к смертности женщин. Судя по статистическим данным, эта трагедия в основном коснулась славянских народов, особенно городских жителей. Неславянские народы руководствовались прежде всего религиозными, национальными традициями или прибегали к средствам привычной для них народной медицины. Поэтому резкого подъема в повышении женской смертности среди них не произошло.

Что касается повышения рождаемости, то эта варварская мера не дала ожидаемых результатов. Подъем рождаемости был очень коротким, затем ее показатели несколько понизились. Учет смертности женщин от абортов за 1935—1937 гг. велся в ЦУНХУ. Приведем здесь эти данные[19]. В 1935 г. в крупных городах России смертность от абортов была, как правило, невелика. Так, в Москве зафиксировано было всего 53 случая за год, в Новосибирске — 12, Сталинграде — 10, Смоленске — 5, Туле — 4 и т.д. Выделялся лишь Ленинград, где было таких случаев зарегистрировано 108. Связано это было, видимо, с тем, что там проводилась перед принятием закона

«обкатка» его в отдельных районах. Там в связи с этим были затруднены аборты уже в 1935 г. В 1936 г. картина начинает меняться. Смертность приобретает устойчивую тенденцию к возрастанию. В Москве только за 4 месяца 1936 г. умерло 45 женщин от абортов, а в Ленинграде — 50. В других же городах смертность от абортов возросла настолько резко, что обратила на себя внимание. Так, например, в Туле в августе-ноябре 1936 г. умерло женщин вдвое больше, чем за весь 1935 г. В Новосибирске за август-ноябрь умерло женщин от аборта почти столько же, что за весь 1935 г. Такая же ситуация наблюдалась в Москве, Смоленске и др. городах (см. табл. 5). Однако это было лишь начало трагедии. Смертность нарастала с головокружительной быстротой. За первое полугодие 1937 г. в Москве умерло женщин от абортов в 2,5 раза больше, чем в 1935 г., в Ленинграде — в 1,5 раза, в Куйбышеве и Новосибирске — в 2,5 раза, в Смоленске — в 2 раза, в Туле — в 6,5 раза[20]. Уровень смертности от аборта оставался по сравнению с 1935 г. и в последующие годы высоким.

Таблица 5

Число умерших жещин от абортов и последствий абортов (в %)

Города	Число умерших в авг.-ноябре 1936 г. в % к 1935 г. (весь год)
Тула	200
Ворошиловград	200
Макеевка	175
Запорожье	125
Краснодар	87,5
Москва	84,9
Куйбышев	83,3
Новосибирск	83,3
Смоленск	80,0
Ростов-на-Дону	66,7
Томск	66,7
Сталинград	50,0
Оренбург	50,0
Ленинград	46,3

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 132. Л. 16.

Кроме летального исхода аборт был страшен в «подпольном» исполнении и тем, что калечил женщин, порой лишал их способности к деторождению, то есть имел прямо противоположный ожидаемому результат — снижал рождаемость. К тому же такой аборт часто способствовал нарушению правильного внутриутробного развития последующих детей.

Употребление забеременившими женщинами распространяемых подпольно непатентованных средств для избавления от плода, прибегание для этого к разным варварским методам часто приводили не к прерыванию беременности, а к рождению умственно неполноценных детей или хронически больных младенцев.

Вся эта ситуация усугублялась угрозой уголовной ответственности, страх перед которой заставлял женщин избегать медицинской помощи.

В итоге по самым приблизительным подсчетам в 1930-е гг. избыточная смертность населения РСФСР (без Казахстана и Киргизии) составила около 3,7 млн человек: сверхсмертность в основных пораженных голодом 1932—1933 гг. районах — 1,5 млн; в местах заключения — 1 млн; избыточная смертность, особенно младенческая и детская, середины и второй половины 30-х гг. — 1,2 млн.

Брачность в России в 30-е гг. была традиционно высокой. В 1933 г. было заключено 677 тыс. браков, а к концу 1936 г. — 926. При этом в городе в первом случае заключено было гораздо меньше браков, чем в селе: 247 против 330 тыс., а во втором случае почти одинаковое число — 438 и 488. В 1937 г. браков было заключено меньше чем в предыдущем году, но больше, чем в начале 30-х гг. — 750 тыс., но в 1938 г. их число вновь возрастает до 830 тыс.[21]

В 1939 г. происходит любопытное явление: резко падает число заключенных браков. Это характерно и для города и для села, но на селе этот процесс заметнее: браков среди сельчан было заключено на 20% меньше, чем среди горожан. Следует к тому же еще заметить, что число фактических браков (без регистрации) здесь не так велико, как в начале 30-х гг. Статистики того времени считали, что причина сокращения числа браков кроется в том, что в брачный период вступило поколение, рожденное в годы гражданской войны, т.е. сказалось эхо военных потерь. По их мнению, свою роль сыграл здесь в сокращении брач-

ности более низкий урожай, чем в предыдущие годы[22]. Все эти причины правомерны, однако, есть и еще одна немаловажная — репрессии, которые дестабилизировали семью. В селах же значительная часть мужчин, особенно молодых, мигрировала в города (либо в учебные заведения, либо на производство в связи с индустриализацией).

По данным переписей брачность не была ранней. В возрасте до 15 лет состоящих в браке насчитывалось единицы. Невысокими показатели брачности были и в возрастной группе 15—19 лет: мужчин состояло в браке 24%, а женщин — 33%. Самым активным брачным возрастом были у мужчин 25—29 лет, а у женщин — 20—24 года. Среди женщин этого возраста каждая вторая была замужем. Особенно высокой брачность была у мужчин. Лишь 10% мужчин в возрасте от 30 до 60 лет были холостыми, но и в 60 лет и старше, в связи с повторными браками, брачность у них составляла 745‰. Напротив число женщин, состоящих в браке, начиная с 40 лет снижается, а в 60 лет и старше показатель брачности падает до 293‰[23]. Женщине труднее было повторно вступить в брак, чем мужчине.

Необходимо заметить здесь, что переписи фиксировали и фактические браки (без регистрации в ЗАГСе). Состояние в браке записывалось со слов респондента, без проверки. В результате замужних женщин оказалось намного больше, чем женатых мужчин. Так что брачность женщин была в действительности несколько ниже, чем это зафиксировано в переписях.

Браки совершались в деревне по традиционному циклу, то есть в январе—феврале (на Святки и на Масленницу), а также осенью — в ноябре, когда заканчивались сезонные работы. Летом же браков заключалось очень мало.

В городе интенсивной «брачной» порой были октябрь, ноябрь, декабрь и январь. Меньше всего браков было весной.

Разводов в 1930-е гг. было довольно много. Необходимо отметить, что перепись учитывала разводы лишь зарегистрированных браков. Распады фактических браков нигде не фиксировались. Таким образом, статистика разводов была неполной. В период голода, особенно в 1933 г., семьи распадались чаще, чем в последующие годы десятилетия. Если в 1933 г. расторгался каждый второй брак, а в деревне — каждый четвертый, то в 1934 г. разводилась уже каждая третья семья, в 1936 г. — пятая, в деревне — каждая шестая. В 1937 г. число разводов сокращается: расторгается один брак из десяти, в 1938 г. — один из восьми. При этом число разводов в городах было выше, чем в деревнях: в первом случае распадался каждый шестой брак, а во втором — каждый одиннадцатый.

Чаще всего расторгались браки продолжительностью от 1 до 2-х лет и от 5 до 9 лет. Особенно это было характерно для лиц, находившихся в первом браке. А во втором и третьем браках критическим сроком были полгода и 1—2 года[24].

Для мужчин в городах самым интенсивным возрастом разводимости были 30—39 лет. В деревне же разводы чаще всего осуществлялись мужчинами в возрасте 25—29 лет. Женщины же разводились в 20—24 года чаще всего. Разводы же до 20 и после 40 лет были крайне редки.

Итак, невзирая на все трагические события, демографическую катастрофу 1930-х гг., в обществе продолжало господствовать традиционное отношение к семье. Семья продолжала существовать и даже укрепляться, охватывая семейными отношениями и связями подавляющую часть населения.

Таким образом, демографические процессы испытали на себе воздействие таких неблагоприятных факторов, как голод, переселения раскулаченных, репрессии, что привело к падению прироста населения в начале 30-х гг. до отрицательной величины. Прежде всего это происходило за счет высокой смертности и потерь населения. Вслед за этим последовало понижение рождаемости. Эту демографическую ситуацию принято называть «демографической катастрофой». В середине 30-х гг. проявляются краткосрочные и неустойчивые тенденции к нормализации демографических процессов. Смертность снижается медленно и нестабильно, рождаемость растет, но также весьма неустойчиво. Попытка административного регулирования рождаемости успеха в общем не имела, на которкий срок повысив рождаемость и на долгие годы увеличив число смертных случаев. В результате в конце 30-х гг. отчетливо проявилась и в городах и в селах негативная тенденция к повышению смертности. Сни-

жение рождаемости, которое происходило в те годы, можно лишь отчасти, в небольшой степени объяснить «демографическим переходом» причем в городах, особенно в крупных промышленных центрах.

2. Динамика численности населения России в 30-е гг.

Для изучения динамики численности населения России в 30-е гг. необходимо выяснить вопрос об оценке данных переписи 1926 г. о численности населения РСФСР. Как правило, историки и демографы рассматривали в этом плане данные в общесоюзном масштабе, специально итоги переписи по РСФСР не рассматривались.

К 1926 г. население Союза в целом увеличилось (по данным переписи 1926 года) до 147 млн человек; по оценке М.В.Курмана — до 145,8 млн, а по оценке современных исследователей — до 148,5 млн[25].

Согласно переписи 1926 года, на территории РСФСР в границах 1926 года (включая Казахстан) проживали 100,8 млн человек: 48,2 млн мужчин и 52,6 млн женщин[26].

По поводу данных переписи 1926 г. существует мнение, что в них допущен переучет населения в связи с тем, что в сельской местности перепись проводилась дольше, чем в городе, и приехавшие в этот период в города из сел, где фиксировалось лишь наличное население, могли пройти перепись дважды. По оценке М.В.Курмана был допущен переучет населения в 1%, то есть в полтора млн человек по Союзу и в 1 млн по Российской Федерации. Существуют и другие оценки точности этой переписи; А.Андреев, Л.Дарский и Т.Харькова склоняются к мнению, что в 1926 году был допущен недоучет населения СССР.

Соглашаясь в принципе с последней оценкой, мы считаем возможным внести свои уточнения в расчеты численности населения России в 1926 году. В частности А.Андреев и его соавторы считают, что оказались недоучтенными младенцы и дети в возрасте от 0 до 2-х лет, что составило 10% от соответствующих возрастных групп. Но эта поправка была исчислена ими по СССР в целом. Определяя ее величину для России, необходимо подходить к цифрам дифференцированно. Для славянских народов Российской Федерации поправка составила всего 2% от численности соответствующих возрастных групп, а для коренных народностей в автономиях — 13%. Таким образом, недоучет по численности славянских народов составил 171 тыс. человек, в том числе 86 тыс. мальчиков и 85 тыс. девочек. Для тюркских и угро-финских народностей соответственно — 77,5 тыс., в том числе 39 тыс. мальчиков и 38,5 тыс. девочек.

Вторая из предложенных этими авторами поправок, касается женского населения в возрасте 8—27 лет, недоучет которых связан с сокрытием ранних замужеств (8—14 лет) и у народов, сохранявших фактически многоженство, — младших жен. Поправка сделана по численности женского населения СССР. При подсчетах у нас женского населения России получилась другая возрастная группа (12—16 лет), нуждавшаяся в коррекции. Кроме того это касалось численности неславянских народов, прежде всего народностей Северного Кавказа (черкесов, адыгейцев, кабардинцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, народностей Дагестана и др.), Дальнего Востока, Поволжья и Приуралья (башкир, калмыков, чувашей и марийцев). В результате этой коррекции недоучет женского населения составил 14 тыс. Итого весь недоучет населения России составил 262,5 тыс. или 0,3% от всего населения Российской Федерации (без Киргизии и Казахстана), в том числе мужчин было недоучтено 125 тыс., а женщин — 137,5 тыс.

Учитывая предложенную нами коррекцию, можно сказать, что население Российской Федерации (без Казахстана и Киргизии) в 1926 году насчитывало 93,5 млн человек, в том числе — 44,3 млн мужчин и 49,2 млн женщин.

Более сложным вопросом является определение численности населения СССР и России в 1930-е годы. Опорными здесь являются данные переписей 1937 и 1939 годов, проводившиеся, как уже было сказано выше, в наисложнейших условиях. Известно, что перепись 1937 года насчитывала в СССР 162, а в Российской Федерации — 104 млн человек. Этот результат расходился с официальными прогнозами Госплана СССР, по которым численность населения СССР к 1937 году должна была составить 180 млн человек, а к 1939 году — 183 млн. В основу этого прогноза был

положен высокий прирост населения в середине 20-х годов и идея о «расширенном воспроизводстве населения в условиях социализма». Опираясь на этот прогноз И.Сталин в речи на XVII съезде ВКП(б) назвал цифру численности населения СССР – 168 млн человек (на конец 1933 года). Зафиксирован был прогноз Госплана и во втором пятилетнем плане.

В секретном письме П.И.Попова на имя Сталина и Молотова говорилось, что Госплан и ЦУНХУ считали, что «закон населения социалистического хозяйства в период первой пятилетки – это закон стабилизации темпов на сравнительно высоком уровне – 2,2–2,3% (в Америке – 0,9, в Японии – 1,2, в Италии – 0,85). Закон населения для второй пятилетки – это закон по сравнению с первой пятилеткой суживающейся спирали возрастания населения... Темпы возрастания за вторую пятилетку установлены в среднем 1,82%»[27].

Итак, ежегодный прирост населения на вторую пятилетку был исчислен в 3 млн человек. За точку отсчета на этот раз был взят уровень рождаемости 1932 года. Отсюда и получился более низкий коэффициент прироста.

В ЦУНХУ, в отличие от Госплана, коэффициент прироста населения несколько корректировался. Видимо, сотрудники ЦУНХУ стремились учесть данные текущего учета населения. Во всяком случае в прогнозах ЦУНХУ прирост населения от 1932 к 1933 году начал заметно снижаться: если от 1931 к 1932 году он составлял 2,2%, от 1932 к 1933 году – 1,4%. По расчетам Госплана падение прироста населения в эти годы еще не происходило. И в Госплане и в ЦУНХУ не могли не знать, что прирост населения на самом деле падает и поэтому во второй пятилетке, хотя и нерешительно, но прогноз начали снижать, но лишь в ЦУНХУ. Однако и в ЦУНХУ коренным образом этот вопрос не решался. Несмотря на коррективы и в ЦУНХУ эти данные были сильно завышены. В период второй пятилетики, учитывая людские потери, не могло быть и не было указанного прироста населения, тем более, что ряд лет характеризовался низким и даже отрицательным приростом населения. Так, согласно составленным в конце 30-х годов таблицам (по архивным материалам) на 1933 год показан отрицательный естественный прирост[28]. Другими словами, в результате повышения уровня смертности и превышения его над уровнем рождаемости, а также миграций за пределы страны убыль населения СССР в 1933 году составила примерно 1,6 млн человек. Следующий, 1934 год, хотя и дал положительный прирост населения, но всего в 0,8 млн. Ни в 1935, ни в 1936 годах не было прироста населения в 3 млн человек[29].

Конечно, эти данные ЦУНХУ неполно отражали потери населения. К этой мысли приводит тот факт, что данные в архивных таблицах завышены: на 1937 год указана цифра в 165,9 млн. Но даже и по этим несколько скорректированным данным динамика численности населения выглядит следующим образом[30]:

на январь 1927 год 147027,9 тыс. человек
на январь 1928 год 149989,2 тыс. человек
на январь 1929 год 153249,7 тыс. человек
на январь 1930 год 155995,8 тыс. человек
на январь 1931 год 158361,0 тыс. человек
на январь 1932 год 160444,5 тыс. человек
на январь 1933 год 162049,0 тыс. человек
на январь 1934 год 160455,2 тыс. человек
на январь 1935 год 161272,2 тыс. человек
на январь 1936 год 163512,8 тыс. человек
на январь 1937 год 165868,1 тыс. человек

Как видно из этих данных, прогноз и архивные материалы заметно расходятся, фиксируя убыль населения на ряд лет, которая в действительности была гораздо более значительной.

Таким образом, в плановых органах начали осознавать, что прогноз по численности населения в 180 млн не реален. Но в этих условиях важно было набрать цифру, которая была бы выше той, которую назвал вождь на съезде партии и скрыть тем самым потери населения. В этих целях и было введено с 1936 г. запрещение абортов, что должно было дать в ближайшие годы повышение рождаемости.

Главной причиной низкого прироста населения в целом и его убыли были как об этом говорилось выше, людские потери. Однако признавать ошибки в радужных прогнозах правительство не собиралось. Между тем перепись уже по своим предварительным итогам содержала весьма тревожные данные. Они были сообщены правительству И.А.Кравалем[31] в январе 1937 г. Без населения, переписанного в «особом порядке» НКВД и НКО и без пассажиров поездов и пароходов, перепись насчитала всего 156 млн человек на территории СССР, а РСФСР – 98 млн.

Таблица 6

Численность населения РСФСР в 1926 и 1937 годах

Территория	1926 год			1937 год			1937 г. в % к 1926 г.		
	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
РСФСР									
1. Северная область	1007031	1138065	2145096	1052381	1209874	2262255	104,5	106,3	105,5
2. Коми АССР	102396	122299	224695	156947	152367	309314	153,3	124,6	137,7
3. Карельская АССР	128804	138199	267003	279886	232668	512554	217,3	168,4	192,0
4. Ленинградская обл. в т.ч. г. Ленинград	2357359 735471	2653416 824651	5010775 1560122	317309 1270628	3655434 1543846	6831743 2814474	134,7 172,8	137,8 187,2	136,3 180,4
5. Калининская обл.	1613529	1879373	3487502	1491822	1728842	3220664	92,5	92,3	92,3
6. Западная обл.	2358995	2653839	5012834	2150728	2542767	4693495	91,2	95,8	93,6
7. Московская обл. в т.ч. г. Москва	4049541 958944	4631113 1036308	8680654 19995252	5622833 1762955	6348534 2035123	11971367 3798078	138,9 183,8	137,1 196,4	137,9 190,4
8. Ярославская обл.	937929	1171927	2109856	1003803	1193254	2197057	107,0	101,8	104,1
9. Ивановская обл.	1009234	1202259	2211493	1139716	1379452	2519168	112,9	114,7	113,9
10. Горьковская обл.	1402793	1623034	3025827	1701389	1981619	3683008	121,3	122,1	121,7
11. Чувашская АССР	422252	466708	888960	477339	546619	1023958	113,0	117,1	115,2
12. Марийская АССР	228679	259471	488150	260470	301852	562322	113,9	116,3	115,2
13. Кировская обл.	1097653	1289824	2387477	1071174	1309163	2380337	97,6	101,5	99,7
14. Удмуртская АССР	368388	423142	791530	428997	507008	936005	116,6	119,8	118,3
15. Татарская АССР	1198686	1386350	2585036	1244180	1491505	2735685	103,8	107,6	105,8
16. Куйбышевская обл.	2004337	2277003	4281340	1790095	2158151	3948246	89,3	94,8	92,2
17. Мордовская АССР	589537	670536	1260073	541892	650120	1192012	91,9	97,0	94,6
18. Воронежская обл.	2935048	3281309	6216357	2761146	3325688	6086834	94,1	101,4	97,9
19. Курская обл.	2308732	2555971	4864703	1878088	2288548	4166636	81,3	89,5	85,7
20. Крымская АССР	334454	363979	698433	476184	518614	994798	142,4	142,5	142,4
21. Азово-Черном. кр. в т.ч. Адыгейск. АО	2685569 107113	2957659 114554	5643228 221667	2605353 104444	2996406 120947	5601759 225391	97,0 97,5	101,3 105,6	99,3 101,7

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
22. Северо-Кавк. край в т.ч. Карачаев. АО Черкесск. АО	814432 46599 32737	890510 47431 33632	1704942 94030 66369	765063 68753 38896	870214 71419 42156	1635277 140172 81052	93,9 147,5 118,8	97,7 150,5 125,3	95,9 149,1 122,1
23. Дагестанская АССР	381539	405844	787383	486774	523110	1009884	127,6	128,9	128,3
24. Чечено-Ингушск. АССР	259314	250741	510055	323789	336049	659838	124,9	134,0	129,4
25. Сев.-Осетинск. АССР	110759	115274	226033	148920	160151	309071	134,5	138,9	136,7
26. Кабард.-Балк. АССР	116005	114918	230923	164086	168407	332493	141,4	146,5	144,0
27. Калмыцкая АССР	81291	79885	161176	97227	97255	194482	119,6	121,7	120,6
28. Сталинградская обл.	1023010	1140684	2163494	1028945	1195852	2224797	100,6	104,8	102,8
29. Немцев Поволж. АССР	273965	297435	571400	227942	261386	489328	83,2	87,9	85,6
30. Саратовская обл.	1160714	1289823	2450537	865020	1021591	1886611	74,5	79,2	77,0
31. Оренбургская обл.	701347	790864	1492211	734675	831335	1566010	104,8	105,1	104,9
32. Башкирская АССР	1201120	1344045	2545165	1383912	1572866	2956778	115,2	117,0	116,2
33. Челябинская обл.	1196948	1367064	2564012	1293145	1475420	2768565	108,0	107,9	108,0
34. Свердловская обл.	1462302	1689581	3151883	1909614	2216836	4126450	130,6	131,2	130,9
35. Омская обл.	1003487	1072480	2075967	1099543	1230877	2330420	109,6	114,8	112,3
36. Зап.-Сибирский кр. в т.ч. Ойротская АО	2616814 51833	2742710 54711	5359524 106544	3071434 73095	3362093 77569	6433527 150664	117,4 141,0	122,6 141,8	120,0 141,4
37. Красноярский кр. в т.ч. Хакасская АО	700030 57682	720256 57961	1420286 115643	894805 116005	933941 120181	1828746 236186	124,2 201,1	129,7 207,3	128,8 204,2
38. Вост.-Сибирск. обл.	666106	661842	1327948	963519	933530	1897049	144,6	141,6	142,9
39. Бурят-Монгольск. АССР	263414	263308	526722	322258	325317	647575	122,3	123,5	122,9
40. Дальне-Восточный кр. в т.ч. Еврейская АО	683769 19007	589626 16533	1273395 35540	1439449 80215	1041736 40789	2481185 121004	210,5 422,0	176,7 246,7	194,8 340,5
41. Якутская АССР	150029	133439	283468	195181	165440	360621	130,1	124,0	127,2
Итого по РСФСР	44007341	49100405	93107746	48726033	55241891	103967924	110,7	112,5	111,7

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 26–28.

В своем письме Краваль сообщает о мерах, принятых ЦУНХУ для проверки данных переписи, особенно по областям, давшим отрицательные показатели динамики населения по сравнению с 1926 г. Однако полученные данные по этой проверке, осуществленной по 115 сельсоветам, показали, что было пропущено при переписи всего 10 челвоек. Сохранившиеся в архивах материалы свидетельствовали о высокой точности учета населения переписью. Так, в Свердловской области в результате контрольного обхода общий итог увеличился всего на 0,3%, в Кунцевском районе Московской области непереписанных не оказалось вовсе, в Челябинской области не прошли перепись единицы.

В итоге в середине марта 1937 г. после получения сведений от НКВД и НКО И.А.Краваль послал Сталину и Молотову письмо о предварительных итогах переписи 1937 г., которое сохранилось в архивах (см. табл. 6).

По сравнению с переписью 1926 г. численность населения в СССР увеличилась на 15 млн человек или в среднем на 1% в год. Как видно из приведенных Кравалем данных, динамика населения различных республик, районов и областей страны была далеко не одинакова. Сразу обращают на себя внимание неблагоприятные показатели естественного движения населения на Украине и в Казахстане. Кроме того, хотя и в несколько меньшей степени, но такие тенденции характерны для таких районов России, как Саратовская область, Курская область, часть Северо-Кавказского края, ряда автономий и др. Стремясь объяснить причины убыли населения в этих районах, Краваль выделяет пять групп территорий в соответствии с основными тенденциями развития населения. К первой группе он относит области с «высокоразвитой индустрией» и соответственно высокими показателями прироста населения по сравнению с 1926 г.: Московская, Донецкая, Ленинградская, Горьковская и др. Вторая группа — ряд национальных республик и областей (в основном Средняя Азия и Закавказье), в которой также заметен прирост населения как за счет его естественного роста, так и за счет «притока» извне. В третью группу он включает области потребляющей полосы с большим отходом населения в города и индустриальные центры: Калининская, Ярославская и др. Четвертая

группа — это области с приростом населения, близким к среднему и относительно небольшим сальдо механического движения. Наконец пятая группа — области с неблагоприятными показателями естественного движения населения и «относительно большим по сравнению с другими областями процентом выселенных за пределы областей кулацких элементов» (многие области Украины, Казахстана, Курская область, Саратовская область, Воронежская область, АССР Немцев Поволжья, Азово-Черноморский край, «русские районы» Северо-Кавказского края и др.).

Как видно из этого документа, среди причин, обусловивших неблагоприятные показатели естественного движения населения в ряде республик, областей и районов, Краваль называет лишь переселения раскулаченных, не упоминая ни о голоде, ни о смертности среди заключенных. Кроме того большой прирост населения в ДВК, Восточной Сибири, Свердловской области и Карелии он объясняет успехами индустриализации и урбанизации, не отмечая наличия в этих местах сосредоточения контингентов заключенных.

Более подробный и интересный анализ динамики населения содержит другой документ, написанный почти одновременно с запиской Краваля. Это докладная записка о естественном движении населения СССР в период между двумя переписями — 1926 и 1937 гг. Автором ее был заместитель начальника Отдела населения и здравоохранения М.В.Курман[32]. Записка датирована 14 марта 1937 г. Вслед за Кравалем Курман высоко оценивает точность переписи 1937 г. и считает, что недоучет населения мог составить лишь 0,5-0,6%, или 1 млн человек. Главная цель записки объяснить, почему перепись 1937 г. не добрала 8 млн человек до 170 млн, ожидаемых по самым скромным прогнозам. Заметим, что о 180 млн уже не упоминалось. Ценность этого документа, хотя он и имеет конъюнктурный характер, состоит главным образом в том, что он дает возможность, хотя бы приблизительно судить о массовых потерях населения в первой половине 30-х гг. Курман шире и глубже, чем Краваль, освещает причины убыли населения в ряде районов страны.

Прежде всего он обращает внимание на уход населения из Казахской ССР за пределы страны в связи с коллективизацией и раскулачиванием. По его под-

счетам, за 1930–1931–1932 гг. ушло 1,3 млн человек, а с учетом такой же эмиграции из Туркмении и Таджикистана – около 2 млн человек. Думается, что эта цифра занижена. Кроме того, убыль населения связана не только с эмиграцией, но и с гибелью масс населения в связи с насильственной коллективизацией, которая там вызвала сопротивление. Высокая смертность была и среди тех, кто добирался до границы и погиб в пути. Не случайно Курман пишет лишь об уходе населения, не касаясь в данном случае смертности. Имеется в виду 1,3 млн сверхумерших.

Курман не видит противоречий между своими рассуждениями об убыли населения в Таджикистане и Туркмении и приросте населения в этих двух республиках за период между переписями 1926 и 1937 годов, о темпах прироста выше среднего уровня, хотя замечает, что в эти районы осуществлялась усиленная миграция из других районов страны и т.д. Под уклончивым «и т.д.» имеются в виду, по всей вероятности, места заключения, которых там было немало.

Во-вторых, он полагает, что перепись 1926 года в связи с особенностями ее организации (в сельской местности она продолжалась 15–20 дней, а в городе – 7 дней) достигла результатов с переучетом населения, так как, по его мнению, многие могли быть переписаны дважды. Переучет, по его посчетам, составил 1,5 млн человек.

В-третьих, в связи с тем, что перепись 1937 г. была однодневной, возможный недоучет населения в среднем по СССР составил около 1 млн человек. Итого уже 4,5 млн человек, оставшиеся 3,5 млн, по его мнению, можно отнести за счет недоучета ЗАГСами смертности за истекшее десятилетие. «Ряд специальных обследований, – пишет он, – с выездом на места показали, что на Украине, в Азово-Черноморском крае, Саратовской области, Сталинградском крае, Курской и Воронежской областях имело место значительное количество случаев смертей, незаписанных в книгах ЗАГС».

Курман указывал, хотя и не называл причин, что большая часть смертей падала на 1933 г. Прямо о жертвах голода он не говорил. Однако, по его подсчетам, в том году не было зарегистрировано 1 млн смертей, а зарегистрированных насчитывалось по загсовскому учету 5,7 млн, то есть всего учтенных и неучтенных в 1933 г. умерло 6,7 млн человек. Обычно же среднегодовая смертность составляла приблизительно 2,6 млн. Цифра потерь в 4,1 млн, вытекавшая из подсчетов Курмана, также занижена. По подсчетам современных ученых, жертв было много больше. С.В.Кульчицкий по одной Украине насчитал от 3 до 3,5 млн человек, умерших в 1933 г. от голода, В.В.Кондрашин полагает, что в Поволжье в том же году погибло 0,4 млн. Другой исследователь последствий голода на Украине – А.Л.Перковский назвал цифру погибших на Украине в 5 млн[33]. Проблема нуждается в дальнейших исследованиях.

Далее Курман считал, что умерших в местах заключения, спецпоселениях и проч. за 10 лет между переписями было не менее 1–1,5 млн. Эта цифра также нуждается в корректировке. Только в лагерях ГУЛАГа, не считая тюрем, спецпоселений, колоний по нашим подсчетам на основе данных архива ГУЛАГ, предоставленных в наше распоряжение В.Н.Земсковым[34], за период с 1930 по 1936 г. выбывшие (бежавшие, освобожденные, но главным образом умершие) насчитывали 1700 тыс. человек, а ведь пик репрессий еще не наступил. Именно в 1937 г. в наполнении лагерей произошел скачок, и оно составило 0,8 млн на 1 января, а в 1939 г. на 11 января заключенных было уже 1,3 млн, тогда как в 1931 г. количество их не превышало 190 тыс. В лагерях, тюрьмах и зонах НКВД в 1939 г.[35] было 3,4 млн (вместе с охраной).

Если же учесть смертность во всех местах заключения, то она, очевидно, превысит названные Курманом 1–1,5 млн человек. К сожалению, точных сведений на этот счет по СССР нет.

Итак, в науке имеются следующие приблизительные данные об избыточной смертности населения за период между переписями 1926 и 1937 гг. По подсчетам Курмана – это 7,5 млн, Кульчицкого – 9 млн, Перковского – 10,5 млн, Цаплина – 8,6 млн человек и т.д.

При подсчетах потерь населения за этот период нельзя не учитывать такого документа, как докладная записка начальника Казахского нархозучета М.С.Саматова от 14 января 1937 г.[36], в которой он сообщает, что сельское население Казахстана за период с 1 июля 1930 по 1 июня 1933 гг. уменьшилось на

3,4 млн человек, а за тот же период времени городское население увеличилось всего на 766,8 тыс. человек. К 1 июня 1936 г. убыль населения несколько приостановилась, но и тогда по сравнению с 1930 г. населения в Казахстане было меньше на 2,6 млн человек. Причину Саматов видит в «откочевничестве и прочих явлениях, связанных с перегибами, имевшими место в 1930—1932 гг.» Трудно сказать по его данным, сколько умерших и сколько откочевавших, но надо учесть, что он дает «чистую» убыль населения без учета его частичной компенсации в последующие годы. Эта убыль составляла свыше 3-х млн человек.

Учитывая все сказанное, можно отметить, что по самым минимальным подсчетам за десятилетие между переписями потери населения СССР составили около 11 млн человек.

В РСФСР в ряде областей, особенно в Европейской России, видна значительная убыль населения. Прежде всего это Курская область, в которой количество жителей убыло на 14,3%. Потери населения видны в Калининской области — 7,7%, в Воронежской — 2,1%.

Большие потери населения перепись зафиксировала на территории Поволжья: в Саратовской области — на 23%, в Республике Немцев Поволжья — на 14,4%, в Куйбышевской области — на 7,7%. Причины убыли населения в этих областях и общие для всех, и специфические для отдельных регионов. В Черноземных районах, где главным занятием населения было земледелие (Курская и Воронежская области) тяжело сказались коллективизация и раскулачивание, которые подорвали эти районы экономически. Известно, что по Воронежской области прокатились волны крестьянских выступлений против коллективизации (Коршевское восстание 1930 г.). Последовавшие затем репрессированные меры и ужесточение раскулачивания привели к потерям населения в этом районе. Политика коллективизации, несомненно повлияла и на районы Поволжья. Во всех этих районах ощущались последствия голода 1932—1933 гг.

В Калининской области, близко расположенной к столице, происходил постоянный отлив рабочей силы в Москву, на строительные и промышленные объекты. В результате уменьшение численности населения здесь не перекрывалось даже возникшими в связи со

строительством канала «Москва-Волга» «новыми поселениями». Об одном таком рабочем поселке Иваньково сообщалось в ЦУНХУ с просьбой исключить его из общегражданской переписи. «Это вновь возникший, — говорилось в документе, — в связи со строительством канала «Москва-Волга» населенный пункт. Вся территория поселка была в ведении НКВД и НКОП, равно как и весь жилой фонд находится в ведении постройкома и коммунальных отделов новостроек НКОП, и Дмитлага»[37]. (Известно, что основная территория Дмитлага находилась в Кунцевском районе Московской области.)

Голод начала 30-х гг. вызвал массовую смертность на Северном Кавказе. Несмотря на высокую рождаемость за прошедшие между переписями годы убыль населения в регионе превзошла 4%.

В некоторых районах РСФСР перепись 1937 г. зафиксировала увеличение населения по сравнению с 1926 г. Например, оно резко возросло в Московской области, особенно в столице. Прирост составил в Москве 37%, а в Ленинграде — 36,3%. Прирост населения отмечался также в тех районах, где строились новые промышленные объекты или шла реконструкция старых. Но были районы (Карельская АССР), где население возросло вдвое, Восточно-Сибирская область — на 42,9% и др., в которых увеличение населения было связано прежде всего с сосредоточением там мест заключения.

В целом же перепись 1937 г. зафиксировала, хотя и небольшое, но по сравнению с 1926 г. увеличение населения РСФСР — на 11,7%, а СССР — на 9,3% (рассчитано по табл. 6).

Оценка точности данных переписи 1937 г. о численности населения производилась неоднократно после ее проведения. В 1964 г. В.Н.Старовский вновь обратился к оценке точности переписи 1937 г. По его мнению, недоучет населения составил в ней 1,2% или 2 млн человек. Однако в 1972 г. Ф.Д.Лившиц нашел этот недоучет преувеличенным. Согласно его подсчетам, было упущено при переписи 0,3% населения или 450 тыс. В 1990 г. Е.М.Андреев, Л.Е.Дарский и Т.Л.Харькова оценили недоучет населения переписью 1937 г. в 0,4% или в 700 тыс. человек. С этой оценкой переписи солидаризируется и А.Г.Волков[38]. Таким образом оценка недоучета населения в переписи 1937 г.

и у ее организаторов, и у разных исследователей колеблется в пределах 0,3—1,2%, то есть ее данные отличаются точностью.

Точка зрения А.И.Краваля нам кажется наиболее обоснованной: 0,4—0,5% недоучета. Произведенная во время переписи проверка подтвердила ее результат, о чем уже говорилось выше.

Итак, перепись насчитала 162 млн человек, включая военнослужащих и заключенных в СССР и 104 млн (включая заключенных, но без военнослужащих) в РСФСР: 48,7 млн мужчин и 55,3 млн женщин проживало в Российской Федерации. Учитывая поправку, получим следующие данные: 163 млн в СССР и 104,5 млн в РСФСР. С учетом поправок прирост населения от 1926 к 1937 г. составил 11,8%.

Итоги переписи 1937 г. подтверждаются результатами переписи 1939 г.

По официальным данным перепись 1939 г. зафиксировала на территории СССР 170,5 млн человек, РСФСР — 109,4 млн[39].

Вопрос о достоверности данных переписи 1939 г. по численности населения очень сложен и имеет несколько уровней. Во-первых, это вопрос о численности населения СССР и России. Во-вторых, это вопрос о численности населения регионов России. В-третьих, это вопрос о численности городского и сельского населения СССР и России.

Для выяснения подлинных данных по численности населения СССР и России особую важность имеют два секретных письма, адресованные Сталину и Молотову.

Первое, более раннее письмо от 10 февраля 1939 г. принадлежало начальнику ЦУНХУ И.Саутину, сменившему на этом посту арестованного И.А.Краваля. Оно было опубликовано нами в ж. «Социологические исследования». 1990. № 8. С. 50. Второе письмо написано позднее, от 21 марта того же года председателем Госплана СССР Н.Вознесенским и тем же И.Саутиным. Оно опубликовано А.Г.Волковым («Вестник статистики». 1990. № 8).

В обоих письмах приводится один и тот же подлинный результат переписи 1939 г. — 167,3 млн человек, куда вошли (прямо указанные в письмах) данные спецпереписи НКВД и НКО.

Итак, расхождение с официальным итогом переписи составляет 3,2 млн человек. Перед исследователями встал вопрос о том, вся ли эта приписка является необоснованной. В письмах говорится, что она в основном была произведена с контрольных бланков, которые зафиксировали 4 млн человек, якобы пропущенных во время переписи. Конечно, какой-то недоучет, хотя бы и очень незначительный, исключить нельзя. Вопрос в том, какая часть приписки может быть признана правомерной.

По мнению В.В.Цаплина, неоправданная приписка по СССР составила 1,7 млн человек, С.Максудова — 2 млн, В.А.Исупова — 1,5 млн, М.Тольца — 2,4 млн[40]. Итак, по мнению этих исследователей, процент неоправданной приписки колеблется от 0,9 до 1,4% от всего населения СССР.

Подробно рассмотрен этот вопрос Андреевым, Дарским и Харьковой, которые путем сопоставления результатов переписи 1939 г. с переписями 1937 и 1959 гг., а также с данными текущей статистики 30-х гг. предложили два варианта оправданной поправки на 0,4% по аналогии с переписью 1959 г. и на 0,2% по результатам сопоставления с данными текущей статистики[41]. Сами они склоняются к 0,4% оправданной поправки, мотивируя это тем, что переписи 1939 и 1959 гг. проводились по сходной методике: в 1959 г. с контрольных бланков было внесено в переписные листы 3,8 человека на каждую тысячу переписанных, что и составило 0,4%. Однако неободимо учесть, что при большом сходстве методик проведения обеих переписей обстановка, в которой они осуществлялись, была различной. Перепись 1959 г. осуществлялась в спокойной обстановке без ажиотажа и нажима «сверху», так как не было необходимости в погоне за заранее заданной итоговой цифрой численности населения, не было того нервного напряжения, в котором работали переписчики в 1939 г. Поэтому с оправданной поправкой в 0,4% мы согласиться не можем. Что касается поправки в 0,2%, то есть 0,3 млн человек, то нет оснований ее отвергать. Тогда полная численность населения на январь 1939 г. составит 167,6—167,7 млн человек, а преднамеренная фальсификация — 2,8—2,9 млн человек или 1,7% от населения СССР.

Учитывя все сказанное, можно сделать вывод о том, что хотя фальсификация общего итога численности населения СССР имела место в переписи, она была незначительна по своей величине. Материалами переписи можно пользоваться, но при условии коррекции.

Если общая численность населения СССР привлекала в последнее время внимание исследователей, то вопрос об истинной численности населения России оставался неосвещенным.

Безусловно, общий коэффициент приписки коснулся и России, но при этом необходимо учесть, что этот коэффициент не был одинаковым для всей территории СССР. Иными словами, было бы неверно просто вычесть общий процент приписки по Союзу из населения каждой республики, в том числе и России. Однако этот процент приписки по России можно определить довольно точно. В архивах сохранились черновые документы, в которых указана приписка в абсолютном выражении ко всем регионам России. Если ее суммировать, то получится, что к населению Российской Федерации было добавлено 2,5 млн человек. Из этого числа необходимо вычесть число заключенных и военнослужащих, которые перераспределялись между различными регионами внутри России, о чем будет подробно говориться ниже. По отношению к населению всей России это последнее число припиской не являлось, так как за ним стояли реально существовавшие люди, находившиеся на территории России. В результате приписка составила 1,7 млн человек. Возникает вопрос об оправданной приписке в 0,2%, принятой нами по Союзу. Действительна ли она для населения России? Эта оправданная поправка основывается прежде всего, как и в 1926 г. на недоучете детей в возрасте от 0 до 2-х лет и женщин 12—16 лет. Естественно этот недоучет касался в первую очередь мусульманских районов Союза — Средней Азии и Закавказья. В целом для Центральной России такого рода недоучет нехарактерен. В Российской Федерации сокрытие детей и женщин могло иметь место в районах Северного Кавказа и у малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Причем сокрытие женщин у дальневосточных народов встречается редко. Поэтому мы можем снизить процент обоснованной поправки до 0,1% для всего населения Рос-

сии. В результате коррекции действительное население России насчитывало в 1939 г. 107,9 млн человек против официально объявленного итога в 109,4 млн, то есть необоснованная приписка составила 1,6%.

Сложнее обстоит дело с освобождением от фальсификации численности населения областей и регионов России. Как удалось установить по сохранившимся материалам секретной переписки органов ЦУНХУ, НКВД и НКО с правительством приписка по отдельным регионам и областям состояла из трех слоев.

Первый слой — это собственно приписка к общему итогу по численности населения Союза, разложенная по всем населенным пунктам. Этот расклад производился неравномерно: больший процент приходился на те районы, где ощутимее были потери населения, связанные с голодом начала 30-х гг.

Второй слой приписки — это перераспределенные заключенные. Из уже упоминавшегося письма И.Саутина от 10 января 1939 г. следовало, что в ЦУНХУ полученные от НКВД переписные листы на заключенных объединялись с переписными материалами по общегражданскому населению. Предлагалось значительную часть переписных листов на заключенных лагерей, расположенных в Приморско-Хабаровском крае, Бурят-Монгольской, Карельской и Коми АССР, Архангельской, Новосибирской, Свердловской областях «перераспределить из районов их местонахождения в другие республики, края и области равномерно, мелкими пачками»[42]. Предложение было реализовано, и на места была разослана секретная инструкция за подписью зам. начальника ЦУНХУ Д.Бозина от 3 сентября 1939 г., которая гласила: «Все переписные листы, не имеющие адресной части или имеющие неполный адрес (то есть на заключенных. — *В.Ж.*), распределяются условно между отдельными территориальными единицами, а в пределах территориальных единиц — между инструкторскими участками в городах и счетными участками в сельской местности»[43].

Мы взяли вариант конкретной инструкции, адресованной в районы Крайнего Севера. Но такого же рода инструкции были направлены в УНХУ Бурят-Монгольской и Якутской АССР, Омской, Архангельской, Камчатской областей, Красноярского, Хабаровского краев. Приведем пример ответа на такую инструкцию. Это письмо на имя Д.Бозина за подписью Бартошеви-

ча: «Препровождаю переписные листы на контингент "В" (то есть на заключенных. — *В.Ж.*), поступившие от Коми АССР, Карельской АССР, Бурят-Монгольской АССР, Хабаровской области, Новосибирской области и др.», — всего на 600 тыс. переписанных[44].

В архивах переписи сохранились материалы, по которым можно проследить сложившийся тогда и четко отлаженный механизм и установить адреса перераспределения спецконтингента НКВД. Сначала итоги переписи в нефальсифицированном виде из всех районов направлялись в Бюро переписи ЦУНХУ, туда же поступали секретные сведения по итогам переписи спецконтингента. В центре подсчитывали общие итоги и определяли, какое количество листов на спецконтингент подлежит распределению в другие районы, затем определялся общий коэффициент приписки. Эти данные сообщались в местные УНХУ, а их секретные отделы распределяли приписку по конкретным городам и селам. Затем эти конечные результаты сообщались в центр. В центре сведения, полученные таким путем с мест, еще раз корректировались, сверялись с итогами переписи 1926 г., чтобы не получить слишком большой убыли или прибыли населения в отдельных местах. Всего таким образом было перераспределено 759 тыс. переписных листов на заключенных[45]. Эта цифра дошла до нас в виде примечания к спецпереписи НКВД по заключенным и охране.

Сохранились и адреса, по которым перераспределялись переписные листы с указанием их количества. Эти материалы, частично опубликованные нами, позволяют исчислить население республик, краев и областей, городов и сел и избавить цифры от приписок.

Несмотря на то, что механизм приписок был отработан и продуман, он все же давал сбои то в одном месте, то в другом. Например, в ходе дела выяснилось, что после перераспределения в трех районах Карелии (Медвежгорском, Беломорском и Тунгудском) спецконтингент чуть ли не в 2 раза превысил местное население[46]. Таким образом обнажилось сосредоточение заключенных на трассе Беломоро-Балтийского канала.

В подобных случаях информация о «накладках» сообщалась в ЦУНХУ, и там производилось новое перераспределение спецконтингента.

В результате такого перераспределения было изъято переписных листов на заключенных из Бурят-Монгольской АССР 30 тыс., из Карельской АССР — 80 тыс., из Коми АССР — 100 тыс., из ДВК — 306 тыс., из Архангельской области — 100 тыс., из Новосибирской — 76 тыс., из Свердловской — 6775[47].

Такого же типа перераспределение переписных листов производилось на военнослужащих, переписанных НКО. Делалось это в целях сокрытия мест дислокации вооруженных сил. Военнослужащих по переписи было 2,1 млн, из них перераспределено 800 тыс. Таким образом, в целом было перераспределено примерно 1,5 млн переписных листов по территории Союза в целом.

Учитывая механизм приписки и черновые материалы переписи, мы сделали попытку рассчитать подлинную численность населения всех районов и автономий России и рассчитать величину неоправданной приписки к нему (см. табл. 7, 7а). Так, в Ивановской, Омской, Тамбовской и других областях и многих республиках процент приписки колебался в пределах 2,1—2,2% от их подлинного населения. Например, для Татарии приписка составила 62 тыс. человек, для Мордовской АССР — 20 тыс., для Калмыцкой — 5 тыс. человек (листы на залюченных, находящихся в этих республиках, не изымались). Следовательно для районов, где не было особо экстремальных условий, средняя величина приписки была 2,1%.

Таблица 7

Численность населения краев, областей и автономий России на начало 1939 г. (оба пола)

Территория	Население по данным ВПН 1939 г.	Скоррект. численность населения	Приписка	
			Абс. ч.	% от скоррект. числ. населения
1	2	3	4	5
Алтайский край	2498597	2445608	52989	2,2
в т.ч.: Ойротская АО	162179	159036	3143	2,0

1	2	3	4	5
Краснодарский край	3172674	3102757	69917	2,25
в т.ч.: Адыгейская АО	241799	237711	4088	1,7
Красноярский край	1960524	1921223	39301	2,1
в т.ч.: Хакасская АО	272730	268486	4244	1,6
Орджоникидзевский край	1950887	1908690	42197	2,2
в т.ч.: Карачаевская АО	150303	147513	2790	1,9
Черкесская АО	92898	91263	1635	1,8
Архангельская обл.*				
в т.ч.: Ненецкий округ сведения неполные				
Вологодская обл.	1661285	1625723	35562	2,2
Воронежская обл.	3551329	3475945	75384	2,2
Горьковская обл.	3869887	3786413	83474	2,2
Ивановская обл.	2649429	2592769	56660	2,2
Иркутская обл.	1303997	1272141	31856	2,5
Калининская обл.	3213139	3143284	69855	2,2
Кировская обл.	2226193	2184176	42017	1,9
Куйбышевская обл.	2766436	2705567	60869	2,3
Курская обл.	3143067	3076410	66657	2,2
Ленинградская обл. (без г. Ленинграда)	3240748	3174332	66416	2,1
г. Ленинград	3191304	3115503	75801	2,4
Пермская обл.	2087518	2042627	44891	2,2
Московская обл. (без г. Москвы)	4780293	4682748	97545	2,1
г. Москва	4137018	4032496	104522	2,6
Мурманская обл.	291178	282553	8623	3,1
Новосибирская обл.*				
Омская обл.	2378410	2330263	48147	2,1
Орловская обл.	3532713	3457289	75424	2,2
Пензенская обл.	1710517	1700175	10342	0,6
Ростовская обл.	2892580	2828423	64157	2,3
Рязанская обл.	2267908	2220805	47103	2,1
Саратовская обл.	1798514	1758017	40497	2,3

Смоленская обл.	2686029	2628140	57889	2,2
Сталинградская обл.	2288139	2238668	49471	2,2
Свердловская обл.*				
Тамбовская обл.	1877900	1837008	40892	2,2
Тульская обл.	2048695	2004090	44605	2,2
Челябинская обл.	2801853	2741608	60245	2,2
Читинская обл.	1158574	1120735	37839	3,4
Чкаловская обл.	1676668	1640558	36110	2,2
Ярославская обл.	2284255	2235470	48785	2,2
Башкирская АССР	3158969	3093337	65632	2,1
Бурят-Монгольская АССР*				
Дагестанская АССР	930416	909883	20533	2,3
Кабардино-Балкарская АССР	359219	351500	7719	2,2
Калмыцкая АССР	220684	215998	4686	2,2
Карельская АССР*				
Коми АССР*				
Крымская АССР	1126429	1100426	26003	2,4
Марийская АССР	579610	567555	12055	2,1
Мордовская АССР	1188004	1163225	24779	2,1
Немцев Поволжья АССР	606532	553410	53122	9,6
Северо-Осетинская АССР	329205	320797	8408	2,6
Татарская АССР	2915277	2853295	61982	2,2
Удмуртская АССР	1219350	1188239	31111	2,6
Чечено-Ингушская АССР	697009	680884	16125	2,4
Чувашская АССР	1076810	1054465	22345	2,1
Приморский край	906805	884373	22432	2,5
Уссурийская обл.	438947	404715	34232	8,5
Хабаровский край*				
в т.ч.:				
Амурская обл.	448259	438299	9960	2,3
Нижне-Амурская обл.	98480	95231	3249	3,4

1	2	3	4	5
Сахалинская обл.	99925	97280	2645	2,7
Еврейская АО	108938	106870	2068	1,9
Камчатская обл. сведений нет				
Якутская АССР сведений нет				

* Приписка в 1939 г. была произведена «особым порядком» (см. табл. 7а).

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 280, 283; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия. СПб., 1999. С. 18–21.

Таблица 7а

Численность населения регионов России, переписанных в 1939 г. «особым порядком»

Территория	Числ. населения по переписи 1939 г.	Изъято перепис. листов	Возвращено обратно переписн. листов	Скоррект. числен. насел.	% приписки от скоррект. числ. населения
Архангельская обл.	1216730	100000	55392	1261338	-3,5
Новосибирская обл.	4050260	76000	88577	4037683	0,3
Свердловская обл.	2511309	67550	56089	2522770	-0,5
Бурят-Монгольская АССР	545766	30000	12687	563079	-3,1
Карельская АССР	468898	80000	16342	532556	-12,0
Коми АССР	318996	100000	6594	412402	-22,7
Хабаровский край*	1459729	232530	23120	1669139	-12,6

* Данные по Хабаровскому краю неполные, расчет произведен приблизительно.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 280–282, 283; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992. С. 23–25, 231–236; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия. СПб., 1999. С. 18–21.

В районах же массового выселения, голодного вымирания населения ситуация была другой. Процент приписки здесь резко повышался и колебался в пределах от 2,4 до 10,0% в целях сокрытия большой убыли населения. Например, в Республике Немцев Поволжья коэффициент приписки равнялся 9,6%, в Чечено-Ингушетии – 2,4%, в Северной Осетии – 2,6%. Особенно ярко это видно по припискам к мужскому населению, поскольку потери его превосходили убыль женского пола. На Северном Кавказе такая приписка составляла от 3,5 до 4,5% от общей численности населения: в Среднем Поволжье – 3,7–3,8%, в Воронежской области – 3,7%, Саратовской – 4,0%. Очень высокая (почти 17%) приписка была сделана к численности населения Республики Немцев Поволжья, где отмечалась большая убыль жителей. Кроме того большими приписками отличались удаленные от центра, малонаселенные районы страны. Например, в Читинской области приписка составляла к мужскому населению более 5%, в Нижнеамурской – 5,2%, в Уссурийской она достигала 16%. В результате приписки в Уссурийской области получилось нарушение соотношения полов в пользу мужчин, которого в действительности не существовало. Однако преобладание мужчин в плохо обжитом районе, со сложными природными и климатическими условиями было легко объяснимо, поэтому не смущало авторов приписок.

Довольно высокой была приписка и к крупным городским промышленным центрам, особенно это касалось Москвы и Ленинграда. Там легче было растворить приписку в огромном числе мигрантов, среди которых преобладали лица мужского пола. Попутно достигался еще один желанный для правительства результат – повышалась численность городского населения.

В среднем по РСФСР приписка к численности мужского населения в более благополучных районах равнялась 2,8%. Приписка к численности женского населения, как правило, не превышала 1%. Однако в некоторых районах, например, в г. Москве, Нижнеамурской и Сахалинской областях он поднимался до 1,2–1,5%, а в Республике Немцев Поволжья – до 4% (см. табл. 8).

Таблица 8

Численность населения краев, областей и автономий РСФСР с распределением по полу на начало 1939 г. (после освобождения от приписки)

Территория	Мужчины		Женщины	
	Скоррект. численность в тыс. чел.	Приписка от скоррект. числ. в %	Скоррект. численность в тыс. чел.	Приписка от скоррект. числ. в %
1	2	3	4	5
Алтайский край в т.ч. Ойротская АО	1133,6 74,2	3,6 3,2	1312,1 84,8	0,9 0,9
Краснодарский край в т.ч. Адыгейская АО	1429,8 109,9	3,8 2,8	1673,0 127,8	0,9 0,8
Красноярский край в т.ч. Хакасская АО	938,0 129,4	3,1 2,5	983,3 139,1	1,0 0,8
Орджоникидзевский край в т.ч. Карачаевская АО Черкесская АО	896,4 71,8 43,4	3,7 2,9 2,8	1012,3 75,7 47,9	0,9 0,9 0,8
Архангельская обл.	см. табл. 7а			
Вологодская обл.	735,3	3,7	890,0	0,9
Воронежская обл.	1591,9	3,7	1884,0	0,9
Горьковская обл.	1743,5	3,7	2042,9	0,9
Ивановская обл.	1168,4	3,8	1424,4	0,9
Иркутская обл.	642,7	4,2	629,5	1,0
Калининская обл.	1430,0	3,8	1713,2	0,9
Кировская обл.	991,5	3,2	1192,7	0,9
Куйбышевская обл.	1255,7	3,8	1449,9	0,9
Курская обл.	1398,5	3,7	1678,0	0,9
Ленинградская обл. (без г. Ленинграда)	1470,2	3,5	1704,2	0,9
Ленинград г.	1395,0	4,3	1720,5	0,9
Пермская обл.	931,3	3,8	1111,3	0,9
Московская обл. (без г. Москвы)	2168,3	3,5	2514,4	0,9

1	2	3	4	5
Москва г.	1839,1	4,3	2193,4	1,2
Мурманская обл.	146,4	4,9	136,2	1,0
Новосибирская обл.	см. табл. 7а			
Омская обл.	1085,9	3,4	1244,4	1,0
Орловская обл.	1575,4	3,7	1881,9	0,9
Пензенская обл.	773,2	1,0	927,0	0,9
Ростовская обл.	1310,2	3,8	1518,3	0,9
Рязанская обл.	1011,1	3,6	1209,7	0,9
Саратовская обл.	802,8	4,0	955,2	0,9
Свердловская обл.	см. табл. 7а			
Смоленская обл.	1189,0	3,8	1439,2	0,9
Сталинградская обл.	1030,9	3,7	1207,7	0,9
Тамбовская обл.	833,0	3,8	1004,0	0,9
Тульская обл.	933,3	3,7	1070,8	0,9
Челябинская обл.	1266,1	3,7	1475,6	0,9
Читинская обл.	581,1	5,5	539,6	1,1
Чкаловская обл.	765,1	3,7	875,4	0,9
Ярославская обл.	1027,3	3,5	1208,2	1,1
Приморский край в т.ч. Уссурийская обл.	459,9 197,9	4,4 16,2	424,5 206,8	0,6 1,0
Хабаровский край	сведения неполные			
в т.ч. Амурская обл.	220,2	3,2	218,1	1,3
Камчатская обл.	сведений нет			
Нижнеамурская обл.	49,7	5,2	45,6	1,5
Сахалинская обл.	50,8	3,8	46,5	1,5
Еврейская АО	56,9	3,0	50,0	0,7
Башкирская АССР	1443,1	3,5	1650,2	0,9
Бурят-Монгольская АССР	см. табл. 7а			
Дагестанская АССР	437,1	3,7	472,8	0,9
Кабардино-Балкарская АССР	171,7	3,5	179,8	1,0
Калмыцкая АССР	107,8	3,4	108,3	1,0
Карельская АССР	см. табл. 7а			

1	2	3	4	5
Коми АССР	см. табл. 7а			
Крымская АССР	521,7	3,9	578,7	1,0
Марийская АССР	261,4	3,6	306,2	0,9
Мордовская АССР	526,3	3,6	637,0	0,9
Немцев Поволжья АССР	256,8	16,8	296,7	3,4
Северо-Осетинская АССР	152,3	4,5	168,5	1,0
Татарская АССР	1311,8	3,7	1541,5	0,9
Удмуртская АССР	541,3	4,7	646,9	0,9
Чечено-Ингушская АССР	331,2	3,9	349,6	1,0
Чувашская АССР	488,9	3,5	565,6	0,9
Якутская АССР	сведений нет			

Таблица составлена по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 280. Л. 1–194; Д. 283. Л. 1–1об.; Д. 284. Л. 1, 123. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Россия. СПб., 1999. С. 18–21.

Особую категорию составляли районы с «избыточным» населением, то есть обилием заключенных. Это районы, из которых изымались листы спецпереписей для перераспределения по другим местностям. Так, население Коми АССР, зафиксированное переписью, в результате фальсификации было приуменьшено в среднем на 22,7%, Карельской АССР – на 12,0% (см. табл. 7а). В абсолютном выражении из населения Коми АССР было изъято 93 тыс. человек, а Карелии – 64 тыс., что не совсем совпадало с количеством переписных листов, изъятых согласно инструкции, так как в процессе корректировки небольшая часть их была возвращена обратно. Таким образом, из населения Коми АССР должно было по инструкции быть изъято 100 тыс. человек, а было изъято 93 тыс., из Карелии должно было быть выбрано 80 тыс. человек, а выбрано было на 16 тыс. меньше.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность установить подлинную численность населения России и величину приписки, исчислить величину поправки.

3. Численность городского и сельского населения

Форсированная индустриализация привела к быстрому росту городского населения в РСФСР. Уже в канун 30-х гг. его численность составляла около 20 млн. Это свыше $^2/_3$ всего городского населения СССР. Насчитывалось свыше 20 городов с населением 100 тыс. и более. Среди них: Казань, Самара, Воронеж, Омск, Ярославль, Новосибирск и др. Возросло число городов с населением свыше 200 тыс.: Саратов, Ростов-на-Дону, Днепропетровск и т.д. Число жителей Москвы превозошло 2 млн, Ленинграда – 1,5 млн. Напомним в связи с этим, что в 1920 г. на территории РСФСР было расположено всего 9 городов с населением свыше 100 тыс., а в 1923 г. – 12.

По численности городов выделялся такой регион, как Европейская Россия, на территории которой проживало 13 млн горожан, то есть основаная масса городского населения республики.

Переписи 30-х гг. зафиксировали стремительный рост городского населения, особенно в промышленных центрах.

В официальной пропаганде рост городского населения рассматривался как один из главных показателей «грандиозных успехов» страны в области индустриализации. В одном из своих выступлений И.В.Сталин заявил, что численность городского населения в стране удвоилась по сравнению с 1926 г.[48] Известно, что перепись 1926 г. насчитывала 26 млн горожан. Заявление вождя было сделано в канун переписи 1937 г. От переписи в связи с этим ожидалось подтверждение этого заранее заданного результата. Прогноз этот якобы подтвердился. Этот факт вызывает подозрение уже потому, что это был единственный прогноз, который подтвердился. В строго засекреченном письме начальника Центрального управления народнохозяйственного учета И.А.Краваля в ЦК ВКП(б) Сталину, написанного в марте 1937 г. после подведения итогов переписи, фигурирует цифра 51,9 млн горожан. Можно ли без всяких сомнений, на веру принимать эту цифру? Следует иметь в виду, что письмо написано в оправдание итогов переписи по численности населения. Тон письма извиняющийся. Автор преследует главную цель: спасти перепись и

связанных с ее проведением людей от опалы, подтвердить и оправдать полученные ею результаты, доказать их достоверность. Письмо пронизано предчувствием нависшей над переписью страшной угрозы. И в этих условиях численность городского населения Союза — один из главных козырей, которым Краваль стремился смягчить гнев правительства. В этом нас убеждает пышное представление самой цифры. Выбиваясь из общего тревожного тона, Краваль восклицает в духе общепринятых тогда официальных заявлений в печати: «Таких темпов роста городского населения (удвоение за 10 лет) не знает и не знала ни одна страна в мире!»[49] Так ли это на самом деле?

Обратимся к архивным данным. Во-первых, во всех черновых разработочных таблицах, например, по возрастнополовому составу городского населения, обозначена другая итоговая цифра — 43,7 млн человек. В это число не включены военнослужащие, но в городах их насчитывалось всего 1,3 млн[50]. Однако и с военнослужащими вместе городское население не могло превысить 45 млн человек.

Кроме того, сохранилась в архиве секретная записка главного руководителя спецпереписи НКВД в 1937 г. полковника В.Цесарского, где указана та же цифра городского населения, что и в разработочных таблицах — 43,7 млн[51]. Следует заметить к тому же, что строго говоря, все записанные за городами военнослужащие не являлись постоянными городскими жителями, а находились в них временно по долгу воинской службы. Из всех этих рассуждений следует, что в действительности городское население Союза было меньше указанного в письме И.А.Краваля числа на 6,9 млн, что составляет 13,3% от официального итога.

Исходя из приведенных данных, можно определить процент приписки к городскому населению России. В переписи указана цифра 34,4 млн человек (в это число не включены военнослужащие). Следовательно, за вычетом поправки остается 30 млн горожан. Такая экстраполяция правомерна, поскольку основная масса горожан была сосредоточена в России и преувеличение их численности выглядело здесь правдоподобно. Как показывают документы, в частности записка В.Цесарского, имелось два списка городов, утвержденных и неутвержденных. Преувеличение городского населения было произведено за счет неутвержденного списка городских поселков, которым официально не был присвоен статус города.

Уточнения требует и цифра городского населения в переписи 1939 года. Официально опубликованная численность горожан на январь этого года составляла 55,910 тыс.[52] Нельзя не учитывать, что в период переписи 1939 г. вопрос о численности городского населения был политизирован еще более, чем в 1937 г. Он опять-таки решался в свете тех же сталинских указаний, а потому был объявлен делом большой политической важности во всей официальной периодической печати. На специальном заседании Бюро переписи, ЦУНХУ и местных УНХУ было принято решение «проявить большое усердие в учете городского населения»[53]. В этой связи была произведена большая работа по пересмотру статуса сельских поселений. Такая работа проводилась по традиции перед каждой переписью. На этот раз на нее было обращено особое внимание. В основу были положены документы, в которых был определен статус города, составленные еще в 1924—1925 гг. Однако теперь в них были внесены коррективы, в частности учитывалось не просто единство застройки, но и подчинение поселения городскому совету.

Очень скоро дала себя знать погоня за определенной цифрой городского населения. Из СНК СССР полетели во все концы указания форсировать работу по переводу сел в города. Поначалу этот вопрос представлялся местными органами власти на рассмотрение Верховного Совета СССР. Однако в целях ускорения этой работы на заседании у М.И.Калинина решено было обратиться с письмом к Верховным Советам республик, чтобы те у себя в регионах перевели обоснованный перевод ряда сел в города.

Тем временем начальник ЦУНХУ И.Саутин откровенно писал в СНК СССР В.Молотову, что если ряд населенных пунктов в РСФСР — 1,9 млн человек, а на Украине — 2,4 млн не превратить в города, то «мы не досчитаемся 4—5 млн» городского населения[54]. В связи с этим была проведена широкомасштабная кампания по пересмотру статуса рабочих поселков и сел и превращению их в города.

Вопрос об изменении статуса решался прямо на местах в лихорадочной спешке и в одностороннем порядке. Обратного перевода городов в села, как было

при других переписях, не производилось. Погоня же за определенной, явно завышенной цифрой, привела к тому, что и с городскими границами обращались довольно свободно, в частности, нарушался критерий принадлежности поселений к городскому или поселковому советам. Так, все дачные поселки и села, в которых проживали рабочие и служащие Москвы, Ленинграда (около 400 тыс. человек) были приписаны к этим городам, а между тем большая часть их находилась в ведении поселковых советов.

В итоге предпринятых усилий и была получена цифра, которая показала более чем двухкратное превышение численности городского населения по сравнению с 1926 г.

Однако действительную численность городского населения, зафиксированную переписью 1939 г., можно восстановить.

Обратимся опять к письму И.Саутина от 10 февраля 1939 г., упоминавшемуся нами в связи с общим итогом численности населения. В нем сообщена была также и численность городского населения, насчитывавшего в СССР, по словам И.Саутина, 52,4 млн человек без армии и заключенных. Правда, туда уже были включены те 4—5 млн, о которых он писал в другом своем письме, приведенном выше. Исходя из этого, можно рассчитать, что без армии и заключенных подлинная численность населения городов СССР составляла 47—48 млн человек. Заключенных в городах в 1939 г. было мало, так как они были в массовом порядке перемещены в трудлагеря и спецпоселения, а военнослужащие в значительной степени дислоцировались в сельской местности. Но даже с учетом двух этих групп населения численность горожан едва ли превышала 48—49 млн человек. Эта цифра вполне согласуется с данными по городскому населению в переписи 1937 г., выявленную нами. При высоких темпах индустриализации и строительства новых городов прирост городского населения по стране в целом в 4—5 млн человек за этот период был возможен.

Официально опубликованное число городских жителей в СССР, включая военнослужащих и заключенных, составляло 55,9 млн. Итак, необоснованная приписка к численности городского населения в 1939 г. равнялась 14% от всех горожан.

Имея в виду выявленный нами механизм приписок, попытаемся исчислить количество городского населения России в 1939 г. Вопрос этот не рассматривался практически в историографии. Лишь В.А.Исупов сделал попытку внести поправку к численности некоторых сибирских городов[55]. Так по его расчетам, к населению г. Омска было приписано без всяких на то оснований 5,5 тыс. человек, к г. Тюмени — 1,5 тыс. человек и т.д. Однако следует отметить, что приписка, выявленная им, неполна и учитывает только перераспределенные в эти города переписные листы на заключенных. Остались неучтенными и общий процент приписки и приписка военнослужащих, также перераспределявшихся по разным населенным пунктам из мест дислокации.

По официальным данным городское население России насчитывало 36,9 млн человек, включая армию и заключенных. Из этой цифры необходимо вычесть 1,9 млн человек, о которых упоминал в своем письме И.Саутин. Итог составит 35 млн. Из черновых материалов перераспределения приписки, состоявшей из переписных листов на заключенных, базировавшихся на самом деле в основном в сельской местности, а также на военнослужащих, и необоснованной общей поправки к населению городов России ясно, что к городам было добавлено за счет сельского населения помимо 1,9 млн еще 1,3 млн человек. В результате приписка составила 3,2 млн человек, то есть истинная численность городского населения России в 1939 г. равнялась 33,7 млн. Неоправданная приписка составляла примерно 10% от всего числа российских горожан.

Черновые материалы переписи 1939 г. позволяют определить, опираясь на приведенную здесь методику расчетов, величину приписки к истинному населению многих городов России. Так, официальная численность населения г. Москвы — 4137,0 тыс. человек, приписка — 104,5 тыс., истинная численность отсюда: 4032,5 тыс. Соответственно число жителей города Ленинграда по переписи равнялось 3191,3 тыс.[56] (приписка — 75,8 тыс.). Истинное число жителей Ленинграда насчитывало 3115,5 тыс. человек.

Численность сельского населения с точки зрения ее достоверности ни в 1937, ни в 1939 гг. не рассматривалась в литературе. Как правило, данными перепи-

сей относительно числа сельских жителей пользуются без всякой корректировки. Исходя из установленных действительных цифр общей численности населения России в 1937 и 1939 гг. и числа городских жителей можно установить и общую численность сельского населения, которая в целом окажется большей, чем это было указано в переписях, поскольку была преувеличена численность городского населения. Сложнее дело обстоит с установлением действительной численности населения сел отдельных регионов, областей и автономий. При расчетах необходимо всякий раз принимать во внимание тот факт, что большая часть заключенных находилась именно в сельской местности, откуда производилось их перераспределение по территории страны. В частности в одних селах население оказалось преуменьшенным, а в других — преувеличенным, если туда направлялись приписки. Поэтому поправки неравномерны, и всякий раз их приходится рассчитывать особо. Общую величину поправок, однако, можно рассчитать. Ее величина колеблется от 1,5 до 6,0%.

В приведенных таблицах представлена численность городского и сельского населения РСФСР по данным переписи 1937 г. и численность населения крупных городов (без контингентов РККА и погранохраны НКВД) по той же переписи. Кроме того представлена таблица, в которой собраны данные по размещению заключенных и охраны в городской и сельской местности. По архивным данным возможен расчет действительной численности населения городов и сел.

Анализ данных таблицы 9 показывает, что численность городского населения в 1937 г. возросла по сравнению с 1926 г. в 1,7 раза, а сельское — сократилось на 3,4 млн. В связи с индустриализацией и урбанизацией городское население увеличилось во всех автономиях РСФСР. В РСФСР, включая Европейскую Россию, в которой была сосредоточена основная масса населения городов в 1926 г., оно увеличилось на 108,7%. Численность горожан возросла во всех регионах: например, процент прироста в 1937 г. по отношению к 1926 г. равнялся в Западно-Сибирском крае 232,1, в Красноярском крае — 227,4, в Челябинской обл. — 197,7, Свердловской — 150,3 и т.д. В таких автономиях как Якутская прирост составил 398,3%, Удмуртская — 161,2%, Кабардино-Балкарская — 365,2% и т.д. Прирост населения в больших городах был несколько ниже, но достигал также достаточно высоких процентов (см. табл. 9). Возросло население северных портовых городов — Архангельска, Мурманска, таких промышленных центров как Челябинск, Свердловск, появились новые промышленные города, такие как Магнитогорск и т.д. (см. табл. 10).

Таблица 9

Численность городского и сельского населения РСФСР на 6.01.1937 г.

Территория	1937 г. в % к 1926 г.		
	Город	Село	Всего
1	2	3	4
РСФСР			
Северная область	241,3	89,8	105,5
Коми АССР	271,2	131,5	137,7
Карельская АССР	298,1	161,3	192,0
Ленинградская область в т.ч. Ленинград	196,2 180,4	94,6 —	136,3 180,4
Калининская область	167,5	83,4	92,3
Западная область	157,6	85,9	93,6
Московская область в т.ч. г. Москва	216,1 190,4	93,9 —	137,9 190,4
Ярославская область	193,5	84,1	104,1
Ивановская область	186,4	89,1	113,9
Горьковская область	234,7	101,7	121,7
Чувашская АССР	241,2	108,5	115,2
Марийская АССР	316,1	106,6	115,2
Кировская область	199,4	91,2	99,7
Удмуртская АССР	261,2	102,9	118,3
Татарская АССР	204,6	94,0	105,8
Куйбышевская область	172,9	79,7	92,2

1	2	3	4
Мордовская АССР	187,5	91,0	94,6
Воронежская область	174,3	89,6	97,9
Курская область	120,0	82,4	85,7
Крымская АССР	162,3	125,9	142,4
Азово-Черноморский край	175,4	79,2	99,3
Северо-Кавказский край	158,8	84,7	95,9
Дагестанская АССР	217,1	117,8	128,3
Чечено-Ингушская АССР	183,9	116,3	129,4
Северо-Осетинская АССР	178,7	115,8	136,7
Кабардино-Балкарская АССР	465,9	119,9	144,0
Калмыцкая АССР	—	110,5	120,6
Сталинградская область	177,5	81,6	102,8
Немцев Поволжья АССР	162,2	74,0	85,6
Саратовская область	161,9	59,5	77,0
Оренбургская область	174,8	93,4	104,9
Башкирская АССР	214,1	106,5	116,2
Челябинская область	297,7	72,3	108,0
Свердловская область	250,3	87,4	130,9
Омская область	176,4	101,7	112,3
Западно-Сибирский край	332,1	93,5	120,0
Красноярский край	327,4	103,3	128,8
Восточно-Сибирская область	278,9	105,1	142,9
Бурят-Монгольская АССР	353,1	101,3	122,9
ДВК	324,8	147,5	194,8
Якутская АССР	498,3	106,1	127,2
Итого:	208,7	90,8	111,7

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 142. Л. 27–28.

Таблица 10

Динамика численности населения крупных городов (без контингента РККА и погранохраны НКВД) свыше 50 тыс. населения

Города	1937 г. к 1926 г. в %	Города	1937 г. к 1926 г. в %
1	2	1	2
Москва	190,4	Ленинград	180,4
Архангельск	322,7	Вологда	148,0
Петрозаводск	236,2	Мурманск	1035,8
Пушкин	257,0	Псков	134,7
Калинин	177,1	Вышний Волочек	180,0
Смоленск	181,1	Брянск	193,6
Орджоникидзеград	200,8	Тула	159,1
Перово-Кусково	337,7	Орехово-Зуево	143,5
Серпухов	155,4	Калуга	160,0
Ногинск	165,0	Рязань	146,7
Коломна	211,0	Подольск	317,1
Сталиногорск	—	Лосиноостровск	397,2
Ярославль	229,2	Рыбинск	222,6
Кострома	162,7	Иваново	219,4
Кинешма	192,7	Владимир	158,6
Ковров	213,5	Шуя	145,8
Горький	259,9	Дзержинск	826,0
Киров	211,7	Ижевск	235,7
Казань	204,2	Куйбышев	192,0
Пенза	162,5	Ульяновск	128,4
Сызрань	144,9	Воронеж	252,4
Тамбов	140,8	Мичуринск	138,6
Липецк	308,8	Елец	137,5
Курск	108,0	Орел	127,7

1	2	1	2
Симферополь	142,8	Севастополь	130,5
Керчь	212,7	Ростов-на-Дону	140,8
Таганрог	198,1	Краснодар	106,1
Шахты	230,8	Новороссийск	132,0
Новочеркасск	141,8	Армавир	103,3
Майкоп	111,2	Сочи	527,2
Пятигорск	147,9	Ржев	150,0
Кисловодск	194,1	Сталинград	255,4
Астрахань	127,8	Саратов	165,8
Балашов	187,4	Оренбург	127,4
Орск	463,2	Челябинск	445,5
Магнитогорск	—	Златоуст	199,4
Свердловск	286,9	Пермь	201,6
Н.Тагил	379,3	Молотово	181,3
Березники	315,5	Кабаковск	173,2
Лысьва	190,5	Омск	171,3
Тюмень	152,2	Новосибирск	305,5
Сталинск	4071,0	Томск	145,7
Кемерово	573,9	Барнаул	161,5
Прокопьевск	901,9	Бийск	160,5
Анжеросудженск	224,8	Ленинск-Кузнецкий	305,2
Красноярск	246,1	Иркутск	232,3
Чита	141,0	Черемхово с Черемховскими копями	351,2
Владивосток	200,3	Хабаровск	385,8
Благовещенск	102,3	Ворошиловск	205,1
Махач-Кала	213,9	Грозный	166,2
Орджоникидзе	163,2	Энгельс	166,8
Уфа	221,5	Улан-Удэ	394,2

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 24.

Перепись 1937 г. зафиксировала в Москве 3,8 млн жителей, а в Ленинграде — 2,8 млн. За период с 1926 по 1937 г. количество городов с населением свыше 50 тыс. человек удвоилось, в том числе 45 городов на территории РСФСР насчитывали население свыше 100 тыс. человек, 23 города — свыше 200 тыс. человек.

В то же время перепись 1937 г. показала, что сельское население, составлявшее $^2/_3$ населения всей страны, обнаружило тенденцию к сокращению. В РСФСР оно сократилось на 9,2%. Как видно из таблицы 9, сельское население от 1926 к 1937 г. сократилось во многих районах страны. Причин было несколько, о чем уже говорилось выше, но всего заметнее на численности сельского населения отразились последствия голода 1932—1933 гг. Например, в Саратовской области село потеряло с 1926 по 1937 г. 40,5% своих жителей, Республика Нецмев Поволжья — 26%, Куйбышевская область — 20,3%, Курская область — 17,6% и т.д. В меньшей степени потери сельского населения коснулись Ивановской, Кировской, Оренбургской и некоторых других областей. Рост сельского населения заметен в нескольких районах, особенно там, где были расположены места заключения. Уже в 1937 г. в сельской местности заключенных находилось больше, чем в городах, хотя и там их было много. В тюрьмах городов их вместе с охраной насчитывалось 0,7 млн. В сельской же местности этот контингент составлял 1,2 млн.

За счет заключенных увеличилось население сел, таких к примеру рейонов, как Карелия, где оно возросло на 61,3%. В Карелии содержалось в сельской местности 77 тыс. заключенных и охраны. Сельское население Коми АССР увеличилось на 31,5%, там в сельской местности находилось 40 тыс. заключенных и охраны. В ДВК население сел возросло на 47,5%, спецконтингент в деревнях насчитывал 254 тыс. человек (см. табл. 11).

Таблица 11

Итоги Всесоюзной переписи контингентов «Б» и «В» в 1937 г.

Территория	Город	Село
1	2	3
РСФСР		
Северная область	14148	51235

1	2	3
Коми АССР	6377	39467
Карельская АССР	19514	77027
Ленинградская область в т.ч. г. Ленинград	37242 22106	43792 –
Калининская область	7472	44967
Западная область	16292	18617
Московская область в т.ч. г. Москва	56869 24848	154474 –
Ярославская область	21029	38777
Ивановская область	6514	6447
Горьковская область	8966	20875
Чувашская АССР	1240	2786
Марийская АССР	498	359
Кировская область	6685	9652
Удмуртская АССР	1277	851
Татарская АССР	5899	3235
Куйбышевская область	15027	4094
Мордовская АССР	1573	33223
Воронежская область	12738	3400
Курская область	8120	3185
Крымская АССР	3579	2115
Азово-Черноморский край	24252	3551
Северо-Кавказский край	10866	42630
Дагестанская АССР	3159	566
Чечено-Ингушская АССР	3310	74
Северо-Осетинская АССР	1663	251
Кабардино-Балкарская АССР	733	2107
Калмыцкая АССР	74	660
Сталинградская область	12359	3101
Немцев Поволжья АССР	1688	404
Саратовская область	12212	73
Оренбургская область	11429	1939
Башкирская АССР	15988	9323

1	2	3
Челябинская область	72898	13552
Свердловская область	34228	64071
Омская область	13872	42911
Западно-Сибирский край	54075	131481
Красноярский край	22594	51405
Восточно-Сибирская область	40940	33783
Бурят-Монгольская АССР	4014	2592
ДВК	133454	254244
Якутская АССР	сведений нет	
Итого:	730218	1221081

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 148–153.

За период с 1937 по 1939 г. возросло население крупных столичных городов: Москвы с 3,7 до 4,0 млн, Ленинграда – с 2,9 до 3,1 млн[57]. Городское население старых центров – Ярославской, Горьковской, Ивановской областей – выросло на 5–8%. Сельское население тех же областей, хотя и увеличилось, но незначительно: на 1,5–1,8%. В городах Черноземья произошло некоторое сокращение городского населения, коснулось это и населения сел, где стала заметна тенденция убыли жителей. В Среднем и Нижнем Поволжье в городах население увеличилось, особенно в таких городах, как Саратов и Сталинград, а сельское – сократилось. В северных областях Европейской России число жителей и городских, и сельских сильно возросло: городских – почти на 40%, а сельских – на 20. В старых уральских центрах, например, в Челябинской области больших изменений в численности сельского и городского населения не произошло. То же нужно сказать и о таких автономиях, как Чувашская, Мордовская. В Татарии, Калмыкии, Крыму население городов значительно выросло, а сельское население осталось без изменений. В Северо-Кавказском крае население городов и сел за этот период несколько увеличилось.

Рассматривая соотношение сельского и городского населения в разных регионах России, следует иметь в виду, что к 1939 г. спецконтингент в тюрьмах в горо-

дах был сокращен, поскольку заключенные были переведены в значительной степени в трудпоселения и лагеря. Следовало ожидать, что этот момент увеличит сельское население там, где было много заключенных и охраны. Но в значительном большинстве районов этого не произошло. Почти повсеместно стала ярко проявляться тенденция сокращения сельского населения, хотя оно все еще в два раза больше городского.

Таким образом, даже после освобождения цифр от фальсификации, виден заметный рост городского населения в стране, связанный в основном с индустриализацией, урбанизацией.

4. Изменения в численности и размещении различных народностей

Российская Федерация с 1922 г. входила в состав СССР. Перепись 1926 г. зафиксировала на территории РСФСР 100,9 млн человек, БССР — 5,0, УССР — 29,0, ЗСФСР — 5,8 млн, УзССР — 5,3 млн, ТуркССР — 1,0 млн.

Все шесть республик имели многонациональный состав населения. Названия народностей приводятся в тексте в соответствии с переписями 1926, 1937 и 1939 гг. В БССР проживали: 4017,3 тыс. белорусов, 407,1 тыс. евреев, 383,8 тыс. русских, 97,5 тыс. поляков, а также — украинцы, латыши, немцы и др. народы. УССР была населена 23218,9 тыс. украинцев, 2677,2 тыс. русских, 1574,4 тыс. евреев, 474,4 тыс. поляков, 393,9 тыс. немцев, 257,8 тыс. молдаван. Кроме того здесь были представлены: греки, белорусы, болгары и др. На территории ЗСФСР было 1798,0 тыс. грузин, 1332,6 тыс. армян, 1652,8 тыс. азербайджанцев (тюрков), 336,2 тыс. русских, 114,5 тыс. осетин, а также греки, украинцы, лезги, курды, талыши, евреи и представители многих других национальностей. В состав населения УзССР входили: 3475,3 тыс. узбеков, 967,7 тыс. таджиков, 246,5 тыс. русских, 107,0 казахов, 90,7 тыс. киргизов. Кроме того проживали курама, уйгуры, айсоры, арабы, татары, евреи и др. Среди жителей Турк. ССР насчитывалось 719,8 тыс. туркмен, 105,0 тыс. узбеков, 75,4 тыс. русских, 13,9 тыс. армян, а также обитали персы, азербайджанцы, белуджи, афганцы, украинцы, татары и другие[58].

В РСФСР насчитывалось 11 автономных республик: Карельская, Башкирская, Татарская, Немцев Поволжья, Крымская, Дагестанская, Чувашская, Казахская, Киргизская, Бурят-Монгольская и Якутская, а также следующие автономные области: Коми (Зырянская), Вотская, Марийская, Калмыцкая, Адыгейско-Черкесская, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Карачаевская, Северо-Осетинская, Черкесская, Чеченская, Кара-Калпакская, Ойротская.

Перепись 1926 г. зафиксировала на территории России 195 народностей. Большую чать населения составляли русские — 72,6 млн. Крупными национальными группами были украинцы — 7 млн, татары, включая мишарей и кряшенов — 3,1 млн, мордовцы — 1,3 млн, чуваши — 1,1 млн, немцы — 0,8 млн, белорусы — 0,6 млн. Довольно значительными по численности были поляки — 0,2 млн, карелы — 0,3 млн, эсты — 0,2 млн, финны — 0,1 млн, латыши — 0,1 млн, зыряне — 0,2 млн, пермяки — 0,2 млн, вотяки — 0,5 млн, буряты — 0,2 млн и др.

Перепись выделила и малочисленные группы народов: водь — 705 человек, латгальцы — 10 тыс., хемшины — 2 человека. Следует учитывать, что в это время в состав Российской Федерации входили Казахстан и Киргизия и соответственно в 1926 г. в республике насчитывалось 2 млн казахов, 0,7 млн киргизов. На территориях Казахстана и Киргизии проживали также узбеки, кажгарцы, дунгане, таранчи и др.[59]

Национальный состав регионов России был в свою очередь полиэтничным. Северный район кроме русского населения, которое составляло там 91% был населен коми-зырянами (8,3%), самоедами (ненцами) и евреями. Коми-зыряне концентрировались в основном в своей автономной области, где кроме представителей этой национальности 7% составляли русские и 1% ненцы.

В Ленинградско-Карельском районе, куда входил г. Ленинград, проживали представители многих национальностей. Например, в городе Ленинграде русских было 85%, евреев — 5,2%, поляков — 2,1%, немцев — 1,1%, эстов — 1%. В Ленинградской области обитали кроме того ижоры и вепсы, в Карелии преоб-

ладали русские (57,1%), карелов было 37,1%. Кроме того жили финны, вепсы, лопари.

В Западном районе преобладало славянское население: 93,5% русских, 3,1% украинцев, 1% белорусов и 1,7% евреев.

В Центрально-Промышленном районе русских было 96,2%, особенно многочисленны они были во Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Калужской, Рязанской, Тульской и Ярославской губерниях. В Нижегородской губернии, кроме русских, много было мордовцев и татар: соответственно 3,1 и 3,0%. В Тверской губернии довольно значительную группу составляли карелы.

В Москве насчитывалось 12 крупных национальных групп: русских — 87,5%, евреев — 6,5%, татар — 0,8%, поляков — 0,8%, украинцев — 0,8%, белорусов — 0,7%, латышей — 0,5%, немцев — 0,4%, армян — 0,3%, литовцев — 0,1%, эстов — 0,1%.

Центральное Черноземье имело в своем составе 84,2% русских, 15,3% украинцев, 0,2% евреев. Русские были расселены во всех губерниях района, но в Орловской и Тамбовской — их было 99% от всего населения этих губерний. В Воронежской и Курской — был значителен удельный вес украинцев: 32,6 и 19,1% от населения этих губерний.

В Вятском районе было много русских, вотяков, марийцев, а также татар, пермяков и бесермян: соответственно — 75,8; 12,6; 9,0; 1,7; 0,2 и 0,2%.

Поволжье насчитывало большое количество разных народов: русских (77—80%), татар, башкир, удмуртов, марийцев, немцев и проч. Здесь было расположено значительное число автономий: Татария, Чувашия, Удмуртия и т.д., которые в свою очередь были полиэтничны по составу. Например, в Татарской АССР около половины населения составляли татары. Русских здесь было свыше 40%, примерно 5% чувашей, 1,5% мордовцев, столько же удмуртов, 0,5% марийцев.

В Башкирской АССР проживало 40% русских, 23,5% башкир, 22,4% татар, около 3% чувашей, 3% марийцев. Кроме того здесь жили украинцы и прочие народы.

В Уральской области обитали русские (91,2%), татары — 2,9%, пермяки — 2%, башкиры — 0,9%, небольшие группы нагайбаков, вогулов и т.д.

Северный Кавказ был многонационален по составу населения: 46% было русских и 37% украинцев, а также 2% армян, 1,1% немцев, 0,6% белорусов, 0,5% евреев, 1,9% осетин, 0,8% черкесов, 1,7% кабардинцев, 3,6% чеченцев, 0,7% карачаевцев.

Северо-Кавказские автономные области были также многонациональны. Например, в Кабардино-Балкарской АО проживали, кроме кабардинцев и балкарцев, 8,4% украинцев и 7,5% русских; в Карачаевской АО — 81% составлял карачаи, 4,3% украинцы, 1,9% кабардинцы, 2,8% абазины, 1,8% русские.

Особенно полиэтничной по составу населения была Дагестанская АССР: авары составляли 17%, даргинцы — 14%, лезги — 11,5%, кумыки — 11,2%, а также айсоры, ингуши, чеченцы и другие. Русских здесь было 12,5%.

В Сибирском крае преобладали русские — 77,9%. Кроме того там проживали 9,5% украинцев, 3,7% белорусов, 1,1% татар, 1,2% мордовцев, 0,9 немцев и немногочисленные группы алтайцев, чукчей, камчадалов, орочей, тунгусов, хакасов, пермяков и прочие. Представлены были также буряты и башкиры.

На Дальнем Востоке русские составляли 68%, украинцы — 18,3%, корейцы — 4,9%, тунгусы — 0,8%, чукчи — 0,7% и др.

В Якутской АССР преобладали якуты (82,7%), кроме того проживали: русские (11%), тунгусы (4,6%), татары (0,6%), чукчи (0,5%).

В Бурят-Монгольской АССР большинство населения составляли русские (52,9%), буряты — 44%, евреев было 0,9%, татар — 0,6%, тунгусов — 0,6%.

Во входившей тогда в состав РСФСР Крымской АССР русских было 43%, татар — 25%, украинцев — 11%, евреев — 6,4%, немцев — 6,2%. Кроме того малыми по численности группами жили болгары, греки и др. народы[60].

В период от 20-х к 30-м гг. в размещении и численности народов, населяющих СССР и РСФСР произошли большие изменения.

РСФСР являлась в 30-е гг. одной из одиннадцати республик, входивших в состав СССР. Население Российской Федерации составляло на январь 1937 г. 104968,0 тыс. человек, УССР — 28387,6 тыс., БССР — 5196,6 тыс., АзССР — 3057,0 тыс., ГрузССР — 3377,0 тыс., АрмССР — 1209,3 тыс.,

УзССР — 5847,5 тыс., ТуркССР — 1168,6 тыс., КазССР — 5120,2 тыс., КиргССР — 1369,7 тыс. человек[61].

По сраснению с 1926 г. население этих республик претерпело следующие изменения (в сопоставлимых границах): в Закавказских республиках число жителей заметно возросло (в Азербайджане — на 33%, в Армении — на 39%, в Грузии — на 27%. Примерно такие же изменения характерны и для республик Средней Азии: в Узбекской ССР население увеличилось на 29%, в Туркменской — на 19%, в Таджикской — на 35%. В БССР число жителей росло, но не такими высокими темпами, как в упомянутых выше республиках, то есть оно увеличилось лишь на 6%. В двух республиках — на Украине и в Казахстане перепись зафиксировала значительную убыль населения: в первом случае на 2% (в том числе в деревне — на 20%), во втором — на 16% (в том числе сельского — на 31%)[62].

В РСФСР население увеличилось на 12%.

К 1939 г. произошло увеличение населения во всех республиках СССР, в том числе на Украине и в Казахстане: соответственно на 7 и 6% по отношению к 1937 г. Однако Украина едва достигла уровня численности 1926 г., а в Казахстане этот уровень еще не был достигнут.

Состав населения союзных республик в 1937 г., в том числе и РСФСР, оставался, как и в 1926 г., полиэтничным. В РСФСР русские составляли 82,5%, татары — 3,6%, украинцы — 3,1%, мордовцы — 1,3%, чуваши — 1,2%.

На Украине украинцев было 76,5%, русских — 13,5%, евреев — 4,9%, немцев — 1,3%, поляков — 1,2%. Кроме того там проживали: молдаване, греки, болгары, белорусы и т.д.

В Белоруссии белорусы составляли 82,9%, евреи — 6,7%, русские — 6,6%, были представлены украинцы и поляки.

Азербайджанская ССР была населена 58,4% азербайджанцев, 16,5% русских, 12,2% армян, 3,5% лезгинов, 2,7% талышей, а также евреями, немцами, аварами, грузинами и т.д.

В Грузинской ССР проживали 61,4% грузин, 11,7% армян, 8,7% русских, 5,2% азербайджанцев,

4,2% осетин, 2,4% греков, 1,6% абхазцев, а также украинцы, немцы, евреи.

В Армянской ССР было зафиксировано переписью 82,8% армян, 10,2% азербайджанцев, 4,0% русских, 1,6% курдов, кроме того: украинцы, греки и др.

В Туркменской ССР были переписаны 59,2% туркмен, 18,6% русских, 8,6% узбеков, 4,9% казахов, кроме того, украинцы, татары, белуджи и т.д.

В Узбекской ССР перепись зафиксировала 65,1% узбеков, 11,6% русских, 5,1% таджиков, 4,9% казахов, 2,9% каракалпаков, 2,3% татар, а также киргизов, корейцев, украинцев, уйгуров, туркмен, арабов, иранцев, армян, евреев и др.

В Таджикской ССР таджики составляли 59,6%, узбеки — 23,8%, русские — 9,1%, а также там проживали: киргизы, казахи, татары, евреи, украинцы, мордовцы, азербайджанцы и т.д.[63]

В Казахстане было 40% русских, 37,8% казахов, 10,7% украинцев, кроме того были представлены немцы, корейцы, уйгуры, поляки и проч.

В Киргизской ССР проживало 51,7% киргизов, 20,8% русских, 10,4% узбеков, 9,4% украинцев, а также казахи, татары, таджики, уйгуры[64].

Перепись населения 1937 г. зафиксировала 109 национальностей на территории Союза. Хотя это число меньше, чем в переписи 1926 г., где были учтены даже самые малые этнические группы, но перечень национальностей в 1937 г. довольно подробный. Во всех последующих переписях он представлен в сокращенном виде, многие малые этнические группы включены в состав более крупных. Так, более развернуто, чем в переписи 1939 и 1959 гг., в переписи 1937 г. представлены народы Севера, народы ирано-язычные, а также народы в основной своей массе проживавшие за рубежом: чехи, болгары, французы и др. В последний раз как самостоятельная национальность переписаны латгальцы (латыши католического вероисповедания) (см. табл. 12). Следует отметить, что в переписи 1937 г. употребляются названия народов, близкие к современным: ненцы вместо самоедов (так они были записаны в 1926 г.), коми вместо зырян и пермяков, удмурты вместо вотяков, эвены и эвенки вместо тунгусов и т.д.

Таблица 12

Национальный состав РСФСР по материалам Всесоюзных переписей населения 1926 и 1937 гг.

Национальность	1926 г.		1937 г.	
	Кол-во	%	Кол-во	%
1	2	3	4	5
Русские	72675681	78,03	85361394	82,14
Украинцы	6948381	7,46	3087022	2,97
Белорусы	612020	0,65	349214	0,34
Поляки	197827	0,21	92078	0,09
Болгары	18644	0,02	14643	0,02
Латыши	116601	0,12	54493	0,05
Латгальцы	9676	0,01		
Литовцы	26856	0,02	3905	0,00
Немцы	755199	0,81	651429	0,63
Греки	50649	0,05	73411	0,07
Осетины	157348	0,16	173260	0,17
Цыгане	40948	0,04	1797	0,00
Армяне	195410	0,21	163277	0,16
Хемшины	2	0,00		
Грузины	20952	0,02	7995	0,01
Абазины	13825	0,01	13761	0,01
Черкесы	65105	0,07	78238	0,07
Кабардинцы	13871	0,01	150278	0,15
Чеченцы	318373	0,34	435922	0,42
Ингуши	72140	0,08		
Даргинцы	108963	0,11	144597	0,14
Лаки	40246	0,04	50054	0,05
Авары	139664	0,15	219288	0,21
Лезгины	93049	0,10	101789	0,10
Табасараны	31983	0,03	32938	0,03
Евреи*	566917	0,61	773976	0,75
Крымские евреи	6185	0,00	6044	0,01

1	2	3	4	5
Горские евреи	15617	0,02	3451	0,00
Карелы	248030	0,26	231464	0,22
Финны	18941	0,02	143793	0,14
Финны ленинградские	115220	0,12		
Ижоры	16136	0,01	8565	0,01
Вепсы	32784	0,03	29585	0,03
Эсты	150378	0,16	89529	0,09
Саами	1717	0,00	1828	0,00
Мордвины	1307415	1,40	1214189	1,17
Марийцы	428001	0,45	398525	0,38
Удмурты	504018	0,54	563404	0,54
Коми-зыряне	226292	0,24	259382	0,25
Коми-пермяки	149448	0,16	121082	0,12
Ханты	22306	0,02	22801	0,02
Мансы	5754	0,00	61138	0,00
Ненцы	17086	0,01	79187	0,08
Селькупы	Св. нет		1742	0,00
Чуваши	1114813	1,19	1158384	1,12
Башкиры	712366	0,76	752880	0,73
Татары	2765208	2,96	3607507	3,47
Кряшены	101445	0,10		
Тептяри	10608	0,01		
Турки	2144	0,00		
Тюрки	27987	0,03	37861	0,03
Карачаево-Балкарцы	55116	0,06	108455	0,11
Кумыки	94510	0,10	103925	0,10
Ногайцы	36256	0,03	33010	0,03
Казахи	52585	0,05	292099	0,28
Ойроты	1538	0,00	46141	0,04
Шорцы	12601	0,01	15039	0,01
Хакасы	45608	0,04	47951	0,01
Тувинцы	св. нет		1175	0,00

1	2	3	4	5
Якуты	240687	0,25	239203	0,23
Долганы	656	0,00		
Буряты	237494	0,25	216831	0,22
Монголы	549	0,00		
Калмыки	129200	0,14	123617	0,12
Эвенки	37545	0,04	32913	0,03
Эвены	37545	0,04	2832	0,00
Чукчи	12331	0,01	13673	0,01
Коряки	7438	0,00	7561	0,00
Одулы	443	0,00	261	0,00
Кеты	1428	0,00	1080	0,00
Караимы	5826	0,00	3372	0,00
Китайцы	9063	0,01	38489	0,04
Дунгане	14464	0,08	1648	0,00
Корейцы	86854	0,09	167220	0,16
Мишари	242570	0,26	3211	0,00
Прочие	176953	0,19	1647196	1,58
Всего	93132668	100,0	103919847	100,0

* В общее число евреев включены в 1926 и 1937 гг. евреи грузинские и евреи среднеазиатские.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 145. Л. 15–16; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX. М., 1929. С. 65–79.

Самой крупной группой народов, населявших СССР, были славянские народы – примерно 70%. Наиболее многочисленны среди них русские – свыше 58%, украинцы составляли 16,3%, белорусы – 3,0%.

Другую довольно крупную группу составляли татары, доля которых среди других народов превышала 2%. Примерно такой же удельный вес имели узбеки. Более 1% имели удельный вес среди народов страны тюрки (азербайджанцы), казахи, армяне, грузины и евреи. От 0,5 до 1,0% приходилось на каждый из таких народов, как немцы, таджики, мордвины, чуваши, башкиры, киргизы, туркмены. В группу народов, доля которых составляла от 0,1 до 0,5%, входили молдаване, греки, осетины; каракалпаки, якуты,

авары и карелы. Все остальные народы имели удельный вес менее 0,1% каждая.

В стране наблюдалось множество различных языковых групп: славянская, тюркская, финно-угорская, летто-литовская и др.

Перепись населения 1937 г. дает возможность проследить динамику численности народов СССР по сравнению с 1926 г. Можно выделить несколько групп народов в соответствии с их изменениями в численности и удельном весе в населении многонациональной страны в промежуток между переписями.

Первую группу народов составляют те, кто резко увеличил эти показатели. Это русские, татары, азербайджанцы, армяне, каракалпаки и черкесы. Часть этих народов только еще вступала в демографический переход к современному типу воспроизводства населения, у них все еще держится высокий коэффициент прироста, у других народов этот показатель еще выше, так как они сохраняют традиционный тип воспроизводства населения, отличающийся высокой рождаемостью.

Довольно высокий прирост населения дали грузины, осетины, дагестанцы, народы Средней Азии (узбеки, таджики). В увеличении своей численности и удельного веса эта вторая группа несколько отстает от первой. Если в среднем каждая из национальностей – увеличила свой удельный вес более чем на 20%, то национальности второй группы – на 15–16%. Следует отметить, что прирост населения у этих народов несколько ниже, чем у народов первой группы, поскольку был более высокий уровень смерности. Однако и у этой второй группы народов рождаемость была традиционно высокой.

Третью группу народов составляли народы, незначительно повысившие свою численность и даже понизили свой удельный вес: белорусы, башкиры, коми, евреи. У некоторых из названных народов снизился показатель рождаемости (евреи), у других была высокой смертность населения (башкиры).

Четвертую группу народов составляли народы, несколько сократившие свою численность, а в ряде случаев и удельный вес. Это немцы, марийцы, мордовцы. Многие из них тяжело пережили последствия голода 1932–1933 гг.

Особую группу составили национальности, резко понизившие и численность и удельный вес. К ним относятся украинцы и казахи. На Украине потери населения были связаны с голодом начала 30-х годов и коллективизацией, в Казахстане — с коллективизацией и откочевыванием народа за пределы республики. Украинцы уменьшили свою численность на 15% или на 5 млн человек, удельный вес их среди других народов упал с 21% в 1926 г. до 16% в 1937 г.

Казахов убыло по сравнению с 1926 г. на 29%, а их доля среди других народов сократилась в 1,5 раза. Уменьшилось на 20% число молдаван. Наряду с прочими причинами возможно причиной была происходившая украинизация населения.

Итак, динамика численности и удельного веса народов СССР сложна и неоднозначна. В стадию демографического перехода к современному типу воспроизводства населения вступили еще немногие народы страны и объяснить естественным путем резкие перепады в показателях численности и удельного веса народов не удается. Действительные причины этих изменений объясняются влиянием внешних факторов, таких как коллективизации с ее раскулачиванием и насильственным выселением «классово-чуждых элементов», как голод 1932—1933 г., охвативший значительную территорию страны, как репрессии, масштабы которых все более разрастались и т.д.

Произошли большие изменения в период от 20-х к 30-м гг. в национальном составе РСФСР (см. табл. 12). Как и в 1926 г. полиэтничность в республике продолжала оставаться высокой. В переписи представлены 74 разных национальности. За время между переписями изменилось их соотношение. Возрос заметно удельный вес русского населения с 72 до 82%, а численность его увеличилась на 12 млн человек. Возросла доля таких народов как осетины, даргинцы, лаки, авары, кабардинцы. Увеличился удельный вес татар на территории РСФСР. Включая кряшенов их стало 3,47% против 3,07% в 1926 г. Численность татар возросла на 700 тыс. человек. На 200 тыс. человек увеличили свою численность евреи, а их удельный вес среди других народов вырос на 0,14%. Стало больше и по численности и по удельному весу китайцев, якутов, корейцев. Обращает на себя внимание резкое возрастание на территории РСФСР численности казахов:

в 1926 г. они насчитывали 52 тыс. человек, а в 1937 г. их стало 300 тыс. Их удельный вес вырос в 5 раз. Есть основания предполагать, что они мигрировали сюда из Казахстана.

Сократились численность и удельный вес славянских народов, кроме русских. Так доля украинцев уменьшилась в 2 раза, белорусов — в 2 раза, а поляков — даже в 3 раза. Менее значительно, но понизился удельный вес некоторых народов Поволжья и Прикамья: мордовцев, марийцев, чувашей, башкир. Уменьшилась доля в национальном составе латышей, литовцев, немцев, карелов, эстов, армян, грузин, цыган. Ряд представителей этих народов переместился, видимо, на территории своих республик (см. табл. 12).

В силу в основном насильственного раскулачивания и репрессий, связанных с переселениями, усилился миграционный поток в восточные районы РСФСР — на Урал и в Сибирь. Там возникли новые районы расселения. Изменилась география размещения многих национальностей на территории РСФСР[65]. Проследим это на примере некоторых народов. Так, украинцев за период между переписями 1926 и 1937 гг. стало больше в Карелии в 30 раз, в Красноярском крае — в 3,5 раза, в Новосибирской области — более чем в 2,5 раза, в Челябинской области — более чем в 5 раз. В связи с этим появились места крупного сосредоточения украинского населения. В Новосибирской области проживало в 1937 г. 141 тыс. украинцев против 60 тыс. в 1926 г., в Карелии — соответственно 22 тыс. против 700 человек, в Красноярском крае — 52 тыс. против 15 тыс., в Челябинской области — 73 тыс. против 12 тыс., в Читинской — 38 тыс. против 7 тыс., на Дальнем Востоке число украинцев составило к 1937 г. 328 тыс. Новым местом для украинцев была Свердловская область, где в 1926 г. их было так мало, что они не были зафиксированы переписью, а в 1937 г. их проживало 53 тыс. Некоторые из названных районов были местами проживания ссыльных или сосредоточения мест заключения.

Любопытна картина расселения казахов на территории РСФСР. Если в 1926 г. их проживало 52 тыс., то к 1937 г. их стало 300 тыс. человек. В шести случаях они размещались в новых для себя районах: Са-

ратовской области и республике Немцев Поволжья, в Дагестане, Сталинградской области, Челябинской и Новосибирской областях. В этих районах их насчитывалось: в Саратовской, Челябинской и Новосибирской областях и Дагестане от 10 до 25 тыс., а в Сталинградской области — 71 тыс. Кроме того, численность казахов возросла и в тех районах, где они проживали в 1926 г.: в Оренбургской области — с 21 тыс. до 70 тыс., в Омской — с 24 тыс. до 50 тыс., довольно много их было и в Алтайском крае (где они насчитывали в 1937 г. 29 тыс. человек).

Часть казахов-переселенцев мигрировала из Казахстана в РСФСР под напором коллективизации, которая проводилась там позднее и приняла жестокие формы. В этих случаях переселенцы оказались в более благоприятных местах поселения, в частности в Поволжье. Однако значительная часть казахов была насильственно переселена в отдаленные малообжитые районы РСФСР.

Следует отметить, что сведения о расселении народов в других переписях, проводившихся впоследствии, были закомуфлированы и извлечь их весьма сложно.

В 1939 г. в РСФСР было выделено 58 самых «многочисленных» национальностей[66]. На территории республики существовали следующие АССР: Бурят-Монгольская, в которой проживали 72% русских, 21,3% бурят, 2,5% украинцев, а также евреи, татары и прочие; Дагестанская, где народности Дагестана составляли 73,4% (авары, даргинцы, кумыки, лезгины, лаки, табасаранцы и др.), кроме того русских было 14,3%, азербайджанцев — 3,4%, чеченцев — 2,8%, а также жили украинцы, евреи, татары, немцы, ногайцы и др.; Кабардино-Балкарская, которую населяли кабардинцы — 42,4%, балкарцы — 11,3%, русские — 35,9%, кроме того — немцы, осетины, кумыки, евреи и проч.; Северо-Осетинская, в которой было осетин — 50,3%, русских — 37,2%, армян — 2,7%, а также проживали грузины, ингуши, греки, немцы и проч.; Чечено-Ингушская, где чеченцы составляли 52,9%, русские — 28,8%, ингуши — 12,0%, кроме того обитали украинцы, армяне и проч.; Коми, в которой коми насчитывали 72,2%, русские — 22%, а также были представлены белорусы, украинцы и др.; Карельская, где было русских 60,2%, карелов —

23,2%, украинцев — 4,5%, вепсов — 2,0%, финнов — 1,8%, а также поляки, белорусы, немцы, татары и др.; Удмуртская, в ней были переписаны: русских — 55,7%, удмуртов — 39,4%, татар — 3,3%, а также марийцы и украинцы; Марийская, в которой марийцы составляли 47,2 процента, русские — 46,0%, татары — 4,7%; Мордовская, где русских проживало 65,5%, мордовцев — 34,1%, татар — 4,0%, а также украинцы и белорусы; Чувашская, в которой насчитывалось чувашей 72,2%, русских — 22,4%, кроме того были представлены татары и мордовцы; Татарская, где татары составляли 48,8%, русские — 42,3%, чуваши — 4,8%, а также жили мордовцы, удмурты, марийцы; Башкирская, которая была населена русскими — 40,6%, татарами — 24,6%, башкирами — 21,2%, чувашами — 3,4%, украинцами, марийцами и проч.; Немцев Поволжья, где немцев было 60,4%, русских — 25,7, украинцев — 9,6%, казахов, татар, мордовцев небольшие по численности группы; Крымская, где было русских 49,6%, татар — 19,4%, украинцев — 13,7%, евреев — 5,8%, немцев — 4,6%, а также проживали армяне, греки, болгары, белорусы, поляки; Калмыцкая, в которой было переписано калмыков — 48,6%, русских — 45,7%, кроме того были переписаны немцы, казахи, татары; Якутская, в которой якутов было 56,5%, русских — 35,5%, народностей Севера — 3,4%, а также татары, украинцы, китайцы, корейцы.

Таким образом и в 1939 г. сохранялась полиэтничность автономных республик, как и всей Российской Федерации в целом.

От 1937 к 1939 г. национальный состав России претерпел некоторые изменения. Численность русских увеличилась на 5 млн; возросла более чем на 300 тыс. человек численность татар, более чем на 100 тыс. увеличилась численность белорусов. Тенденция к росту численности ярко выражена у финно-язычных народов: удмуртов, марийцев, эстонцев, коми, карелов. Рост населения наблюдался также у народностей Северного Кавказа и Дагестана, а также у евреев и народностей Севера. Народы Поволжья и Прикамья также увеличили свою численность. Якуты и буряты оставались по численности на том же уровне, что и в 1937 г. Однако некоторые народы, например, украинцы, продолжали сокращать свою численность. По

сравнению с 1937 г. возросла численность поляков и немцев, особенно поляков, которых в 1937 г. на территории РСФСР насчитывалось 92,1 тыс. человек, а в 1939 г. их стало 147,5 тыс. Однако все же меньше, чем в 1926 г.

Итак, для развития народов России этот период от 1926 до 1939 г. был очень сложным. Оставаясь полиэтничной по своему составу, республика в силу политических и социальных причин и катаклизмов претерпела большие изменения в численности и размещении населяющих ее народов. В значительной степени эти изменения были связаны с интенсивными миграционными потоками населения, в том числе насильственными.

5. Возрастнополовой состав населения в 30-е годы

Первое, что бросается в глаза при анализе возрастнополовой структуры населения этого периода — это диспропорция в соотношении полов. Корни этого дисбаланса уходя в 20-е годы. Тогда потери населения военных лет нарушили соотношение полов. Процент женщин в населении РСФСР в 1920 г. составил 55,1, а мужчин — 44,9%. Причем соотношение полов было нарушено в пользу женщин, главным образом, в молодых возрастных группах от 20 до 29 лет, то есть пострадали самые перспективные с точки зрения воспроизводства населения и восполнения трудовых ресурсов возрасты. Если в группе 14-летних соотношение полов было 1:1, то уже среди лиц 18-летнего возраста женщин было 60,7% (в Европейской России даже 61%). Более всего пострадала молодежь 20—24 лет, удельный вес женщин в этой возрастной группе был самым высоким и достигал почти 72% (в Европейской России 64%), а мужчин было всего 28%. Большие потери понесли также мужчины 25—29 лет, среди всех лиц этого возраста они составляли 33,7% (в Европейской России 42,5%). Даже в группе лиц 30—39-летнего возраста нарушение соотношения полов было выше среднего показателя по РСФСР — 57,5% в пользу женщин. В сельской местности Европейской России потери мужской части населения были еще заметнее. Особенно пострадали лица в воз-

расте 20—24 и 25—29 лет: женщин среди них было соответственно — 76,6 и 71,2%.

Нарушено было и соотношение самих возрастных групп: в РСФСР группа от 0 до 30 лет, составлявшая по переписи 1897 года более 60% всего населения, в 1920 году насчитывала лишь 48,5%. Доля подростковой и молодежной возрастных групп сократилась в 1920 году (по сравнению с аналогичными показателями 1897 года) в 1,5 раза, главным образом за счет молодежи 20—29 лет. Невысоким был удельный вес и следующей возрастной группы — 30—39 лет, на которую приходилось 11,1%. Более трети населения составляли люди 40 лет и старше, причем доля лиц старше 60 лет и детей осталась неизменной и составляла также, как и в 1897 году, соответственно 8% и примерно 25% от всего населения[67].

В 1926 году мужчин было на 4,5 млн меньше, чем женщин, а их доля в составе населения равнялась 47,8%, а женщин — 52,2%. В возрастной группе 25—29 лет, особенно пострадавшей от военных потерь, женщины составляли 55,1%. Этот показатель был выше общесоюзного на 0,7%. Нарушение соотношения полов наблюдалось и в группе 30—34 года, самом трудоспособном возрасте (этим людям в годы гражданской войны было 22—26 лет). В этой возрастной группе число женщин на 7% превышало число мужчин. Нарушение соотношения полов в этих возрастных группах отрицательно сказалось на демографической ситуации, поскольку их возраст являлся детородным. Значительным образом нарушенным оказалось равновесие полов среди лиц старше 55 лет, где женщины составляли от 54 до 62%. Однако здесь оказывал влияние на соотношение полов и такой фактор, как большая продолжительность жизни женщин по сравнению с продолжительностью жизни мужчин.

Высокий уровень рождаемости после войны обусловил увеличение доли детей и подростков в составе населения РСФСР. В 1926 г. удельный вес детей от 0 до 4 лет составлял 15,3%, в то время как родившиеся в военные годы (дети от 5 до 10 лет) не превышали 10,2%. Война отразилась и на уровне смертности детей 10—14 лет, появившихся на свет в основном еще до первой мировой войны. На их долю приходилось 11,8% населения. В целом же дети и подростки от 0 до 14 лет составляли 37,0%, то есть более трети

всего населения. Высокий удельный вес детей и подростков типичен для общества, с одной стороны, едва вступившего в стадию демографического перехода, а с другой — недавно пережившего войну. Пока еще преобладал традиционный тип воспроизводства населения, что проявлялось в высоком удельном весе молодежи в населении российского общества. Так, возрастная группа 15—19 лет составляла 11%, 20—24 лет — 9,4%, в 25—29 лет — 8,0%. Если учесть все возрастные группы молодежи, то в совокупности доля молодых людей составляла 30% населения.

Особенно большие потери понесли группы среднего возраста: удельный вес лиц 30—34 лет едва превышал 6%, 35—39 лет — 5,7%, 40—44 лет — 4,7%, а 45—49 лет — 4,0%, то есть доля наиболее зрелой части населения не достигла и 20%.

Удельный вес лиц пожилого возраста был незначительным (50—59 лет — 6,5%, 60 лет и старше — 6,7%). Это типичное явление для традиционного воспроизводства населения, для которого характерны высокие уровни рождаемости и смертности. К тому же война сказалась и на группах лиц пожилого возраста — разруха, голод способствовали повышению уровня их смертности. Итак, население РСФСР в 1926 году было молодым: 66% его составляли дети, подростки и молодые люди до 30 лет. Любопытно отметить, что при очень незначительных численности и удельном весе стариков среди них встречались долгожители. Так, по переписи 1926 года стариков в возрасте 95—99 лет было 23 тыс., 100 лет и старше — 15,7 тыс.

Возрастнополовая структура населения города отличалась от сельской. В городах уровень рождаемости был ниже, соответственно группа лиц от 0 до 15 лет составляла там меньшую долю: 29,3 по сравнению с 38,9% в сельской местности. Напротив удельный вес молодежи 15—29 лет в сельском населении был ниже, чем в городском: 28 по сравнению с 33,5%.

В связи с начавшейся индустриализацией активизировалась миграция сельского населения в город. Среди мигрантов более мобильная молодежь составляла большинство и явно преобладала над лицами других возрастов. Не имевшие еще собственного хозяйства и не ставшие еще главами семей молодые люди сравнительно легко покидали родные деревни.

Но среди мигрантов были люди и зрелого возраста — 30—49 лет. Одни из них возвращались в города, которые покинули в годы войны и разрухи, спасаясь от голода, другие были мобилизованы на работу в промышленности и строительстве. Немало среди мигрантов было и разоренных крестьян. Наконец, рабочая сила в городах пополнялась и за счет заключенных. В результате доля лиц в возрасте 30—49 лет в городском населении была больше, чем в сельском: соответственно — 25,2 и 19,6%.

Удельный вес лиц 50—59 лет в городе и деревне был в составе населения одинаков. Зато людей 60 лет и старше в составе сельского населения перепись зафиксировала значительно больше, чем в составе городского, соответственно — 12,7 и 5,6%. Пожилые люди, более привязанные к месту обитания, редко мигрировали в города; скорее, напротив, многие горожане, сохранявшие связь с деревней, возвращались туда на старости лет.

По данным переписи 1926 года процент женщин в сельском населении был несколько выше, чем в городском, соответственно — 52,4 и 51,5%. В селах среди детей в возрасте от 0 до 4 лет мальчиков оказалось больше, чем девочек, и это сотношение полов в пользу мужчин сохранялось вплоть до 15 лет, а затем менялось в пользу женщин. Если учесть все возрастные группы (начиная с 15 лет), то доля женщин в них колебалась от 52,1 до 60,1%.

В городах соотношение полов внутри возрастных групп выглядело несколько иначе: начиная с 10-летнего возраста женщины преобладали над мужчинами почти во всех возрастных группах. Уже в группе от 10 до 14 лет их — 51,2%, а в возрасте 15 лет — 53,3%. Такая же картина в соотношении полов наблюдалась и в группе 16—19 лет. Зато в группах от 20 до 55 лет удельный вес женщин был ниже, чем в деревне, и преобладание его над удельным весом мужчин выражено слабее. Даже среди 25—29-летних доля мужчин (хотя нарушение пропорций здесь очень ощутимо) был все же выше, чем в соответствующей группе сельского населения. А в ряде групп городского населения, например, 40—49 лет, мужчин было больше, чем женщин. Так повлиял на возрастнополовую структуру миграционный поток из деревни в город. Что касается соотношения мужчин и женщин в воз-

растных группах от 60 лет и старше, то в городе оно выражалось как 1:1,8, а в деревне — как 1:1,3 в пользу женщин. Эта разница связана с тем, что продолжительность жизни женщин в городе была большей, чем в деревне.

По логике вещей эти, сложившиеся в 20-е гг. демографические деформации должны были сгладиться в течение десятилетия между переписями, поскольку со времени окончания войны прошло полтора десятка лет. Хотя демографическое эхо войны долго еще воздействует на состав населения по полу, но действует и другая тенденция — выравнивание диспропорции полов. Эта тенденция развивается в нормальных социальных условиях. Но в 1937 году ситуация была таковой, что на соотношение полов, деформируя его, влияли такие отрицательные факторы, как голод начала 30-х годов, насильственная коллективизация и усиливавшиеся репрессии. Эти факторы и демографические последствия войн первой четверти века наложили отпечаток на соотношение полов почти во всех возрастных группах.

Если в 1926 году, когда сильно еще ощущались последствия первой мировой войны, а также гражданской, дисбаланс в соотношении полов измерялся цифрой в 5 млн в пользу женщин, которые составляли 51,7% всего населения страны, то в 1937 году нарушение в соотношении полов было куда более резким. Мужчин стало меньше, чем женщин, уже на 8,5 млн, а последние составляли уже 52,7% всего населения.

Прежде всего необходимо отметить, что по данным переписи 1937 года значительная диспропорция полов наблюдалась в старших возрастах, уже, начиная с 40—45 лет, тогда как в 1926 году по материалам переписи она началась после 55-летнего возраста, то есть почти на 10—15 лет позднее. К тому же в среднем в этом возрасте и старше преобладание женщин не выходило за рамки 60%. В 1937 году картина была иной. В возрастной группе 45—49 лет женщин насчитывалось 54%; 50—59 лет — 59%, 60—65 лет — 60%; 75—79 лет — 62%; 85—89 лет — 66,2%; 95—99 лет — 67%. Другими словами диспропорция наступила гораздо раньше, чем в 1926 году и была выражена резче.

В возрастных группах нарушением баланса полов страдала и группа 35—39 лет, в которой женщины со-

ставляли 53,8%. Эта возрастная группа больше других потеряла мужчин в первую мировую и гражданскую войнах и в переписи 1926 года (тогда 25—29 лет) имела нарушенное соотношение полов. Женщин в ней было 54,4%[68]. Видно, что эта диспропорция, хотя и несколько сгладилась, но сохранилась в значительной степени.

В 1937 году наблюдается нарушение соотношения полов в детском и подростковом возрастах. Уже в 4-летнем возрасте среди детей превалируют девочки — 51,1%. Преобладают они и в группах 5—9 и 10—11 лет. Необходимо помнить, что те, кому в январе 1937 года было 4 года, родились в тяжелые времена — голодные 1932/33 годы. Группа 5—10 лет также пострадала от голода. Мальчики, более хрупкие от природы, чем девочки, имели более высокую смертность от истощения в голодные годы.

Кроме того, вообще видна высокая детская смертность среди 2-х, 3-х и 4-х летних детей. В погодной таблице от 0 до 10 лет виден провал (демографическая яма) в возрастах от 2-х до 4-х лет. Численность и удельный вес этих возрастных групп ниже, чем у сопредельных с ними (см. табл. 13). Удельный вес возрастной группы от 0 до 4-х лет в 1937 году составлял 11% от всех возрастов, а в 1926 году он поднимался до 15,2%. Следует к тому же иметь в виду, что в эти 11% входила возрастная группа от 0 до 1 года, то есть родившиеся в 1936 году, когда была высокая рождаемость, связанная с запрещением абортов.

Если сравнить по удельному весу возрастные группы от 0 до 14 лет в переписях 1926 и 1937 годов, то они равны: и в том и в другом случае они составляли 37%. Однако к 1937 году войны давно не было, а в 1936 году было почти рекордное число новорожденных. Иными словами, голод нанес демографическому развитию страны удар, превосходящий по силе последствия двух больших войн.

Следующий демографический провал в численности возрастных групп приходится на группу 15—19 лет, он был прямо связан с низкой рождаемостью в военные годы. В 1926 году им было 5—9 лет, и они составляли 10% от населения, в 1937 году их удельный вес снизился до 8%. Если 13-летних было почти 4 млн, то 16-летних только 2,6 млн, а 17-летних 2,5 млн.

Таблица 13

Население СССР в возрасте от 0 до 10 лет (в % от общей численности населения) в 1937 году

Возраст	Город	Село	Всего
До 1 года	2,46	3,21	3,01
1 год	1,79	2,57	2,36
2 "	1,03	2,11	1,92
3 "	1,30	1,96	1,78
4 "	1,54	2,24	2,05
5 "	1,69	2,65	2,39
6 "	1,88	2,95	2,65
7 "	1,89	2,88	2,61
8 "	2,08	3,05	2,78
9 "	2,01	2,69	2,51
10 "	2,24	3,01	2,80

Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 64.

В целом во второй половине 30-х годов российское общество оставалось традиционным по типу воспроизводства населения, то есть в нем был велик удельный вес детей и подростков. Молодые возраста составляли 27% среди всех возрастных групп, в 1926 году их было 30%. Вместе с детьми и подростками и в 1926, и в 1937 годах молодежи среди населения было больше половины, поскольку высокая рождаемость была сопряжена с высокой смертностью и низкой средней продолжительностью жизни.

Доля средних возрастов несколько выше, чем в 1926 году, но в силу военных и других потерь невелика. Так, 30—49-летние в 1937 году составляли 23,4%.

Пожилых людей мало: например, 60—69-летние насчитывали 4,4% от населения, 70—79-летние — менее 2%, а в целом лиц 60 лет и старше — 6%. Долгожители были немногочисленны. Лица старше 100 лет составляли 29,4 тыс. (18,3 тыс. женщин и 11,1 тыс. мужчин)[69].

Деформация в соотношении полов прослеживается и у горожан, и у жителей села: и тут и там преобладали женщины. В городе их — 52,2%, а в деревне — 52,8%. На первый взгляд в городе и селе было одинаковым соотношение полов. Однако присмотримся к составу населения по полу в разных возрастных группах, проживавших в городской и сельской местностях. Оказывается, что среди молодежи от 15 до 29 лет в городах наблюдается относительное равновесие полов: мужчин — 49,2, а женщин — 50,8%. Зато в деревне среди молодежи решительно преобладали женщины, их было 54%. Юноши предпочли деревне город. Происходило вымывание мужской рабочей силы из сел. По всей вероятности, это было связано с форсированной индустриализацией и урбанизацией страны. Однако начали сказываться и результаты насильственной коллективизации, и более благоприятные условия труда и жизни в городах по сравнению с деревней.

Если рассмотреть зрелые возрастные группы от 30 до 49 лет, то и зедсь (хотя разница будет меньшей, чем в первом случае) соотношение полов нарушено в пользу женщин: в городе их 51,4%, а в деревне — 53,1%. Отход в города наблюдался и в этой возрастной группе, хотя и менее интенсивный, чем у молодежи (см. табл. 14).

В возрастном составе населения городов и сел видны демографические ямы в малолетнем возрасте. При этом удельный вес возрастной группы от 0 до 1 года гораздо выше в деревне, чем в городе. В городах видны слабые признаки демографического перехода. Это прослеживается в некотором падении рождаемости по сравнению с селом. В результате в городе доля возрастных групп от 0 до 15 лет ниже, чем в деревне — сответственно 29 и 39,8%. А в 1926 году эти возрастные группы составляли: в городе — 31,6, а в деревне — 40,9%. Из этих данных видно, как от 1926 к 1937 году (хотя и медленно) происходило уменьшение доли детей и подростков. Все еще недостаточно ярко, но эта тенденция обозначилась.

Молодежь в возрасте 15—19 лет составляла в 1937 году в городе 32,2%, а в селе — 24,8%. Такая же картина и со зрелыми рабочими возрастами от 30 до 49 лет. Кстати, такое же соотношение было и в 1926 году. По этим данным видно, как шло вымывание из деревни в город молодых людей и лиц зрелого трудоспособного возраста.

Таблица 14

Распределение населения СССР по возрасту по материалам переписи населения 1937 года (в %)

Возрастные группы	Город	Село	Всего
Все население	100,0	100,0	100,0
До 1 года	2,46	3,21	3,01
1–4 "	6,06	8,88	8,11
5–9 "	9,55	14,22	12,94
10–14 "	10,41	13,46	12,62
15–19 "	8,75	8,00	8,21
20–24 "	11,45	8,10	9,02
25–29 "	11,97	8,65	9,55
30–34 "	9,50	7,30	7,90
35–39 "	7,64	6,15	6,56
40–44 "	5,54	4,56	4,83
45–49 "	4,52	3,97	4,12
50–54 "	3,70	3,41	3,49
55–59 "	2,93	2,91	2,92
60–64 "	2,25	2,71	2,58
65–69 "	1,56	1,88	1,80
70–74 "	0,91	1,26	1,16
75–79 "	0,47	0,67	0,62
80–84 "	0,19	0,37	0,32
85–89 "	0,07	0,13	0,12
90–94 "	0,02	0,07	0,06
95–99 "	0,01	0,03	0,02
100 и более	0,01	0,02	0,02
Неизвестно	0,03	0,04	0,03

Рассчитано по: Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 65.

Пожилых людей в деревне было больше, чем в городе. Например: лиц 60 лет и старше в городе всего 5,5%, а в селе — 7,1%. От 1926 к 1937 году видна

тенденция к возрастанию в деревне удельного веса двух групп — малолетних и стариков.

Продолжительность жизни мужчин и женщин в городах в 1937 году выражалась соотношением 1:1,7, а в деревне — 1:1,5, то есть продолжительность мужской жизни в городах была меньше по сравнению с женской в большей степени, чем в деревне. Если сопоставить эти данные с данными за 1926 год, когда продолжительность мужской и женской жизней соотносилась как 1:1,6 в городах и как 1:1,2 в деревне в пользу женщин, то приходится констатировать, что разрыв между этими двумя показателями в 1937 году увеличился, то есть жизнь мужчин стала еще короче. При этом данные по городу в 1937 году сблизились с данными по селу. В 1926 году разница в продолжительности жизней мужчин и женщин в городе и селе была большей.

В переписи 1939 года выделены возрастные группы, в том числе и по РСФСР и можно выделить специфику возрастнополовой структуры населения России.

В 1939 г., судя по данным Российской Федерации, общество продолжало быть молодым по своему возрастному составу. Дети и подростки до 14 лет составляли 36,6% от всего населения, а в целом лица молодого возраста до 30 лет — 63,1%, то есть почти две трети населения. Пожилые, старше 50 лет, насчитывали 13,2%, а свыше 60 лет — всего 6,7%. Хотя удельный вес пожилых лиц в возрастнополовой структуре населения РСФСР невелик, но он выше несколько, чем по СССР в целом (см. табл. 15).

Лиц зрелого возраста от 30 до 50 лет было 23,7%, то есть около четверти всего населения России.

В этой возрастнополовой структуре населения в 1939 г. демографические ямы прослеживаются также четко, как и в 1937 г. Обращают на себя внимание лакуны в детских возрастных группах: пониженные численность и удельный вес от 1 до 4-х и от 5 до 9 лет.

Кроме того доля детской и подростковой групп по своим показателям почти равны показателям 1926 г. Но в то время общество только что пережило две кровопролитные войны, сопровождавшиеся разрухой и голодом. А в 1939 г. крупномасштабных войн давно не было.

Таблица 15

Возрастная структура населения России в 1939 г. (%)

Возрастные группы (лет)	Город	Село	Всего
До 1 года	3,1	3,6	3,5
1–4 "	7,7	10,1	9,3
5–9 "	7,9	12,3	10,8
10–14 "	10,6	14,3	13,0
15–19 "	9,9	8,1	8,8
20–24 "	9,9	7,1	8,1
25–29 "	12,2	8,4	9,6
30–34 "	9,7	7,5	8,2
35–39 "	7,6	6,2	6,7
40–44 "	5,5	4,5	4,8
45–49 "	4,2	4,0	4,0
50–54 "	3,7	3,0	3,0
55–59 "	2,8	3,5	3,2
60–64 "	2,1	2,5	2,4
65–69 "	1,5	2,3	2,1
70 и выше	1,6	2,6	2,2
в т.ч. 100 и выше	0,0	0,0	0,0
Неизвестно	0,0	0,0	0,0
Итого:	100	100	100

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 604. Л. 13–15, 17–18.

Другая демографическая яма приходится на возрастные группы 15–19 и 20–24 года. В городах особенно пострадали группы 1917, 1918, 1919 гг. рождения. В сельской местности – 1916, 1917, 1919, 1920 и 1921 гг. рождения.

Городская возрастнополовая структура населения несколько отличалась от сельской. В городах лица в возрасте от 0 до 14 лет составляли 30%, а от 15 до 29 лет – 32%. В селе же удельный вес детей и подростков – заметно выше: 40,3%, зато молодежи было меньше, чем в городе – 23,6%. Это различие в показателях в составе городского и сельского населения можно объяснить более высокой рождаемостью в сельской местности и активной миграцией молодежи из сел в города, характерной для 30-х гг. Однако несмотря на эти различия, и в городе, и в селе доля лиц детского и молодого возраста в составе населения велика, и там и тут они составляли соответственно 62 и 64%.

Были различия и в удельном весе лиц зрелого возраста от 30 до 40 лет в городе и в селе: соответственно 27% и 22%.

В результате, по всей видимости, механического прироста населения в городах в составе их населения больше, чем в деревне лиц зрелого возраста. Лиц пожилого возраств в городе несколько меньше, чем в селе. Так, в городах лица старше 50 лет составляли 11,7%. Старше 60-ти лет людей – всего 5,2%. В селах соответственно: 13,9 и 7,4%.

И в городах, и в селах имелись долгожители – 100 лет и более. В городах их насчитывалось 1198 человек, а в деревне – 11487, то есть в расчете на 10 тыс. населения в городе они составляли 0,3%, а на селе – 1,6%.

Таким образом, в селах в 1930-е гг. традиционно было больше в составе населения детей и престарелых, а в городе – молодежи и лиц зрелого возраста. Ярко видно из этих данных, как идет процесс вымывания молодежи из деревни. Интенсивный рост городского населения, который особенно заметен в 30-е гг., происходил за счет молодых людей, а также лиц зрелого трудоспособного возраста. Заметно в связи с этим, что тенденция постарения деревенского населения усилилась в 30-е гг. по сравнению с серединой 20-х гг., поскольку удельный вес лиц зрелого возраста в деревне, несмотря на отток их в города, в 30-е гг. даже возрос по сравнению с серединой 20-х гг. Заметно увеличивалась доля пожилых в селе и не только за счет того, что падала доля молодежи. Видимо, происходила миграция стариков в деревню, в родные места из городов. Кроме того экологические условия города не способствовали долгожительству, оно было более распространено в деревне.

Женщины имели более пожилой состав, чем мужчины и в городе, и в селе. Мужчины старше 60 лет составляли 3,7% от всего населения города, а в деревне – 6%. А женщин соответственно: в городе 6,6% и в селе 8,8%.

Особый интерес представляет возрастная структура детей до 10 лет, т.е. рожденных с 1929 по 1938 гг. Первое, что обращает на себя внимание — это прослеживается на общесоюзном материале — малая численность и соответственно низкий удельный вес детей 1933 и 1932 гг. рождения: то есть детей 4-х и 5-ти лет (см. табл. 16). От численности детей в возрасте 0—9 лет они составляли 7,4 и 7,9% или 1,7 и 1,9 от всего населения. Снижение численности охватывает детей 1932 г. рождения (шестилеток). Их 8,6% от группы 0—9 лет и 2% от всего населения. Кроме пониженной рождаемости и повышенной младенческой смертности в эти годы, в 1933 и 1934 гг. рождались ослабленные дети, многие из которых умерли малолетними, не дожив до переписи 1939 г. Эта возрастная лакуна характерна и для города, и для села (см. табл. 16).

Таблица 16

Возрастной состав детей в возрасте до 10 лет (в %)

Возрастные группы (лет)	Город		Село		Всего	
	% от гр. 0—9 лет	% от всего насел.	% от гр. 0—9 лет	% от всего насел.	% от гр. 0—9 лет	% от всего насел.
До 1 года	16,8	3,1	14,0	3,6	14,7	3,5
1 год	15,0	2,8	11,2	2,9	12,2	2,9
2 года	10,1	1,9	10,2	2,7	10,1	2,4
3 "	8,6	1,6	9,2	2,4	9,1	2,1
4 "	7,3	1,4	8,1	2,1	7,9	1,9
5 лет	6,7	1,3	7,6	2,0	7,4	1,7
6 "	8,2	1,5	8,8	2,3	8,6	2,0
7 "	8,7	1,6	10,1	2,6	9,8	2,3
8 "	9,5	1,8	11,1	2,9	10,7	2,5
9 "	9,1	1,7	9,7	2,5	9,5	2,3
Итого:	100	18,7	100	26,0	100	23,6

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 604. Л. 13, 17—18.

Следует отметить, что пострадавшими были и лица 1935 г. рождения. В это время демографические процессы еще были далеки от нормализации: все еще продолжала оставаться низкой рождаемость.

Потери детей трех-шестилетнего возраста сильнее сказались на городском населении, чем на сельском, так как кроме последствий голодных лет испытали на себе воздействие инфекционных эпидемий, поразивших тогда в основном города.

Особенностью 1936 г. была высокая младенческая смертность, которая даже на фоне некоторого повышения рождаемости не дала нормализоваться ситуации.

После 1936 г. ситуация начинает выравниваться, сначала в городе, потом в селе. Однако эта тенденция начала проявляться в селе только в 1938 г. Так, в городе дети, рожденные в 1938 г., составлили от всех детей рассматриваемой группы 16,8%, а в селе — 14,0, а от населения — 3,1 и 3,6%.

Не лучшим образом обстояло дело с численностью когорт, родившихся в предшествовавший голоду период. Так, численность 9-леток 1929 г. рождения и 7-леток — 1931 г. рождения также несколько понижена: от численности возрастной группы от 0 до 10 лет 9-ти летки составляли 9,5%, а 7-летки 9,8%, от всего населения — 2,2 и 2,3%. Семилетки пострадали больше в городах, а девятилетки — в деревне. Сказались переломные годы коллективизации и индустриализации.

Как видно из приведенных данных, возрастная структура населения в 30-е гг. была деформирована, определявшим фактором в формировании возрастной пирамиды являлась повышенная смертность, особенно детская и младенческая.

Соотношение полов в 30-е гг. было нарушено в пользу женщин, как и в годы гражданской войны. Женщины в 1939 г. составляли 52,6%. Это нарушение начинается уже в возрастной группе 15-19 лет. Если в младенчестве мальчики преобладали числом над девочками, соответственно 50,7 и 49,3%, то в детских и подростковых возрастах мальчики, и это закономерно, уступают в численности девочкам: 49,8 против 50,1%. В той же возрастной группе 15-19 лет мальчиков 48,7%. На этом уровне численность мужчин держится вплоть до 35-летнего возраста, затем доля муж-

чин относительно женщин начинает еще более понижаться: например, диспропорция после 35 лет выглядит следующим образом: мужчин 45,5, а женщин 54,5%, после 40 лет — 44,4 и 55,6%, после 50 лет — 41,1 и 58,9%, в возрасте 60—69 лет — 38,4 и 61,6%. В 70—79 лет соответственно мужчин — 35, а женщин — 65%. В 80—89 лет — 31 и 69%, 90—99-летней группе: 28 и 72%. Эта диспропорция связана с большей чем у женщин смертностью мужчин, причем в том числе в трудоспособных среднем и даже молодом возрастах. Объяснить эту диспропорцию миграцией мужского населения в другие республики Союза невозможно. Это можно отнести лишь к молодым людям, находившимся на военной службе и дислоцированных вне пределов РСФСР. Некоторые ссыльные правда, также находились вне пределов Российской Федерации, но число их было не столь велико, поскольку в основном спецпоселения и лагеря находились на территории РСФСР. Прежде всего это связано с повышенной по сравнению с женщинами смертностью мужчин, особенно неоправданной в среднем и молодом возрастах. Объяснялась эта высокая смертность мужского населения последствиями форсированной индустриализации, насильственной коллективизации, репрессивной политики государства, что прежде всегда касалось мужской части населения. Данные по смертности женщин в этот период подтверждают эту мысль, поскольку женская смертность в молодых и средних возрастах в Российской Федерации по сравнению с мужской была невысока. Продолжительность жизни у женщин большинства народов Российской Федерации превосходила существенно этот показатель у мужчин.

На диспропорции полов сказались и людские потери во время войн. Так, возраст 35—45 лет был наиболее посрадавшим от потерь в период гражданской войны. Это заметный скачок в диспропорции полов: женщины превзошли мужчин по удельному весу на 5,5%. Диспропорция полов после войн не сгладилась, она продолжала существовать, и только последствиями военных людских потерь ее не объяснишь. Этот факт свидетельствовал о неблагополучной демографической ситуации. Уже двадцать лет не было крупномасштабных военных действий, в обществе был осуществлен ряд демографических мер, в том числе по

улучшению положения матери и ребенка, медицинского обслуживания населения и т.д., что должно было бы обеспечить режим благоприятствования для компенсации военных потерь в прошлом и расширенного воспроизводства населения. Можно было бы ожидать и равновесия в соотношении полов, и понижения показателей смерности, в том числе младенческой и детской.

В городе и селе сохраняется диспропорция в соотношении полов. В городе мужчины составляли 47,4% от всего населения, а на селе — 47. Обращает на себя внимание близость ситуации в городах и селах по данному показателю. В городах нарушение в соотношении полов в пользу женщин начинается с шести лет. Усиливается в возрастной группе 15—19 лет: мужчин 48, а женщин 52%. В группе 20—24 года диспропорция выражена еще резче, но она имеет свое специфическое объяснение: часть мужчин находилась на службе в армии. В возрасте 25—34 года мужчин в городе больше, чем женщин соответствующего возраста. Мужчин в этой возрастной группе — свыше 50%. Это связано с интенсивной миграцией мужчин из села в связи с форсированием индустриализации. После 35 лет удельный вес мужского населения снижается, и эта тенденция постоянно растет. Однако при этом процент мужчин по удельному весу в городах выше, чем в среднем по России в целом. Например, в городах среди 35—39-летних их 46%, а возрасте 60 лет и старше — 44%.

В селе диспропорция полов в пользу женщин начинается так же, как в городе, с шести лет, однако, в возрастной группе 12—14 лет соотношение полов нормализуется, если есть перевес в пользу женщин, то он незначителен. После 15 лет диспропорция полов в пользу женщин усиливается, но не столь ощутимо, как в городе. Проявляется более сильно уже после 20 лет. Символично, что в возрасте 25—29 лет диспропорция в пользу женщин очень заметна и превышает средний показатель по РФ в целом. Это связано с миграцией молодежи в города. В возрастной группе 30—35 лет диспропорция нескольско смягчается: либо эта группа меньше затронута миграцией, либо те, кто не закрепился в городах, возвращаются обратно в село. Имел место, возможно, и такой факт: некоторые укрывались в родных местах от репрессий и бежали

из городов. После 35 лет диспропорция полов вновь увеличивается, она резче выражена, чем в городах. Особенно ярко выражена диспропорция полов в деревне в возрастных группах старше 40 лет, тем более она ясно видна среди лиц старше 50 лет, когда мужчин среди них — 40%.

Смертность мужчин в деревне выше, чем в городе, продолжительность жизни меньше женской. При том, что население в деревне имело тогда более пожилой состав, чем в городе, в подавляющем большинстве пожилые состояли из женщин.

В городе среди долгожителей (100 и более лет) мужчины составляли 24%, а в селе — 32%. Численно же престарелых мужчин проживало больше на селе, чем в городе: 8 тыс. против 900 человек. Видимо, близость к природе, к земле, ненарушенная экология способствовали продлению мужской жизни. Мужчина остро реагировал на окружающую среду в городах, кроме того был занят больше, чем женщины в городах на вредных для здоровья производствах, на тяжелых видах физического труда. Женщина, напротив, в деревне была загружена больше, чем в городе, где сохраняла дольшую продолжительность жизни, чем мужчина.

Если рассматривать возрастнополовую структуру населения в региональном разрезе, то обращает на себя внимание тот факт, что на Урале и в Сибири число жителей постоянно пополнялось пришлым населением. Об этом свидетельствует высокий прцоент в этих регионах лиц в трудоспособном возрасте. Так, в РСФСР в целом, лиц в возрасте 20—29 лет было 17,7%, а в Хабаровском крае — 28,7%, в Свердловской области — 19,7%, в Приморском крае — 29,7% и т.д.

В Европейской России на фоне невысокого удельного веса детей и подростков был сравнительно высоким процент пожилых лиц 50 и старше 60-ти лет. Например, в среднем их доля в населении РСФСР не превосходила 6,7%, тогда как в Рязанской области она равнялась 7,9, в Пензенской и Ивановской — по 7,1%. Видимо, сказывался и такой фактор, как отток населения в трудоспособном ворасте в другие регионы.

Возрастнополовая структура различных социальных групп имела свою специфику. Прежде всего необходимо отметить, что в составе несамодеятельного населения преобладали женщины, а мужчины были в

основном малолетними. Что касается самодеятельного населения, то мужчины преобладали в составе рабочих и служащих городов, даже среди работников кооперативных предприятий было много мужчин (более 70%). Однако в городах занятость женского труда наблюдалась во всех отраслях хозяйства. Женщины преобладали по занятости в таких отраслях, как сфера обслуживания, культура и образование. Женщин было много среди иждивенцев и живущих на доходы от сдачи домов, комнат и других помещений, от продажи имущества[70]. Среди нетрудящихся было, напротив больше мужчин, по-видимому, нищих и бродяг.

При характеристике состава самостоятельного населения села вызывает тревогу то обстоятельство, что среди колхозников-земледельцев мужчин чуть больше одной трети. А ведь в те годы земледелие технически не было достаточно оснащено и базировалось в основном на тяжелом физическом труде. Любопытно, что в 1926 году, когда кооперированных земледельцев было мало, среди самостоятельных хозяев-земледельцев были почти одни мужчины. В 30-е годы обозначилось бегство мужчин из колхозов, где они оставляли свои земли и уходили на стройки и предприятия. Свою роль здесь сыграл и голод начала 30-х годов, покинув тогда деревню, мужчины обратно туда уже не возрвщались.

Женщин мало среди некооперированных кустарей. Не преобладал женский труд и в кооперированных кустарных промыслах, хотя женщин здесь больше, чем среди некооперированных кустарей.

Среди единоличников-крестьян было больше женщин, чем мужчин, так как последние частно отправлялись на промыслы в города или становились служащими[71].

Среди работников административно-управленческого аппарата города и села преобладали мужчины. Женщин было немного, хотя они были представлены даже среди руководителей и директоров фабрик и заводов. По данным переписи 1939 года их было в этой социальной категории всего 600 человек, среди руководителей сельского хозяйства — 156 человек, а среди аппаратчиков — даже 22 тыс.[72] Зато среди руководителей культурно-просветительных учреждений женщин насчитывалось 31%. В основном они работали в общеобразовательных школах, детских дошкольных учреждениях, школах ликбеза. Что касается ру-

ководителей вузов и научных учреждений, то в них женщин было всего 91.

Возрастной состав рабочих и служащих достаточно полно освещен в специальных работах, посвященных характеристике этих социальных категорий. Рабочий класс, как впрочем и служащие, сильно пополнялся молодежью, в значительной степени сельской. Вымывание молодежи из села началось еще в 20-е годы, а в период 30-х годов этот процесс еще больше усилился.

Такие категории городского населения, как кустари, кооперированные и некооперированные, лица свободных профессий имели пожилой по возрасту состав. Среди иждивенцев государственных учреждений много детей и инвалидов, а также лиц, получавших пенсии.

В 1930-е годы начало прослеживаться постарение сельского населения, особенно колхозного крестьянства. Тоже надо сказать и о единоличниках.

Среди военнослужащих в 1930-е годы процент женщин был невысоким. В 1937 году служили в армии и флоте 1142 женщины (0,08% от всех военнослужащих). В 1939 году — 1038 человек (0,05%), в том числе во флоте — 51 женщина[73]. Особо следует рассмотреть так называемый контингент «А» (так обозначен в переписи 1937 года контингент НКВД). Имелся в виду лишь штатный состав. Численность женщин в этом штате была невелика — 7264 (2,7%)[74].

Самой многочисленной возрастной группой во внутренних войсках были призывники, находившиеся на срочной службе (20—24 года). Эта группа насчитывала 68,8% от всего контингента «А». Молодежи до 18 лет практически не было, а 18—19-летних было всего 0,4%. Все остальные возрастные группы относились к постоянному штату НКВД. Необходимо отметить, что по возрасту постоянный штат был молодым. Самой значительной по удельному весу группой была молодежь 25—29 лет (13,1%), довольно большой была и доля лиц 30—34 лет (9,9%). Чем старше по возрасту группа, тем менее ее удельный вес: 35—39-летних было 4,8%, 40—44-летних — 2,0%, 45—49-летних — 0,6%. А лиц старше 50 лет было всего 0,3%.

Лица, переписанные в «особом порядке» переписями 30-х годов, включали в себя заключенных. Процент женщин среди них был довольно значительным, особенно в сельской местности. Так, в 1937 году

среди заключенных было 23,4% женщин, при этом в сельской местности — 24,6%. В городах процент их снижался до 21,3%. В 1939 году женщин было по удельному весу среди заключенных почти столько же, что и в 1937 году — 22,8%. Если рассматривать возрастной состав заключенных, то нужно отметить прежде всего, что среди них было немало лиц несовершеннолетних (до 18 лет): в 1937 году в РСФСР их было 19,1% от всех заключенных, при этом в сельской местности — 21%, а в городах — 16%. В 1939 году процент несовершеннолетних заключенных несколько понизился — 14,9%[75].

Возрастнополовая структура народов России имела свою специфику. К концу 30-х гг. и у славянских, и у неславянских народов осталось неизменным большое количество детей. Однако разница в удельном весе детей в возрастном составе народов довольно заметна. Эта разница объяснялась не только уровнем рождаемости, но и влиянием таких факторов, как голод 1932—1933 гг., потери населения в детородных возрастах вследствие войн, дисбаланс полов.

У славянских народов, у которых детородные возрастные группы сильно пострадали от войн, и наблюдалась высокая детская смертность в голодные годы, доля детей была равна 21% в составе населения. У неславянских народов доля детей была, как правило, выше. Но в одной и той же тюркоязычной группе у чувашей дети до 10 лет — 10% населения, у кабардинцев — 28%, у татар — 26%.

У угро-финнских народов в принципе доля детей была ниже, чем у тюрков, но разница в этом плане между народами этой группы также видна. Например, доля детей у марийцев и удмуртов составляла 24—25%, а у мордовцев — 22%.

На Северном Кавказе у народов, сильно пострадавших от голода начала 30-х гг., доля детей была равна 25%, а у тех, кто не переживал этого бедствия — 29%.

И у славянских, и у неславянских народов значительна доля молодежи. Лиц зрелого возраста по удельному весу больше у славянских народов, чем у неславянских. Лица пожилого возраста представлены довольно слабо у всех народов. По-прежнему видно нарушение соотношения полов. У славянских народов дисбаланс полов сложился в пользу женщин. Напри-

мер, у русских мужчины составляли 46,6%, в том числе в возрасте 20—49 лет — еще ниже 45,2%[76]. Таким образом, все еще ясно видны людские потери прежних лет, как впрочем и тридцатых.

Дисбаланс полов в пользу женщин наблюдался и у угро-финнов, и у тюрков, но в меньшей степени, чем у славян. Так, возрастная группа 20—49 лет у чувашей насчитывала мужчин 47,3%, у удмуртов — 46%, у татар — 48%. В то же время у народов Дальнего Востока и ряда народов Севера напротив преобладали мужчины. Причиной была ранняя смертность женщин. У якутов в возрастной группе 20—49 лет мужчины составляли 58,5%[77]. Примерно такой же процент мужчин был и у народов Севера[78].

Таким образом, и в 30-е годы все еще преобладал традиционный тип воспроизводства населения, о чем свидетельствует высокая рождаемость и большое количество детей в возрастной структуре, а также высокая смертность (малый процент пожилых и престарелых). В целом у народов РСФСР демографическая структура была молодой. Эта демографическая характеристика ярче была выражена у тюркских и угро-финнских народов. Однако демографическая структура многих народов была деформирована вследствие войн и социальных потрясений, приведших к огромным людским потерям в самых трудоспособных и детородных возрастах.

Итак мы наблюдаем в 1930-е гг. в России общество с высокой рождаемостью и смертностью, с большим удельным весом молодежи и детей в возрастной пирамиде, то есть общество с преимущественно традиционным способом воспроизводства населения, демографический переход ощущается слабо. О характере демографического перехода в России следует сказать особо. Он развивался здесь сложно и непоследовательно, имел прерывный характер. Перерывы были масштабными и затяжными. Первые признаки демографического перехода появились в начале XX в. Затем последовали две тяжелые, с огромными потерями войны и с не менее тяжелыми демографическими последствиями, которые прервали его. Затем после войн наступил естественный период демографической компенсации, которая также не вписывается в нормальное течение демографического перехода. После короткого периода благоприятного, нормального демографического развития, длившегося всего 3—4 года, начинается период 1930-х гг. с его хронической затяжной кризисной ситуацией в области воспроизводства населения. Подъемы смертности частые, снижения ее эпизодические. Рождаемость высокая, при этом с большой младенческой смертностью. Снижение рождаемости не устойчиво, в какой-то степени оно связано с урбанизацией, с вовлечением женщин в производство, с получением ими образования. Но прежде всего оно объясняется большим количеством мертворождений, высокой смертностью детей в первый год жизни и т.д., вызвано голодомором, переселением раскулаченных, репрессиями и потерями в связи с этим населения.

Что же касается внутрисемейного регулирования рождаемости, то среди городского населения, чаще среди служащих, имело место распространение, но не широкое, искусственного прерывания беременности. То есть черты, свойственные демографическому переходу к современному типу воспроизводства населения, проявлялись в 30-е гг. слабо и непоследовательно в силу воздействия экзогенных факторов.

Глава II.
Социальный состав населения и занятия

1. Характеристика социальной структуры населения

Статистические данные отразили существенные изменения, которые произошли в социальном составе населения от 1920-х гг. к 1930-м. Как видно из таблицы 17, в 20-е годы в РСФСР основную массу населения составляли самостоятельные хозяева («хозяева с помогающими членами семьи», «хозяева-одиночки», «хозяева с наемными рабочими»), занятые в сельском хозяйстве и кустарном промысле. Среди них лишь небольшая часть хозяев с наемными рабочими были заняты на частных промышленных предприятиях. Все вместе взятые хозяева составляли около 27%, а с помогающими членами семьи — более 84%. Страна в целом в то время была слабо урбанизирована, индустриализация еще только началась, но тогда, в 1926 г., именно в РСФСР была сосредоточена большая часть городского населения и промышленных предприятий, особенно в ее регионе — Европейской России. Этот регион был средоточением административных, торговых, культурных учреждений и заведений. Однако и в РСФСР рабочие достигали всего 7% от всего населения, а служащие — немногим более 5%. В структуре населения отмечены «священно и церковнослужители православного и других культов». Их было в ЦПР около 15 тыс. человек, при этом в сельской местности — 11 тыс. В ЦЧР — 5,8 тыс, в т.ч. 4,8 тыс. в деревне. В Средне-Волжском районе — 7 тыс., в деревне — 5 тыс., на Урале и Вятской области — 6 тыс., в т.ч. 4,8 тыс. в селе, в Сибири и на Дальнем Востоке — 3 тыс., в т.ч. 2,5 тыс. в селе, в Якутии — 40 чел., из них 12 шаманов и т.д. Отмечены в переписи деклассированные (нищие, проститутки, беспризорные), большое число безработных.

Особая группа — заключенные: 29,5 тыс. чел. в основном находились в тюрьмах ЦПР. Примерно столько же заключенных переписано в Сибири и на Дальнем Востоке, 17 тыс. — на Урале и в Вятской области. В малонаселенной Бурят-Монголии их насчитывалось 1,5 тыс. На Средней Волге их было 18 тыс. и столько же в ЦЧР. В Западном районе их было значительно меньше — около 6 тыс. Как видно из этих цифр, не началось еще перераспределение заключенных в лагеря Сибири и Зауралья. Почти полностью заключенные были сосредоточены в городах.

В самодеятельном населении еще преобладают и существенно мужчины; женщины сравнительно слабо вовлечены в общественное производство. Среди рабочих — $^3/_4$ мужчин, среди служащих их примерно столько же; лица свободных профессий, кроме акушерок, — тоже преимущественно мужчины. Хозяева с наемными рабочими и хозяева с помогающими членами семьи преимущественно мужчины, женщины встречаются редко (в основном это вдовы в пожилом возрасте). Несколько больше лиц женского пола среди хозяев-одиночек, но и здесь их менее $^1/_4$. Много было женщин среди помогающих членов семьи (почти 70%), они составляли почти половину всех безработных и деклассированных.

Лица в молодом и среднем, самых трудоспособных возрастах, были сосредоточены среди рабочих и служащих, хозяев-одиночек. Много подростков и молодежи среди деклассированных, молодые люди до 30 лет составляли половину всех безработных. Хозяева с наемными рабочими и хозяева с помогающими членами семьи имели пожилой возрастной состав. Пожилых было много среди иждивенцев и деклассированных.

Рабочие и служащие уже в 20-е гг. были в основном задействованы в государственном секторе хозяйства. Кооперативный сектор в промышленности и торговле был слабым. Часть рабочих и служащих работала на частных, в основном мелких предприятиях в промышленности и торговле.

Основная масса самодеятельного населения была к 1930 годам занята в разросшемся государственном секторе хозяйства. Перепись 1937 г., проведенная в январе месяце, зафиксировла социальное состояние общества, сложившееся к середине 30-х гг. С госсек-

тором были связаны рабочие, составлявшие 1/3 населения СССР и свыше 30% в РСФСР. В ту пору продолжала еще существовать промкооперация, однако занятость в ней рабочих была невысокой — 1,4% в масштабах Союза. Большая часть рабочих трудилась на госпредприятиях Центральной России. Исчезли рабочие частных предприятий, которые были зафиксированы в 1926 г., поскольку все частные предприятия и заведения были окончательно экспроприированы. Соответственно не нашла отражение в переписи и предпринимательская категория «хозяева с наемными рабочими» (см. табл. 18).

Таблица 17

Социальный состав населения России в 1926 г. (в %)

Социальные группы	%
Рабочие	6,9
Служащие	5,3
Лица свободных профессий	0,1
Хозяева с наемными рабочими	0,9
Хозяева с помогающими членами семьи	23,0
Хозяева-одиночки	2,8
Помогающие члены семьи	57,2
Иждивенцы гос. и общ. учреждений	1,8
Рантье	0,2
Деклассированное население	0,2
Безработные	1,4
Прочее население	0,2
Всего	100

Таблица рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 26. М., 1930. С. 30—45.

К 1939 г. рабочие в РСФСР составляли 2/3 городского населения и 1/5 часть сельского. Эта перепись уже не содержит сведений о численности рабочих, занятых в кооперативном секторе хозяйства. Происходило дальнейшее разрастание госсектора, и подавляющее большинство рабочих трудилось на госпредприятиях.

Таблица 18

Состав населения СССР по социальным группам по Всесоюзным переписям 1937 и 1939 гг. (в %)

Социальные группы	1937 г.	1939 г.
Рабочие Рабочие госпредприятий Рабочие промкооперации*	31,2 29,8 1,4	30,2
Служащие Служащие госпредприятий Служащие промкооперации	13,6 13,2 0,4	15,6
Колхозники-земледельцы Колхозники прочие	37,1 9,5 46,6	43,5
Единоличники	4,5	2,0
Промколхозики	0,6	2,0
Кооперированные кустари	0,5	
Некооперированные кустари	0,7	0,6
Люди свободных профессий	0,02	Не выделены
Служители культа	0,04	Не выделены
Иждивенцы государства	1,9	4,7
Пенсионеры	1,3	
Воспитанники детдомов	0,5	
Инвалиды в индвалидных домах	0,1	
Живущие на доходы от продажи имущества**	0,002	Не выделены
Живущие на доходы от сдачи домов, комнат и др. помещений**	0,005	Не выделены
Нетрудящиеся элементы	0,004	0,05
Прочие, неточно обозначенные и неуказанные	0,33	1,35
Всего населения:	100	100

* Учтены в категории кооперированных кустарей в 1939 г.

** Включены в 1939 г. в категорию «нетрудящиеся элементы».

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 242. Л. 4.

Значительный удельный вес в самодетялеьном населении СССР в 1937 г. имели служащие (см. табл. 18, 19). К 1939 г. их численность еще более выросла, а удельный вес увеличился на 2%. Доля служащих в самодеятельном населении РСФСР в 1939 г. была еще выше — почти 18%. Их основная масса была сосредоточена в городах — 1/3 населения. Как и рабочие, они были связаны с госпредприятиями и госучреждениями, в промкооперации их удельный вес равнялся 0,4%.

Таблица 19

Состав населения РСФСР по общественным группам по Всесоюзной переписи 1939 г. (в %)

Общественные группы	Городское население	Сельское население	Все население
Лица, имеющие занятия:			
рабочие	59,8	21,8	35,0
служащие	32,7	9,6	17,7
колхозники	3,2	63,2	42,3
кооперированные кустари	3,6	1,6	2,3
некооперированные кустари	0,5	0,9	0,7
крестьяне-единоличники	0,2	2,9	2,0
Итого:	100	100	100

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 374. Л. 140; Д. 476. Л. 163.

В переписи 1937 г. мы не найдем таких категорий в социальном составе, которые отмечены переписью 1926 г.: «хозяева, работающие только с членами семьи», «хозяева-одиночки» и проч. Самостоятельные хозяева, не использующие наемного труда в сельском хозяйстве, обозначены термином «единоличники», а связанные с промыслами — «некооперированные кустари». В СССР первые имели удельный вес 4,5%, а вторые — 0,7%. В РСФСР некооперированные кустари составляли в занятом населении также, как по Союзу в целом, — 0,7%. В Центральной России, Сибири и Средней Азии и тех и других было несколько больше: первых — 5,4—6%, а вторых — 0,8—0,9%[1].

Основная масса бывших самостоятельных хозяев в сельском хозяйстве и промыслах была связана с кооперацией. Однако кооперированных кустарей было очень немного: их доля в самодеятельном населении Союза составляла 0,5%, в РСФСР — 2,3%, в Центральной России — 1,6%, а в Сибири и Средней Азии — 1,5%. В деревне основную массу населения составляли колхозники — 46,6% в СССР; 63,2% в РСФСР; около 59% в Центральной России.

Однако в последний раз в истории советских переписей в переписи 1937 г. были сохранены категории населения, перечисленные в переписи 1926 г. Это лица «свободных профессий», священнослужители (по терминологии в 1937 г. «служители культа»), рантье, нетрудящиеся (деклассированные). Все эти категории занимали по удельному весу сотые, тысячные доли процента, но все же они были представлены в переписи (см. табл. 18). В частности священнослужители численно уменьшились по сравнению с 20-ми гг. В России их насчитывалось менее 30 тыс. Основная их часть — 21 тыс. — находилась в деревне. В основном — это мужская профессия. Женщин здесь немного — 10% в селе и 7% в городе. Это старосты, церковная прислуга, монахини. В Восточной Сибири священнослужителей было больше, чем в Центральной России.

Незначительную по удельному весу категорию населения в городах России 30-х гг. составляли кустари и ремесленники. Большая часть их к концу этого десятилетия состояла членами разного рода кооперативов, но часть их еще не была кооперирована и именовалась в статистике того времени как «кустари-одиночки».

В течение многих лет в историографии была распространена точка зрения, что в конце 30-х гг. кустари и ремесленники были малозначительным, профессионально неинтересным явлением и составляли некий придаток основного общественного производства. Роль им в экономике страны отводилась ничтожная. В демографическом плане их относили больше к старикам и инвалидам, причем, если и встречались там подростки и молодые люди, то считалось, что это люди с отсталым, неразвитым сознанием.

Однако данные статистики 30-х гг. не совсем соответствуют этим укоренившимся в обществе представлениям. Прежде всего цифры свидетельствуют о том,

что набор групп профессий отдельных специальностей кустарей и ремесленников был довольно значительным, он насчитывал более 130 наименований в кооперативной кустарной промышленности, около 70 наименований профессий у кустарей-одиночек и примерно 50 у крестьян-единоличников[2].

Рассмотрим по занятиям кооперированных кустарей. Нет той крупной профессиональной группы, будь то металлисты, текстильщики, кожевники, пищевики, транспортники, сфера обслуживания и проч., где не были бы представлены кооперированные кустари и ремесленники. Были даже такие группы профессий, где они составляли значительную часть занятых от всех лиц, задействованных в этой профессии. Так, среди рыболовов кооперированных кустарей было 60% от всех лиц этой профессии. Они насчитывали около 100 тыс. человек. В основном это мужчины молодого и зрелого возраста (85%). Группа от 20 до 29 лет составляла более $^2/_3$ рыболовов. 17% составляли лица 40—49 лет. Очень молодых и пожилых немного. Процент грамотных невысок — 74%[3].

Сапожники и башмачники наполовину относились к кооперированным кустарям. Это чисто мужская профессия, женщин, связанных с ней, всего 3%. Преобладающим был возраст 30—39 лет. Лица этого возраста насчитывали более $^1/_3$ занятых. Лица 40—49 лет составляли 20%. Почти столько же было молодых сапожников и башмачинков — 20—29 лет. Очень молодых практически нет в этой профессии, а старики старше 60 лет встречались[4].

Одну треть среди ювелиров и часовщиков также составляли кооперированные кустари. Преобладали здесь мужчины (85%). В этой профессии, в отличие от вышеупомянутых, предствлены все возрастные группы. Довольно много молодежи, в том числе и 15—19-летнего возраста. Более старшие возраста по удельному весу почти одинаковы и составляют каждая из групп 18—20%[5]. Много здесь и стариков-ювелиров и часовщиков — около 10%. Грамотность у лиц этой профессии была высокой — 98%.

Кооперированные гончары и горшечники составляли 30% от всех лиц этой профессии. В основном это были мужчины среднего возраста, среди них было достаточно много неграмотных — 25%[6].

Шапочники — эта профессия на 50% обеспечивалась кустарями и ремесленниками, объединенными в кооперативы. Среди них много женщин — 64%. Преобладал возраст от 30 до 49 лет. Была и молодежь 20—29 лет, но лиц моложе 20 лет среди шляпников практически нет. Грамотных подавляющее большинство — 98%[7].

Кооперированные портные, закройщики и швеи исчислялись сотнями тысяч и составляли около 30% занятых этой профессией. Преобладали среди них женщины — их более $^2/_3$. Возраст от 30 до 40 лет наиболее распространенный. Грамотность составляла более 90%[8].

Распространенной профессией среди кооперированных кустарей были корзинщики — их 35% среди лиц этой специальности. Женщин — почти половина среди них. По сравнению с другими группами профессий здесь представлены пожилые лица старше 60 лет, но и доля молодежи 15—19 лет довольно значительна. Но при этом преобладающим был возраст от 20 до 39 лет. Грамотных всего 75%[9].

Картонажники — это еще одна из часто встречающихся среди кооперированных кустарей профессий. Их 30% среди лиц, связанных с этой профессией. Господствуют здесь по численности женщины — 85%. Самая большая возрастная группа 20—29 лет, но много и 15—19-летних. Лиц старше 40 лет немного[10]. Грамотность среди женщин очень высокая — 94%.

Были распространены среди кооперированных кустарей и чисто «женские» профессии. Например, кружевницы состояли на 60% из кооперированных кустарей. Женщин здесь 100%, среди них преобладает возраст 20—29 лет. Много молодежи, даже до 14 лет. Но достаточно большую группу составляли и лица старше 60 лет. Но среди них неграмотных было больше, чем во всех других группах профессий — 40%[11]. Вышивальщицы также на 60% состояли из кооперированных кустарей. В подавляющем большинстве своем — это женская профессия, однако среди вышивальщиц было 3% мужчин. Возрастной состав очень молодой. Основные возрастные группы — от 15 до 20 лет. Есть и 12—14-летние. После 40 лет очень немногие занимались этой профессией. Требовалось острое зрение и гибкие пальцы[12]. Грамотность была высокой — 92%.

В основном женской профессией была профессия «ковровщиц». На состоящих в кооперативах приходилось 60% занятых этой специальностью. Женщин — 98%. Преобладающий возраст — 20—29 лет. Около 20% составляли 15—19-летние. Представлены достаточно широко и лица зрелого возраста, даже пожилого. Грамотность довольно низкая — менее 70% грамотных[13].

Трикотажницы и вязальщицы, состоящие в кооперативах, составляли 40% от всех лиц этой профессии и насчитывали несколько сотен тысяч. Женщины среди них составляли 96%. Преобладали молодые и средние возраста, довольно много было 15—19-летних. Неграмотных всего 12%, для женской профессии это довольно высокий показатель грамотности[14].

В кустарном промысле кроме кооперированных кустарей, которые во всех профессиональных группах составляли большинство, были задействованы и кустари-одиночки. Как правило, их удельный вес среди всех ремесленников и кустарей, занятых в данной специальности, не превышал пределов — 0,1—6%. Однако встречались профессии, где среди занятых было относительно много некооперированных кустарей. Это были те же профессии, которые были распространены среди кооперированных кустарей, но пользовались популярностью именно у кустарей-одиночек. Так, среди рыболовов, где были распространены рыболовецкие артели, кустарей одиночек всего 3%, поскольку в море в одиночку такая работа была затруднена, да и оснащение рыболовецких судов требовало больших расходов. Зато среди звероловов кустарей-одиночек гораздо больше — 12% (около 10 тыс.). Весьма распространен этот промысел и среди крестьян-единоличников, для которых он являлся одним из существенных источников дохода. Охотников-звероловов среди крестьян-единоличников — 5%.

Довольно популярной профессией среди кустарей-одиночек была профессия часовщика-ювелира. Среди занятых в этой профессии их 12% (более 2 тыс. чел.). Довольно много было среди кустарей лудильщиков и паяльщиков, которые ходили по дворам и базарам и к которым часто обращались жители и городов, и сел. Их доля от всех лиц этой специальности составляла 10% (10 тыс. чел.). Бондари, бочары, колесники, тележники — многие из них предпочитали трудиться

в одиночку и насчитывали по удельному весу 10%. Особой популярностью среди кустарей-одиночек пользовались корзинщики: их 20% от всех занятых в этом промысле (7 тыс. чел.).

Ряд профессий, связанных с производством текстильных изделий, где особенно много было кооперированных, насчитывалось немало одиночек-кустарей: прядильщики (8%), вязальщицы (9,5%), кружевницы (15%), портные и швеи (15%), шапошники и шляпницы (13%). Зато среди закройщиков и ковровщиц одиночек очень мало.

Встречаются и такие профессии, среди занятых которыми больше одиночек, чем кооперированных кустарей. К таким профессиям относятся сукновалы и валяльщики. По абсолютной численности они в 1,5 раза превосходят кооперированных. Кустари-одиночки широко представлены среди обувщиков — 14%, сапожников и башмачников — 18%. Видимо, индивидуальный пошив обуви жители, особенно в городах, предпочитали осуществлять у кустарей-одиночек. Еще выше процент занятых в одиночном промысле среди горшечников — их 30%.

Среди строителей кустари-одиночки чаще всего работали кровельщиками (около 6%). Встречались кустари-одиночки среди печников — 9%, среди извозчиков и носильщиков (удельный вес тех и других — по 7% от всех лиц, занятых в этом промысле).

Вовсе не встречались кустари-одиночки среди мельников, машинистов силовых установок.

Таким образом, кооперированные кустари были представлены в конце 30-х гг. широким набором профессий, зачастую не дублирующих фабрично-заводское производство. В демографическом плане они включали в свой состав лиц обоего пола всех трудоспособных возрастов. Обращает на себя внимание преобладание среди них лиц молодого и зрелого возрастов: от 20 до 49 лет. Профессии, которыми были заняты очень молодые люди или напротив — пожилые, были скорее исключением, чем правилом. Связан был такой возрастной состав с профессиональной спецификой, требующей либо очень острого зрения, либо многолетней практики. Хотя численность кооперированных кустарей невелика, но их роль не была «нулевой», как это было принято считать в исторической литературе.

Кустари-одиночки, то есть некооперированные кустари по своему демографическому составу, больше соответствовали традиционному представлению о кустарях. Кроме того их численность была мала, и в профессиональном отношении они представлены более узко, чем кооперированные кустари. Но все же игнорировать их наличие в структуре населения было бы неверным, их труд восполнял отдельные пробелы в общественном производстве. Что же касается таких категорий, как лица «свободных профессий», рантье, то в переписи 1939 г. они не обозначены. Возможно, что большая часть лиц свободных профессий перешла на государственную службу. Что же произошло с такой категорией, которая была в переписи 1937 г. обозначена как «нетрудящиеся» (но в инструкции расшифровывалась: нищие, бродяги и проч. деклассированные)? Обозначение этой категории было поставлено в вину организаторам переписи. По официальному заявлению прессы к 1939 г. эта категория населения уже «исчезла с лица советской земли». Однако обращает на себя внимание тот факт, что в переписи 1939 г. категория «нетрудящиеся» выросла с тысячных долей процента в 1937 г. до 0,05. Правда, в 1939 г. в разряд «нетрудящихся» были необоснованно включены служители культа. Однако их было очень мало: в Центральной России — всего 13 тыс., а в Сибири и Средней Азии — 13,8 тыс.[15] Очевидно, что основную массу нетрудящихся составляли и в 1939 г. деклассированные. Любопытен в связи с этим следующий факт. При подготовке переписи 1939 г. был отдан правительственный приказ переписать всех до единого человека и в этих целях обыскать все подвалы, чердаки, котлы для варки асфальта и проч. нежилые помещения, где могли скрываться и обитать люди без документов, прописки и средств к существованию[16]. Группу нетрудящихся в переписи 1939 г. пополнили и лица, живущие на доходы от продажи имущества, от сдачи домов, комнат и пр., то есть рантье.

Следовательно, все эти категории присутствуют и в переписи 1939 г., но в закомуфлированном виде. В известном смысле перепись 1937 г. — это ключ к расшифровке некоторых социальных категорий населения, отраженных в переписи 1939 г. В 1939 г. проступает тенденция к унификации социальной структуры и фиксации только основных ее элементов. Затем в

унифицированном виде эта схема социальной структуры общества прочно войдет в программы последующих переписей и статистических справочников.

Сравнивая данные обеих переписей можно заметить некоторое сокращение удельного веса колхозников: на 3,1% в СССР, в РСФСР их в 1939 г. было несколько меньше, чем по Союзу в целом (см. табл. 18, 19). Видимо, это сокращение доли колхозников в социальной структуре населения было связано с оттоком рабочей силы из деревни в города, связанное со многими причинами. Это было связано с индустриализацией и урбанизацией страны, с «раскрестьяниванием» крестьянства в связи с коллективизацией, с наступлением госсектора на кооперацию и т.д. Безусловно, форсированная индустриализация потребовала притока рабочей силы, но сокращение сельского населения, занятого земледельческим трудом при невысокой степени его механизации не было оправдано. Тем более, что проивходил отток из села молодежи мужского пола.

При сопоставлении данных обеих переписей обращает на себя внимание более, чем в 2,5 раза увеличение от 1937 г. к 1939 иждивенцев госучреждений. В первой переписи студенты не были включены в эту категорию, и это справедливо, поскольку они, хотя и получали стипендии, находились в основном на иждивении частных лиц. К тому же стипендии имели далеко не все студенты. В 1939 г. они были включены в категорию «инживенцы государства». Пенсионеров было немного: 1,3%, в Центральной России их доля была равна 0,6%[17].

Сохранилась подробная спецперепись Наркомата Обороны СССР, осуществленная в рамках всеобщей переписи населения 1939 г. Рассмотрим на основе ее данных характеристику состава армии на февраль 1939 г. Сопоставим возрастную структуру армии с демографическим составом советского общества того времени.

Общество было тогда традиционным по типу воспроизводства населения, то есть ему были присущи высокая рождаемость и смертность, высокий показатель удельного веса молодых возрастов и малая доля пожилых и престарелых лиц. Молодые люди 18—29 лет составляли 27% среди всех возрастных групп, а вместе с детьми и подростками — большую половину населения. Однако две возрастные группы — мо-

лодые люди 18—19 лет, рожденные в конце гражданской войны и в голодный 1921 год, а также дети 6—8 лет, родившиеся в голодные годы начала 1930-х гг., имели заметно пониженную численность. Но потери людей в Первой мировой и гражданской войнах уменьшили численность, хотя не так резко, и группы среднего возраста[18].

Эти особенности возрастной структуры общества нашли отражение прежде всего в переменном составе армии. Бросается в глаза, что призывников 19-летнего возраста (тогда призыв осуществлялся с 19 лет) немного. Ряды армии вынуждены были пополнять за счет 18-летних. Но и вместе взятые 19 и 18-летние молодые люди-призывники составляли всего 1,6% всей армии и 2,5% ее переменного состава. Почти полностью, на 78,5%, переменный состав был укомплектован молодыми людьми 20—24 лет, немало было в рядах армии и 25-летних призывников[19].

Особый интерес представляет демографическая характеристика кадрового состава армии. Он довольно молод по своему возрастному составу. Основую его часть составляли военнослужащие 25—36 лет, удельный вес этой группы был равен 87,8%. Лица старше 36 лет малочисленны: группа 37—50 лет насчитывала всего 11%, в том числе 40-летних лиц было всего 30 тыс.[20] Итак, кадровый состав армии был настолько молод, что не мог участвовать в большинстве своем ни в гражданской, ни тем более в Первой мировой войнах. Лиц зрелого возраста, а также старых «военспецов» было мало. Это явно результат обрушившихся на армию репрессий и неоднократных «чисток» ее рядов от «классово-чуждых элементов».

Любопытно, что чиновничий аппарат в стране по возрастной структуре очень близок к вышеохарактеризованному составу армейских кадров. В самом деле среди служащих гос- и партаппарата широко представлена молодежь. Группа молодых людей в возрасте 20—29 лет составляет четверть всего их состава. А лиц 50 лет и более среди этой социальной группы — всего 6%. Еще моложе судьи и прокуроры. Среди них группа 20—29-летних молодых людей составляет $^1/_3$ по удельному весу[21]. Здесь следы не только репрессий, но и быстрой сменяемости кадров, пополнения аппарата малоопытными людьми, которые не могли

сразу противостоять волюнтаристским решениям «сверху».

В армии многонациональной страны было представлено 90 национальностей. В 1939 г. в СССР славянские народы составляли свыше 80% населения, в том числе русские — свыше 58%, украинцы — 21%, белорусы — 3%. В армии представительство славян было еще выше: русских — 66% (1,4 млн), украинцев — 19,3% (0,4), белорусов — 3,5% (0,07 млн), все вместе они составляли 90% всей армии. Крупной группой в армии были татары, их насчитывалось примерно 40 тыс. (2%), кроме того народы Поволжья и Прикамья (включая татар): чуваши, башкиры, удмурты, марийцы, мордовцы — 100 тыс. (5%). Все народы Закавказья составляли 2% или 40 тыс., несколько меньше было военнослужащих из среднеазиатских национальностей — 27 тыс. (1,5%). Наконец несколькими десятками, иногда сотнями человек были представлены такие малочисленные народы как ханты, чукчи, шорцы, курды и т.д.

Среди женщин-военнослужащих было представлено 16 национальностей, преобладали русские, украинки и еврейки.

Состав армии по родному языку был многообразен, он насчитывал 82 наименования. При этом русскоязычных народов было больше чем русских (1,6 млн), поскольку довольно заметный процент украинцев, белорусов и евреев считали русский язык родным. Родным его признали и многие представители в армии таких народов как мордва, чуваши, немцы, удмурты, карелы. Народы Закавказья и Средней Азии, как правило, сохраняли свой родной язык. Любопытно, что женщины-военнослужащие в меньшей мере, чем мужчины сохраняли свой родной язык, среди них был широко распространен русский язык в качестве родного.

Как показывают переписи населения, в стране «сплошной грамотности» (термин прочно утвердился в массовой печати) в конце 30-х гг. было немало неграмотных, то есть лиц, не умеющих читать по слогам и написать свою фамилию. Таковые представлены даже среди молодых мужчин. Например, среди 20—24-летних мужчин неграмотных было 7,5%, среди 25—29-летних молодых людей — 9%, среди 30—35-летних — 14%[22]. Это отразилось даже на управленческом аппарате — 0,3% среди них было неграмотны-

ми. Преимущественно этот факт был зафиксирован в сельской местности, в торговле и даже в некоторых случаях — среди руководителей мелких предприятий[23]. Последних было 0,5% среди всех руководителей предприятий.

В армии дело обстояло иначе. Неграмотных было здесь по удельному весу меньше чем по стране в целом, поскольку шел отбор молодежи при призывах. Поэтому в переменном составе войск неграмотных всего 3%, а в кадровом составе всего 0,1%. Во многих возрастных группах кадрового состава неграмотных не было вовсе[24].

Что касается образования, то среди мужской части населения страны лица без образования насчитывали 75—80%, лица со средним образованием — 8—10%, в том числе среди молодежи 18—24 лет — 12%. Процент лиц с высшим образованием не превышал в возрастной группе 25—45 лет 1,5—2%[25]. Уровень образования в армии был выше чем в обществе в целом, особенно в ее кадровом составе, где лица в возрасте 25—29 лет имели в большинстве своем (свыше 50%) полное или неполное среднее образование, лица с высшим образованием составляли 4,5%. Этот показатель по высшему образованию несколько отстает от соответствующего показателя в среднем по руководящему составу управленческого аппарата.

В кадровом составе внутренних войск лиц со средним и высшим образованием было в 2—3 раза меньше чем в обычных войсках. Особенно заметна эта разница в возрастных группах после 30 лет. Так, в группе 30—34 года в армии лиц со средним образованием было 58%, а с высшим — 8%. В той же группе внутренних войск было соответственно — 25 и 3%. В возрастной группе лиц 35—45 лет в армии свыше половины лиц было со средним образованием и одна четверть — с законченным высшим.

В соответствующей возрастной группе внутренних войск доля лиц со средним образованием не превышала 35%, а с высшим — 5%, то есть преобладали лица без образования и с начальным образованием.

В переменном составе и в армии, и во внутренних войсках большинство составляли лица без среднего образования, что связано в основном с их молодостью, поскольку это был призывной возраст. Однако если в армии 30% военнослужащих переменного состава все-таки имели полное и неполное среднее образование, то в НКВД таковых было всего 10%. Лиц с высшим образованием в переменных войсках в целом насчитывалось единицы[26].

В армии, таким образом, даже в переменном ее составе был более высокий уровень образования чем в обществе в целом, кроме того он выше чем во внутренних войсках. Однако при всем том надо признать, что лиц с высшим образованием в армии мало и что особенно важно, мало их в кадровом составе армии. В этом отношении особенно заметны последствия репрессий и чисток в армии. Таковы некоторые показатели сравнительной социально-демографической характеристики общества и армии в 30-е годы.

Перепись 1937 г. не выделила, как это было сделано в 1926 г., специальной категории — «заключенные». То же повторилось и в 1939 г. По каким же категориям населения были расписаны эти так называемые спецконтингенты в переписях? На этот вопрос помогают ответить материалы переписи 1939 г.: указания инструкции и данные шифровки материалов, извлеченные из секретной переписки.

Согласно инструкции работники мест заключения и лагерей на вопрос о роде занятий записывали: «сотрудник НКВД». Работники политотделов мест заключения: «политработник». Вся администрация (АХО, учетно-распределительный персонал, штат военизированной охраны) — «административные работники». При шифровке места работы, т.е. НКВД, шифровали по занятию, то есть занятый в строительстве, в сельском хозяйстве, в коммунальном хозяйстве и т.д., так как НКВД своего шифра не имело. Общественная группа определялась также по занятию: служащий, рабочий и т.д.

Что касается собственно заключенных, то тут инструкция предписывала в отношении заключенных в лагерях и колониях, работавших на строительных площадках, строительстве железных дорог и автомагистралей, заводах и т.д., указывать характер выполняемой работы: землекоп, каменщик, механик, бухгалтер и т.д. В отношении осужденных и кассационных заключенных, содержавшихся в тюрьмах, ответ не предусматривался, следовал прочерк; относительно следственных заключенных указывался род занятий по последнему месту работы. Трудопоселенцы указы-

вали характер выполняемой в трудпоселке работы. Несовершеннолетние в трудколониях, трудкоммунах, приемниках-распределителях фиксировались как «воспитанники». Таким образом, заключенные пополняли в переписи ряды соответствующих профессиональных групп и сливались в них с общегражданским населением.

Любопытно, что, отвечая на вопрос о месте работы, заключенные лагерей и колоний попадали в самые передовые «ударно-трудящиеся» группы населения: «строительство Куйбышевского гидроузла, Байкало-Амурской магистрали и др. Трудпоселенцы указывали наименование организаций, в которых работали: «неуставная артель», завод, фабрика с названием промышленного предприятия. Воспитанники отмечали название колоний и трудкоммун НКВД, в которых находились.

Весь спецконтингент при определении общественной группы имел шифр «9». Это шифр категории переписи: «Прочие, не указавшие источника средств существования» и «нетрудящиеся». Но к последним заключенные не плюсовались. Понятно отсюда, почему такой многочисленной в переписи 1939 г. оказалась категория лиц, «не указавших источника средств существования»[27]. Кроме того можно с уверенностью сказать, что «воспитанники» колоний и «заключенные в тюрьмах» попадали в категорию «иждивенцев государства». Эта категория также разбухла в 1939 г. и не только за счет студентов. Она насчитывала почти 4 млн человек[28].

2. Социально-демографический состав населения российских городов

Социальный состав городского населения РСФСР в 30-е гг. был иным, чем в 1926 г.

В изменениях социального состава горожан в 20-е годы наблюдалось два противоречивых процесса. С одной стороны, с восстановлением рыночных отношений и хозяйственной жизни городов (в связи с введением НЭПа) происходило естественное развитие связанных с этими отношениями структур. Прежде всего это проявлялось в оживлении предпринимательства. Даже в условиях «ограниченного допуска» в экономи-

ку частного капитала численность «хозяев с наемными рабочими» имела по сравнению с другими социальными категориями населения самый высокий процент прироста. Однако предприниматели-«нэпманы» рассматривались советским государством как «эксплуататорский, чуждый социализму элемент капиталистической формации», который подлежит использованию в интересах строительства социализма и полному изживанию, ликвидации в самое ближайшее время. Хотя ограничение и вытеснение частного капитала предполагало победу над ним в конкурентной борьбе новой системы хозяйства, с самого начала по отношению к деятельности предпринимателей возобладали методы административного нажима.

Таблица 20

Социальный состав городского населения РСФСР в 1926 г.

Социальная группа	Кол-во	%
Рабочие	2330950	29,5
Служащие	2168473	27,5
Лица свободных профессий	37408	0,5
Хозяева с наемными рабочими	56128	0,7
Хозяева, работающие только с членами семьи, или товарищества	407403	5,1
Хозяева-одиночки	620471	7,9
Помогающие члены семьи	622230	7,8
Иждивенцы гос- и обществ. учреждений	816150	10,3
Рентьеры	101805	1,3
Деклассированные	31586	0,4
Безработные	655521	8,3
Прочие, в т.ч. не указавш. источника существования	47526	0,6
Все население	7896653	100

Жиромская В.Б. После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. М., 1996. С. 101, 106.

В этой ситуации предпринимательство с трудом пробивало себе дорогу, опираясь на опыт хозяйствования, международные связи, сохраненные в разной степени капиталы, умение торговать и проч. Удельный вес предпринимателей в занятом населении городов был очень мал. Это были более или менее крупные (разумеется не в дореволюционном смысле слова) предприниматели: фабриканты, заводчики, хозяева ремесленных заведений с наемной рабочей силой, крупные торговцы, подрядчики строительных работ, владельцы лавок, трактиров, чайных. Гораздо более значительным был слой рантье, живших за счет сдачи домов, на доходы от ценных бумаг и т.д. Если активных предпринимателей в 1926 г. было всего 0,7%, то рантье — 1,3% от самодеятельного населения городов (см. табл. 20).

Кроме того деформировалась сфера приложения капитала. Переписи позволяют проследить, в каких именно областях «нэпманы» развивали свою деятельность. В производственную сферу они «внедрялись» вяло. Так, в Европейской России фабриканты и заводчики насчитывали в 1926 г. 477[29]. В России в целом хозяев акционерных обществ было в тот же год 728[30]. На территории Европейской России существовало всего два частных предприятия с числом рабочих около 500 человек на каждом из них. Все другие предпринятия были средними, чаще мелкими. Причиной было и недоверие к власти и стремление уйти из-под ее контроля, избежать налогов. Основная часть капитала усремилась с переходом к нэпу в торговлю как наиболее труднорегулируемую и контролируемую сферу. Предпринимательство в торговле часто развивалось нелегально, образуя так называемый «черный рынок». Практически ушла из-под госконтроля и та часть предпринимателей, которая действовала в кустарной промышленности. По существу они монолизировали сбыт продукции «неорганизованных» кустарей и поставку им сырья, ссужали им капитал. В реализации продукции кустарно-ремесленной промышленности в 1924/1925 хозяйственном году в РСФСР доля частника составляла 84%. Кооперация с этой задачей не справилась. В РСФСР частный сектор в розничной торговой сети составлял 77,1%, а в государственной — 4,5, несколько выше была доля кооперативного — 18,4%[31]. Частному капиталу принадлежало 98%

базарных и 70% постоянных предприятий в розничной торговле[32]. Торговцев среди предпринимателей было 52% и 22% составляли хозяева кустарно-ремесленных заведений. Эти две группы хозяев являлись основными среди «нэпманов».

Государственная политика в области торговли привела к тому, что позднее усилился перелив частного капитала в кустарную промышленность и сельскохозяйственное производство, где контролировать его было еще труднее, и где возможности для его роста сильно возросли. Предпринимательство к тому же развивалось и в таких уродливых формах как мимикрия, обнаруживая в данном случае большие способности к маскировке и организуя так называемые «лжекооперативы». Эту сторону их деятельности было еще труднее учесть. Быстрые темпы роста числа предпринимателей настораживали госаппарат, тем более, что их экономические возможности и роль были гораздо значительнее их численности. Стремление его уничтожить становилось все сильнее и наконец, как известно, было реализовано.

Противоречивым было и развитие многочисленных в то время в городах слоев ремесленников и кустарей. К ним принадлежали, согласно терминологии переписей 20-х гг. «хозяева, работающие только с членами своей семьи» и «хозяева-одиночки».

Несмотря на сдерживание «сверху» естественных процессов дифференциации, среди ремесленников и кустарей, она продолжала развиваться. От 1923 к 1926 г. численность хозяев-одиночек, низшего слоя, сократилась в городах РСФСР на 11,6%. Численное сокращение менее зажиточной группы мелких собственников свидетельствовало о трех явлениях: переходе одной части из них в зажиточную группу, другой, разорившейся, — в слои безработных, рабочих или служащих, наконец, о вступлении некоторых из них в кооперативы, которых тогда было немного. Однако этот низший слой, несмотря на численное сокращение, продолжал оставаться самым многочисленным в городах, чему способствовала и правительственная политика, мешавшая его расслоению. Однако совсем этот процесс прекратить не удавалось и среди мелких собственников набирали силу хозяева кустарно-ремесленных заведений с мелким наймом рабочей силы. За тот же период они увеличили свою численность на

174,8%. В Москве на их долю по данным налоговой статистики приходилось 1/4 общей суммы чистого дохода всех кустарей, а в Ленинграде — 1/6[33]. Большая часть хозяев, работающих с членами своей семьи, была связана с сельскохозяйственным производством. Встречались и сапожно-башмачные и хлебопекарные заведения, редко — кузнечные и слесарные мастерские. «Хозяева-одиночки» по характеру занятий несколько отличались от них (см. табл. 20). Во-первых, их занятия были гораздо разнообразнее, во-вторых, занятость в сельском хозяйстве не играла среди них такой большой роли. Самую большую группу здесь составляли хозяева кустарно-ремесленных заведений — 37,9% всех «хозяев-одиночек», 25% «одиночек» было занято в сельском хозяйстве и почти столько же — в торговле. Небольшая часть «одиночек» была занята в строительстве и на транспорте.

Среди одиночек, связанных с кустарным промыслом, самыми распространенными были следующие профессии: сапожники, башмачники, портные, часовщики, ювелиры, прачки, то есть сфера их деятельности не выходила за рамки производства товаров широкого потребления и бытовых услуг.

Рабочие имели довольно развитую профессионально-отраслевую структуру. Самую крупную группу среди рабочих профессий составляли металлисты, которые быстрее других восстанавливали свою довоенную численность. В основном металлисты были заняты в фабрично-заводской промышленности и железнодорожном транспорте.

Небольшую профессиональную группу составляли рабочие горнодобывающей промышленности и силовых установок фабрично-заводской промышленности и госучреждений.

Среди профессий легкой промышленности самую многочисленную группу образовывали рабочие-текстильщики, занятые в подавляющей своей массе в фабрично-заводской промышленности. Относительно многочисленной группой среди профессий были железнодорожники. В силу специфики развития города некоторых регионов республики насчитывали больше горнорабочих, а также сельскохозяйственных рабочих, чернорабочих, поденщиков.

Основная масса рабочих концентрировалась на государственных предприятиях (свыше 90%), причем

свыше 60% их работало на крупных предприятиях. Огосударствление промышленности привело к тому, что в частном секторе промышленности разных районов РСФСР было занято от 1,5 до 4,5% рабочих, а в кооперативном — от 2,8 до 5,0%[34]. В основном большая часть частных и кооперативных предприятий была средней или мелкой. 77% занятых в частной промышленности рабочих трудились на мелких предприятиях, а 2,8% — на крупных. В кооперативной промышленности 60% рабочих было сосредоточено на мелких предприятиях, а 40% — на средних[35]. Как отмечалось в статистике, производительность труда была выше на частных предприятиях.

Служащих в городах РСФСР насчитывалось 1,4 млн. Интеллигенции, то есть лиц высококвалифицированного умственного труда, было мало — 367 тыс. в 1923 г. и 427 тыс. в 1926 г., что составляло 5—6% от всего занятого населения. Уже в начале 20-х гг. был довольно значителен по численности административный персонал. К 1926 г. его численность еще больше возросла, оставив позади даже культурно-просветительный персонал. Доля административного персонала возросла до 40%.

Хотя к 1926 г. наметилось некоторое сокращение безработных (по РСФСР на 5%), безработица имела длительный и хронический характер. Эта проблема была очень острой и сложной, особенно для крупных промышленных городов, где концентрировалась основная масса людей, потерявших работу. В целом в городах РСФСР в 1926 г. насчитывалось 656,5 тыс. безработных, что составляло 8,3% от самодеятельного городского населения.

В городах в середине 20-х гг. все еще обитало значительное число деклассированных и даже обнаруживало по сравнению с 1920 г. тенденцию к увеличению, хотя доля в городском населении их была невелика. В основном это были женщины, дети и старики. Подавляющую часть их составляли нищие, их насчитывалось 27,7 тыс. За счет лиц этой категории и увеличивалось, главным образом, число деклассированных. Характеристика социального состава городов не будет полной без обозначения такой категории лиц, которые считались иждивенцами государства. Это пенсионеры, их число от 1923 г. к 1926 выросло в 3 раза, возросло число больных, содержавшихся за счет

государства в больницах. Увеличилась численность студентов, получавших стипендии (на 10%). На 17—18% стало меньше сирот в приютах и детских домах. Однако обнаружилась тенденция к росту числа заключенных. В 1923 г. их насчитывалось 93,5 тыс. (1,4%). К 1926 г. их число возросло почти на 52%[36].

Итак, в середине 20-х гг. складывалась социальная структура населения, характерная для развития города в условиях рыночного хозяйства, со всеми присущими ей элементами — предпринимателями, рабочими, служащими, бюрократией, ремесленниками и торговцами, безработными, рантье и проч. В дальнейшем этот естественный социальный процесс был насильственно прерван «сверху».

К концу 20-х гг. город был накануне глубоких социальных, экономических перемен, и мы в последний раз для российского города предындустриального периода наблюдали такую многоплановую сложную структуру.

Индустриализация, проводимая форсированными темпами, стремительная урбанизация, всеохватывающее обобществление и огосударствление коренным образом изменили социальный облик города. Теперь две трети городского населения были рабочими госпредприятий, одна треть — служащими госпредприятий и учреждений. Вместе рабочие и служащие составляли 92,5% горожан. Прежде многочисленные слои ремесленников и кустарей теперь имели малую долю в составе городского населения — 4,1% (подавляющая часть их была кооперирована). На городских окраинах сохранялись самостоятельные хозяева-единоличники, занятые в огородничестве и садоводстве. Их удельный вес незначителен. На окраинах города располагались колхозы, в населении городов колхозники составляли 3,2% (см. табл. 18), видимо, их специализацией было обеспечение городского рынка. В основном это были овощные и молочные хозяйства.

Анализ возрастнополового состава городского населения показывает, что среди рабочих и служащих преобладали мужчины, много их и среди служащих кооперативов (свыше 70%). Видимо, преобладание мужского пола в городских занятиях было связано с тем, что их уровень квалификации, грамотности и образования был выше, чем у женщин. Также мало было женщин и среди некооперированных кустарей,

зато среди кооперированных — женщин гораздо больше, чем мужчин. Это связано с тем, что здесь преобладали женские занятия — пуховязальный, чулочный, кружевной, шляпный и прочие промыслы.

Отраслевая структура занятости рабочих и служащих еще недостаточно развита — в основном это промышленность и сельское хозяйство. Явно отстают по занятости в них такие сферы, как здравоохранение, культурное и бытовое обслуживание, особенно наука. В то же время высокая занятость рабочих в промышленности свидетельствует о недостаточном ее техническом оснащении.

Занятость женского труда наблюдается во всех отраслях хозяйства, но среди рабочих, кроме сферы обслуживания, преобладают мужчины. Что касается служащих, то во всех сферах их занятости преобладал мужской труд.

Профессиональный состав рабочих свидетельствует о больших изменениях, происшедших в нем в связи с индустриализацией и преимущественным развитием тяжелой индустрии.

В 1930-е гг. индустриализация привела к развитию таких социально-профессиональных групп, которые были связаны с крупным механизированным производством, особенно в тяжелой промышленности. Прежде всего заметно возросла, даже по сравнению с концом 20-х гг. численность такой заводской профессии, как металлисты. Они насчитывали свыше 3 млн чел. на российских предприятиях. Это была мужская профессия, женщины составляли всего 14% среди занятых в ней. Резко выделяется своей многочисленностью группа рабочих 20—29 лет. Ее доля составляла почти 40% среди всех металлистов. Довольно крупной группой была и группа лиц 30—39 лет (почти 25%). В отличие от кустарных промыслов, и кооперированных и некооперированных, в фабрично-заводской промышленности с этой специальностью связано много молодежи до 20 лет. Их $^1/_5$ часть от всех металлистов. После 40 лет доля занятых этой профессией резко понижается.

Женщины-металлисты еще моложе мужчин по своему составу. Группа 20—29-летних составляет больше 50%. Пожилых, после 40 лет, еще меньше, чем у металлистов-мужчин[37].

Металлисты заняты в очень многих отраслях хозяйства, особенно в машиностроении, металлургии, топливной промышленности, текстильной, рудодобывающей, каменноугольной. Значительное число металлистов было задействовано в строительстве, на транспорте, в частности метро.

Грамотность у металлистов достаточно высокая: у мужчин — 98, а у женщин — 94%. Среднее образование имели 180 чел. на 1000 у мужчин, у женщин — значительно меньше: 107 чел. на 1000. Высшего образования, как правило, металлисты не имели. Однако среди них есть учащиеся — 97 чел. на 1000, многие из них обучались в техникумах.

Среди металлистов крупную группу в профессиональном отношении составляли токари и фрезеровщики: соответственно 315 тыс. и 55 тыс. Токари и фрезеровщики очень молоды по возрастному составу. По 43% среди мужчин и по 56% среди женщин приходилось на группу 20—29 лет. Второй крупной возрастной группой среди них была группа 15—19 лет (в значительной степени учеников, пополнявших затем ряды этой профессии). Уже 30—39-летних сравнительно немного, особенно среди токарей, а 40—49-летних мужчин токарей — всего 4%. Женщины слесари или фрезеровщицы еще моложе по возрасту. В целом токарь — это мужская профессия, женщин с ней связанных — всего 4%. А среди фрезеровщиков женщин 1/3, по возрасту они несколько старше фрезеровщиков-мужчин, среди женщин 20% составляли лица 30—39-летнего возраста[38].

Токари и фрезеровщики в основном были заняты в машиностроении и меллообрабатывающей промышленности, токарей было немало и на железнодорожном транспорте.

Грамотность у представителей этих двух профессий высокая, поскольку они, как правило, имели высокую квалификацию: у мужчин грамотность составляла почти 100%, у женщин — 98%. Среднее образование имели 325 чел. на 1000 токарей, а 321 чел. на 1000 фрезеровщиков. Женщины несколько отставали по уровню образования от мужчин, но тоже имели 205 чел. со средним образованием на 1000 токарей. Фрезеровщицы довольно сильно отставали в этом плане от мужчин-фрезеровщиков. И среди токарей, и среди фрезеровщиков мало лиц с высшим образовани-

ем (по 0,3%), но многие лица этих специальностей учатся: 150 чел. на каждую 1000.

Важными группами профессий в 30-е гг. являлись сталевары, литейщики, прокатчики. Они насчитывали соответственно 14 тыс., 67 тыс., 19 тыс. Женщины заметно представлены лишь среди литейщиков, а среди сталеваров и прокатчиков их почти нет. Женщины составляли среди литейщиков 24%, в основном это были формовщицы. По возрасту эти специальности отличаются от токарей и фрезеровщиков тем, что среди них мало лиц до 19 лет. Возрастные группы — 20—29 и 30—39 лет здесь основные, по удельному весу они почти равны между собой и составляют вместе 75% лиц этих профессий. Довольно представительной здесь является и группа 40—49 лет, хотя она и уступает по численности и удельному весу первым двум, составляя 13—14%. Среди женщин основной возрастной группой является группа 20—29 лет, ее доля колеблется от 50 до 67%. Кроме группы 30—39 лет, которая по удельному весу достигает 1/4, все остальные возраста предствлены незначительно[39].

Все эти специальности были сосредоточены в машиностроении, металлургии, металлообрабатывающей промышленности.

Уровень грамотности у представителей этих профессий уступает уровню грамотности токарей и фрезеровщиков, но довольно высок — 97% мужчин и 94% женщин были грамотными. Лиц со средним образованием было меньше, чем у токарей и фрезеровщиков, но многие, особенно среди сталеваров учились.

Популярной и традиционно многочисленной была профессия слесаря в фабрично-заводской промышленности. Их 850 тыс. Женщин среди них всего 3%. Возрастные группы представлены у слесарей довольно равномерно. Самой крупной группой была группа 20—29 лет (40%), примерно одинаково по удельному весу выглядели между собой группы до 19 лет и 30—39 лет: по 22—24%[40]. Связаны с этой профессией и 40—49-летние лица, пожилых мало.

Работают слесари во всех отраслях промышленности и хозяйства, но прежде всего в машиностроении, на железнодорожном транспорте, в текстильной, топливной, рудодобывающей, полиграфической промышленности и др.

Среди слесарей было 99% грамотных мужчин, женщин — 97%. 192 чел. на каждую 1000 имели среднее образование, 110 чел. на каждую 1000 учились.

Традиционной и распространенной профессией были кузнецы. Они насчитывали 417 тыс. человек. Возраст старше, чем у предыдущих групп профессий, самой крупной группой являлась группа 30—39 лет (35%). Как ни в какой другой из вышеназванных профессий многочисленна возрастная группа 40—49 лет (17%). Даже лица страше 50 лет составляли 13%. Молодежи 20—29 лет и здесь много — 29%, но эта возрастная группа не была преобладающей. Женщин практически нет. В основном кузнецы заняты в сельском хозяйстве, машиностроении, строительстве, на железно-дорожном транспорте.

Уровень грамотности относительно высок — 92% грамотных, лиц со средним образованием 15 на 1000 чел. Учащихся также немного.

Традиционной профессией являлась профессия механика-рабочего, распространенная в 30-е гг. в машиностроении, пищевой, швейной, деревообрабатывающей промышленности, на железно-дорожном и водном транспорте, в строительстве, лесном хозяйстве и т.д.

Механиками работали в основном мужчины. Женщины составляли всего 5% от всех лиц этой специальности. Выделялись среди механиков лица 20—29 и 30—39 лет. Вместе они составляли 73%. Довольно большая группа 40—49 лет — 12%. Относительно мало по сравнению с другими профессиями лиц до 20 лет (менее 10%)[41]. Женщины-механики несколько моложе мужчин той же специальности, но соотношение между возрастными группами мало отличается от соотношения этих групп у мужчин. Старше 50 лет лиц среди мужчин и женщин немного. Грамотность среди механиков-рабочих и у мужчин, и у женщин очень высокая: соответственно 100 и 99%. Лиц со средним образованием довольно много: 280 на 1000 среди мужчин и 295 среди женщин. Учащихся мало.

В переписи 1939 г. зафиксированы новые рабочие специальности, связанные в освоением нового оборудования и нового производства. Это, как отмечается в переписи, прежде всего электро- и автогеносварщики. Хотя профессия эта в основном мужская, но все же в ней задействованы и женщины. Их 13% от общего

числа. Поскольку эта профессия требовала образовательной подготовки, то связанные с нею специалисты имели возраст в основном 20—29 лет (52% мужчин и 62% женщин). Представлена и следующая возрастная группа, но уже старше 40 лет специалистов мало, равно как и лиц до 20 лет. Уровень грамотности высок — грамотных 99% среди мужчин и 97% среди женщин. Довольно много лиц со средним образованием: 155 мужчин на каждую 1000 и 100 женщин на каждую тысячу. Много и учащихся в вузах и техникумах. Электро-автогеносварщики заняты в машиностроении, металлургии, химической промышленности, в строительстве и на транспорте[42].

Монтеры и электромонтеры насчитывали 300 тыс. человек. Возраст преимущественно 20—29-летний (около 50%)[43]. Женщин среди них практически нет. Довольно много лиц моложе 20-летнего возраста — 25%. Представлена довольно скупо возрастная группа 30—39 лет. Лиц более старшего возраста очень мало. Заняты во всех отраслях хозяйства, особенно обильно на электростанциях и в каменноугольной промышленности. Лица этой профессии были грамотными почти все, много лиц со средним образованием: у мужчин на каждую 1000 275 чел., у малочисленных женщин — 345 на каждую тысячу[44]. Многие учились.

В связи с развитием водопроводной, газопроводной сетей, коммунального хозяйства городов, особенно промышленных центров и объектов, увеличилось число рабочих, имевших специальность водопроводчиков и трубопроводчиков. Их насчитывалось более 80 тыс. Женщин было среди них всего несколько сотен. Их возраст в основном 20—39 лет. Вместе они составляли 67%. Группа до 20 лет была также представлена довольно значительно — 15%. Любопытно, что в этой профессии больше, чем в других профессиях задействованы были лица старше 50 лет. Грамотных среди лиц этой специальности было 99%, на каждую 1000 приходилось 102 человека со средним образованием. Учащихся среди водопроводчиков и трубопроводчиков было очень мало. Заняты они более всего в строительстве, а также в коммунальном хозяйстве, много их в машиностроении, топливой промышленности[45].

Крупной группой среди рабочих были горняки. Их 330 человек. Среди них было 15% женщин. Преобла-

дающим возрастом среди горняков был возраст 20—29 лет. Среди мужчин — 39%, среди женщин — 45%. Довольно многочисленной была возрастная группа 30—39 лет, их 35% среди мужчин, а среди женщин — всего 23. Женщины были значительно моложе по своему составу. Особенно это видно по удельному весу группы до 20 лет. Среди мужчин их мало (5%), а среди женщин — 20%. Группа 40—49 лет довольно значительна среди мужчин, и несколько малочисленнее она у женщин. Лиц старше 50 лет среди горняков — единицы. Грамотность и образовние невысоки — у мужчин грамотных 90%, у женщин — только 76%. Среднее образование имели среди мужчин 58 чел. на 1000, а среди женщин — всего 14. Учащихся мало. Заняты горняки в каменноугольной, рудодобывающей, торфяной, сланцевой, нефтедобывающей, горнохимической промышленности и добыче минералов для строительства.

Среди горняков интерес представляет характеристика буровых мастеров как наиболее квалифицированных специалистов. По численности их 37 тыс., то есть сравнительно немного. Женщин было всего 600 человек. Возраст не был особенно молодым у лиц этой профессии. До 20 лет горяков всего около 6%. Самые многочисленные группы 20—29 лет и 30—39 лет. Старше 40 лет их уже всего 11%, после 50 лет совсем мало, а женщин вообще нет. Грамотность у лиц этой профессии высокая: среди мужчин 95% грамотных, а среди женщин много меньше — 85%. Лиц со средним образованием немного. Среди горняков выделялись две профессии — бурильщики и проходчики. Они заняты в каменноугольной, нефтедобывающей, рудодобывающей промышленности[46].

Большая по численности группа — забойщики и отбойщики (114 тыс. человек). Профессия преимущественно мужская. Преобладает молодой и зрелый возраста: 78% лиц этой профессии имели возраст от 20 до 39 лет. Довольно много 40-49-летних. Лишь 2% составляли лица до 20 лет. Грамотность ниже по уровню, чем у бурильщиков, а лиц со средним образованием больше. Заняты были забойщики в каменноугольной и рудодобывающей промшыленности[47].

Среди горняков были профессии, не требующие высокой квалификации и подготовки. К ним относились крепильщики, выборщики породы и др. Среди

них представлены все возрастные группы, много молодежи до 19 лет, особенно среди выборщиков породы. Много задействовано женщин. Уровень грамотности невысок: у мужчин 85%, у женщин — менее 70%. Лиц со средним образованием немного, а среди женщин — практически не имелось. Мало и учащихся. Заняты были крепильщики и выборщики породы в каменноугольной и рудодобывающей промышленности. А каменоломы прежде всего в добыче минералов для строительства.

Мы рассмотрели рабочие специальности тяжелой и горнодобывающей промышленности, набор их расширился в ходе дальнейшей индустриализации. В основном, как мы видели, это были мужские профессии. Они привлекали молодых людей от 20 до 29 лет, много было в них задействовано и лиц зрелого возраста, но не старше 50-ти. Уровень грамотности у представителей этих специальностей довольно высок, среди них работают специалисты со средним образованием. Как правило, довольно много учащихся. При этом необходимо отметить, что горняки уступали несколько по уровню образования и грамотности металлистам.

Перспективной в 30-е годы специальностью была работа на силовых установках (электро, топливные станции). Задействовано довольно большое количество рабочих — 389 тыс., причем 23% из них состаляли женщины. Подавляющее большинство рабочих силовых установок имели возраст от 20 до 39 лет. Все другие возрастные группы малочисленны. Грамотность среди мужчин — 96%[48], среди женщин — 89%. Лиц со средним образованием мало — менее сотни на 1000. Заняты эти рабочие в машиностроении, каменноугольной, текстильной, топливной промышленности, на электростанциях, железных дорогах, в жилищном и коммунальном хозяйстве.

В крупную группу среди рабочих специальностей превратились рабочие-полиграфисты. Их было 117 тыс. Женщин среди них — 60%. В принципе представлены все возрастные группы вплоть до 60 лет. Но самую большую возрастную группу составляли лица 20—29 и 16—19 лет. Среди мужчин лиц этого возраста — 50%, а среди женщин — 63%[49]. Грамотность среди этих рабочих составляла 100%. Лиц со средним образованием больше, чем среди других специальностей, — достаточно большое количест-

во продолжало учиться. Заняты они были лишь в полиграфической промышленности[50].

Большое количество рабочих было связано с деревообделочной промышленностью. Их 600 тыс. Специальности здесь традиционны. Возрастные группы представлены все. Женщин задействовано лишь 18%. Преобладают возраста от 20 до 49 лет. Лиц среди мужчин этого возраста — 63%, среди женщин — 75%. По сравнению с дургими рабочими профессиями среди деревообделочников много пожилых, особенно среди мужчин. Так, лица старше 50 лет составляют 23%. Это в два с лишним раза больше, чем молодежи до 20 лет. Женщин молодых, до 20 лет больше, чем среди мужчин (16%), а пожилых меньше. Грамотных среди деревообделочников — 90%, у женщин — 78%[51]. Лиц со средним образованием и учащихся среди деревообделочников мало.

С легкой текстильной и трикотажной промышленностью было связано около 900 тыс. рабочих. Женщины здесь преобладали численно над мужчинами, которых было лишь 23%. Как и в других рабочих специальностях превалировали возрастные группы 20—39 лет. Но в отличие от других специальностей задействовано и много лиц старшего и пожилого возраста, которые, начиная с 40 лет и до 60 составляли 37%. До 20-летнего возраста текстильщиков также достаточно много — 14%. Грамотность среди текстильщиков ниже, чем у многих других рабочих профессий: у мужчин — 91%, у женщин — 85[52].

Среди специальностей текстильщиков самыми многочисленными были ткачи и прядильщики. И в обеих специальностях преобладали женщины. Их 90%. Возрастные характеристики мужчин и женщин, задействованных в этих профессиях, различны. У женщин самой большой возрастной группой была группа 20—29 лет, все другие возрастные группы представлены более или менее равномерно. Начиная с 15—19 лет на ее долю падает 19%. Довольно много пожилых лиц старше 50 лет. Среди мужчин, напротив, очень много молодежи до 20 лет (45%), особенно это характерно для ткачей. Все остальные группы представлены в пределах 10—12%. Грамотных среди прядильщиков 85%. Напротив, у ткачей грамотность высокая — 96%, даже у женщин — 91% грамотных. Довольно высок у ткачей и показатель среднего образования — 152 чел. на 1000. В два раза ниже этот показатель у женщин-ткачих. По этим данным видно, что отрасль была только что технически переоснащена, иначе трудно объяснить приток в нее молодых юношей[53].

В другой отрасли легкой промышленности — швейной было задействовано 500 тыс. чел. На 77% в ней были заняты женщины. Основной возраст — 20—39 лет. Все другие возрастные группы и до 20 лет и после 50-ти представлены равномерно. Среди мужчин больше пожилых швейников, чем среди женщин той же профессии. Старше 50 лет швейники насчитывали 33%. Зато до 20-летнего возраста их было всего 5%. Среди пожилых швейников много портных. Грамотность довольно высокая у лиц, занятых в швейной промышленности, и у мужчин, и у женщин — 93%. Лиц со средним образованием очень мало, зато много учащихся[54].

Кожевники и обувщики в своем составе имеют довольно много женщин. Например, среди кожевников их 30%, это в основном меховщицы. Среди обувщиков женщин 1/5 часть. Вместе эти профессии насчитывали около 400 тыс. задействованных в них лиц. Основные отрасли — кожевенно-обувная и меховая промышленность. Возраст преимущественно зрелый, после 30 лет, и пожилой, после 50 и даже 60 лет. Женщины моложе, но молодежи и среди них мало. Грамотность у кожевников ниже, чем у обувщиков, у последних она достигала 100%. Лиц со средним образованием немного, причем у женщин все же их больше. Мало и учащихся[55].

Пищевики насчитывали 455 тыс. чел. Заняты в пищевкусовой, табачно-махорочной, рыбной промышленности и общественном питании. Представлены все возрастные группы как у мужчин, так и у женщин. Последних почти половина от всех пищевиков. Грамотность у мужчин — 94%, а у женщин — 85%[56]. И лиц со средним образованием и учащихся немного.

Гончары и обжигальщики, занятые в химической, резиноасбестовой, стекольной; фарфоро-фаянсовой промышленности, минеральщики, химики насчитывали все вместе 150 тыс. В основном это молодые возраста — 20—29 лет. Среди них много женщин (почти 50%). Грамотных примерно 90%, число лиц со средним образованием невелико.

Крупная отарсль экономики — строительство — привлекала лиц многих специальностей. Количество их превышало 1 млн чел. В основном это мужчины, женщин было всего 5%. Возрастные группы представлены равномерно. Основной возраст — от 20 до 49 лет[57]. Зато женщины в основном молодые — до 20 лет. Грамотность не превышала 89%. Лиц со средним образованием очень мало — 28 чел. на 1000. Среди строителей перепись выделяет представителей новых профессий — экскаваторщиков и бетонщиков. Численность их невелика: соответственно 7 и 34 тыс. В основном это мужчины в возрасте 20—29 лет. Экскаваторщиков этого возраста было 57%, а бетонщиков — 44%. Представительной являлась и группа 30—39 лет. Пожилых и молодых до 20 лет мало. Грамотность достигала 100%. Среди экскаторщиков довольно много лиц со средним образованием — 127 на 1000 чел.[58] Зато бетонщиков со средним образованием почти нет. Многие бетонщики учатся.

Традиционными профессиями являлись профессии каменщиков и плотников. Профессии чисто мужские. Возрастная группа 30—39 лет — самая крупная по численности. Много и пожилых задействовано: лица после 50 лет составляли около 20%. Среди них 93% грамотных, но лиц со средним образованием практически нет, равно как и учащихся.

Рабочие-транспортники на железных дорогах были многочисленны — 650 тыс. чел. Женщин среди них 21%. Преобладал возраст — 20—49 лет. Их 84%. Лиц моложе 20 лет мало, особенно среди мужчин. Грамотных среди мужчин 97%, а среди женщин — 85%[59]. Учащиеся и лица со средним образованием составляют небольшую долю.

Большую группу транспортников составляли авто- и электротранспортники. Их почти 700 тыс., женщин среди них — всего 8%. Самая многочисленная возрастная группа — 20—29 лет, на ее долю приходилось более половины всех специалистов. До 20 лет молодежи совсем мало и после 40 лет количество транспортников этих специальностей резко убывает. Грамотность 100%[60]. Много лиц со средним образованием. Работают лица этих профессий в основном в метро, на троллейбусах и такси.

Часть рабочих специальностей была связана с обслуживанием коммунального хозяйства, благоустройства городов, сферой обслуживания. Это дворники, мойщики, подавальщики, разносчики, посыльные, истопники. Специфическую группу среди них составляли домработницы. Их было 376 тыс. Это женская профессия. Чаще всего их было до 20 лет, довольно много было 20—29-летних и лиц после 50 лет. Грамотность низкая — всего 70%[61]. Лиц со средним образованием мало, встречаются учащиеся.

Как видно из этих данных, в легкой промышленности рабочие профессии отличались более старшим возрастом, довольно большим представительством женщин, более низким уровнем грамотности, чем у рабочих тяжелой промышелнности. Ниже у рабочих легкой промышленности и показатели среднего образования и количество учащихся. Молодежь и лиц среднего зрелого возраста привлекали новые технически оснащенные отрасли производства. Там была сосредоточена и основная масса рабочих, имеющих среднее образование. Среди транспортников выделяются рабочие, связанные с обслуживанием метрополитена, электропоездов, троллейбусов, среди строителей — экскаваторщики со своим самым трудоспособным молодым возрастом и уровнем грамотности. Во всех рабочих профессиях представлены женщины, но при этом легко просматриваются мужские и женские профессии, как это мы видели выше. Женщины, как правило, имели более низкий уровень грамотности и образования.

По наблюдениям исследователей истории рабочего класса, в связи с притоком на фабрики и заводы молодежи из деревень, которые еще не имели квалификации и требовали обучения, понизился общий показатель уровня квалификации по сравнению с 1926 г.[62]

Среди служащих в 30-е годы выделяется большая по удельному весу группа административно-управленческого персонала. По сравнению с 1926 г. ее численность увеличилась более, чем в 6 раз.

Интерес представляет характеристика этой группы служащих по полу, возрасту и образованию. Прежде всего в аппарате широко представлена молодежь 20—29 лет, которая составляла $^1/_4$ часть всей этой группы служащих. Лиц 30—39 лет — 44,8%, а старше 50 лет — всего 6,5%. Можно было ожидать, что, так как с 1917 г. прошло немало времени, «аппаратчики» имели солидное образование. Это ожидание оправдалось лишь относительно грамотности: грамотность ру-

ководящего персонала составляла 99,7%, неграмотных было всего 0,3%. Однако если говорить об образовании, то картина вырисовывается совсем другая. Законченное среднее образование имели менее 1/3 всех руководителей, а высшее — только 6,7%. В дополнение к этому необходимо сказать, что среди неимеющих образование учащиеся составляли всего 7%, в том числе в вузах и техникумах — 0,6%. Следовательно, не имели законченного среднего образования и при этом нигде не обучалось примерно 56% руководителей.

Приведенные показатели касаются всего руководящего состава, но существовало еще самое высшее звено: руководители республиканских и областных учреждений и организаций. По возрасту здесь преобладала группа 30—39 лет, составлявшая 50%, молодежи было заметно меньше — 22%. Хотя показатели по образованию были среди высшего эшелона власти выше, чем в целом по всему руководящему составу, но и здесь 20,7% лиц не имело полного среднего образования и нигде не училось, чтобы повысить его уровень. Руководителей с высшим образованием насчитывалось 20,5%, то есть 1/5 часть всех руководителей самого высокого уровня. В сохранившихся в архивах переписных листах переписи 1939 г. лица, занимавшие самые высокие посты в государстве, на вопрос о профессии отвечали: «профессиональный революционер». В лучшем случае эти люди имели среднее образование[63].

Среди руководителей предприятий всех отраслей хозяйства преобладала возрастная группа 40 лет и старше. Зато уровень образования был еще ниже: не имело среднего образования 56,4%, встречались и неграмотные, хотя и всего 0,5%. Однако в области медицины, образования, науки руководители имели более высокое образование: специалистов с высшим образованием здесь было — 36%, со средним — 48%[64].

Особое внимание привлекает к себе возрастной состав и уровень образования судей и прокуроров. Расширение в ту пору состава органов прокуратуры объясняется, видимо, усилением репрессий. Увеличилось и число адвокатов, поскольку в госаппарат перешел институт независимой частной защиты. Среди высшего юридического персонала было 12% женщин, из них 1 тыс. судей и столько же следователей и прокуроров.

Возрастной состав юридического персонала был еще моложе: группа 20—29 лет составляла примерно 30%, а лиц старше 40 лет было не более 20%. Все судьи и прокроры грамотны, но при этом высшее образование имели лишь 11,6%, а среднее — 47,7%. Довольно много юристов продолжали образование заочно — 16,7%, но в вузах при этом обучалось всего 1,5%. Однако при этих относительно высоких показателях образования, 22,5% судей и прокуроров не имели среднего образования и нигде не учились[65].

Удельный вес женщин, занятых во всех звеньях аппарата управления невелик: 15,5% в городах и 8,6% в селах.

Неудивительно, что — при довольно низкой профессиональной подготовке и молодом возрастном составе юристов, когда и жизненный опыт и профессиональный стаж были невелики, часто допускались нарушения процедуры суда, неграмотно велось следствие, не соблюдались права подследственных и проч. Безусловно, общая обстанока в стране накладывала отпечаток на работу юридических органов, но влияние ее было тем сильнее, чем более неграмотен в профессиональном отношении был их персонал.

Анализ данных по состоянию административно-управленческого аппарата в автономиях Российской Федерации показывает, что и в них сложился мощный и разветвленный партийный и государственный аппарат. В Дагестанской, Крымской, Удмуртской АССР административный персонал составлял почти половину численности всех работников интеллектуального труда. В таких же республиках, как Бурят-Монгольская, Калмыцкая, Карельская, Коми, Марийская, особенно Якутская этот показатель превышал 50% всех лиц этой социлаьной категории. Лишь в четырех автономиях — Башкирии, Мордовии, Татарии и Немцев Поволжья удельный вес руководящих работников среди лиц интеллигентного труда составлял менее половины и был ниже общероссийского показателя, насчитывая 42,6; 40,5; 40,9 и 42,8 против 50% в Российской Федерации[66]. В то же время другие группы интеллигенции росли более медленными темпами, в результате чего почти повсеместно в автономиях работники гос- и партаппарата являлись самой крупной группой интеллигенции.

Среди руководящего персонала высшего звена власти всех автономий были широко представлены национальные кадры. В Чувашии и Коми кадры коренной национальности составляли в аппарате от 50 до 70%. Солидно это представительство выглядело в Калмыкии — 47,1%; в Татарии — 38%; в Бурят-Монголии — 31,1%; в Якутии — 26,4%. Напротив, в Крымской, Карельской и Башкирской АССР представители коренной национальности имели сравнительно меньший удельный вес — 10—17%. Объяснялась эта разница, видимо, численностью самой коренной национальности в автономии. Так, в Карелии карелы были довольно малочисленны и по удельному весу не превосходили другие национальности, проживавшие на территории этой автономии. Кроме того, многие автономии были полиэтничными по своему составу. Так, на территории Башкирии проживало многочисленное татарское население, представленное и в высших эшелонах власти. Татар среди номенклатурных работников было 20%, а башкир — 17%[67].

Анализ данных переписи 1939 г. о составе юридического высшего персонала показал, что национальные кадры представлены здесь еще шире: в Калмыкии их доля равна была 74,4%; в Чувашии — 77,5%; в Ингушетии — 64,8%; в Кабардино-Балкарии — 70,0%; в Якутии — 56,2%; в Татарии — 52,5% и т.д.[68]

Во всех звеньях высшего эшелона власти в автономиях присутствовали женщины: в Башкирии, Карелии, Республике Немцев Поволжья, Татарии их было от 12 до 24%; Северо-Осетинской, Мордовской, Марийской, Калмыцкой, Дагестанской — 9—10%. Но были и такие республики, в которых женщины-руководители насчитывались единицами: в Бурят-Монголии — 1; Кабардино-Балкарии — 4; Чечено-Ингушетии — 5. Тем не менее, женщины были представлены даже там, где традиционно это было совершенно исключено.

Таким образом, благодаря скрупулезной росписи всех категорий гос- и партаппарата, видна сложившаяся, разветвленная номенклатурная сеть, которая охватывала все сферы хозяйственной и культурной жизни, просвещение, здравоохранение и т.д. При этом видно, что соотношение сельской и городской администрации в 1939 г. почти выравнено как 1:1,1.

В связи с коллективизацией стремительный рост номенклатуры в сельской местности особенно заметен.

Самая большая часть административно-руководящих работников составляла аппарат различных учреждений: руководители и заведующие учреждениями центрального, областного и губернского управления и их частями; учреждениями окружного и губернского управления, руководители рай- и волисполкомов и проч. Они насчитывали 198 тыс. человек и превосходили по численности всех вместе взятых руководителей других отраслей: сельского хозяйства (12 тыс.), фабрик и заводов (38 тыс.), строительства (2 тыс.) и т.д. Перепись подробно зафиксировала руководителей культурно-просветительных учреждений. Их было 19 тыс. Это были руководители научных учреждений и вузов, рабфаков, профшкол, общеобразовательных школ, школ ликбезов, дошкольных учреждений.

Во всех звеньях аппарата преобладали в целом мужчины, женщин работало в них немного: среди руководителей фабри и заводов 600 человек, аппаратчиков — 22 тыс., сельского хозяйства — 156 человек. Лишь среди руководителей культурно-просветительных учреждений их было 31% за счет детских садов, школ ликбеза, общеобразовательных школ, библиотек. Среди руководителей вузов и научных учреждений их было 91 человек.

Приведенные данные о состоянии аппарата управления позволяют сделать следующие выводы: во-первых, происходил стремительный рост этой группы, проникновение во все сферы жизни; во-вторых, ее качественное совершенствование — профессионализм, образование — сильно отставали от этого стремительного роста. Кадры аппарата постоянно обновлялись за счет молодежи, проходили годы, но их возраст не старел. Безусловно, молодежь должна пополнять административный аппарат, привнося в него острую восприимчивость нового, инициативу и энергию. Но этот приток молодых сил в данном случае не был уравновешен опытом, высоким профессионализмом старшего поколения, особенно, когда речь шла о высшем юридическом персонале, который был призван решать судьбы людей. Частая смена кадров завершала характеристику аппарата командно-администраитвной системы управления, сложившуюся в основных своих чертах в 30-е годы.

Таблица 21

Занятия лиц свободных профессий (по материалам Ленинградской, Московской, Харьковской счетных станций Всесоюзной переписи населения 1937 г.)

Занятия	Город	Село	Всего
Инженеры, архитекторы	59	2	61
Чертежники	89	2	91
Врачи	167	9	176
Зубные врачи	587	8	595
Фельдшеры, акушеры	114	43	157
Фармацевты	42	9	51
Сестры медицинские	24	5	29
Ветеринарные врачи	23	–	23
Ветфельдшеры и прочий средний ветперсонал	62	11	73
Научные работники, академики, профессора	92	4	96
Учителя	1617	22	1639
Литераторы, журналисты, редакторы	1633	99	1732
Прочий культпросвет персонал	139	9	148
Художники, скульпторы	3504	553	4057
Музыканты, певцы, хористы	1583	1035	2621
Итого:	9861	1818	11639

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 146. Л. 101–106.

В городах того времени еще сохранялись лица «свободных профессий». Эта категория присутствует в переписи 1937 г. Профессии их разнообразны: это и медицинские и ветеринарные работники, фармацевты, учителя, юристы, музыканты, художники, писатели, ученые и т.д. Много было среди лиц свободных профессий учителей и репетиторов. Большую группу составляли зубные врачи (587), фельдшеры и акушеры

(114), врачи (167). Художников и музыкантов было особенно много. К лицам свободных профессий причисляли и служителей культа, которые в основном на 92,1% были предсталены мужчинами, женщины выполняли обязанности старост при храмах и были очень малочисленны. Лица свободных профессий встречались и в деревне (см. табл. 21).

В городах было довольно много лиц, живших на доходы от продажи имущества, от сдачи домов, комнат и проч. помещний. В основном это были женщины. Среди нетрудящихся в 1937 г. больше мужчин, видимо, нищих и бродяг. В 1939 г. соотношение полов в этой группе почти не изменилось. Среди иждивенцев госучреждений пенсионеры в основном были сосредоточены в городах. На колхозников, единоличников, кустарей пенсионное обеспечение тогда не распространялось, или распространялось мало. Оговорены были права рабочих и служащих, но и здесь обеспечение по старости почти не было реализовано. В основном это были пенсии по потере кормильца и инвалидности.

3. Социально-демографический состав населения деревни

В связи с коллективизацией в 30-е годы существенно изменилась социальная структура села. Проблеме коллективизации и связанному с ней раскулачиванию посвящены специальные работы. Рассмотрим здесь изменения в соотношении различных социальных групп в сельском населении, их занятиях и демографическом составе от 1920-х к 1930-м гг.

Коллективизация прервала естественный процесс социальной дифференциации, развивавшийся в деревне на протяжении длительного времени. Особым этапом в его развитии были 1920-е годы. Без характеристики этого этапа невозможно осмысление перемен, происшедших с «самостоятельными» хозяевами в 1930-е годы.

В начале 20-х гг. российская деревня, обессиленная войнами и находившаяся в состоянии глубокого разорения, с переходом к нэпу начала постепенно, хотя и неустойчиво, возрождаться. Однако, по наблюдениям официальной комиссии, обследовавшей в то время деревню, в большом количестве крестьянских хозяйств все еще существовал недосев. Например, в 1922 г.

крестьяне в целом засевали около 60% имеющейся у них надельной земли, а в производящих губерниях, голодающих в 1921 г., — около 50%. А между тем, даже при древнем русском трехполье должно было засеваться не менее 60% пашни. В 1921—1922 гг. к тому же еще не всюду получили развитие рыночные отношения и не пробудили еще интереса к расширению посева. В некоторых волостях увеличение наделов далеко обгоняло расширение посевов[96].

Сокращение посевов объяснялось нехваткой инвентаря, катастрофическим уменьшением поголовья скота, как продуктивного, так и рабочего.

Рыночные отношения только еще начали развиваться, товарность большей части хозяйств оставалась низкой. При этом, по наблюдениям С.Г.Струмилина, свыше $^2/_3$ крестьянских хозяйств участвовало в купле-продаже хлеба[70]. Бросается в глаза большое число крестьянских хозяйств, скупавших хлеб. Судя по всему, крестьяне на собственном хлебе не дотягивали до весны. По данным обследованных комиссией губерний из каждых 100 хозяйств 75,5 покупали хлеб. Покупали хлеб, не продавая его, хозяйства всех групп, выделенных комиссией, — маломощные, средние и зажиточные. Продавали же хлеб 14,4 хозяйств из 100. Чаще всего продавали хлеб зажиточные хозяйства. Среди 22,6 из 100. Среди середняков — 14,2, а среди маломощных — 11,2 продавали хлеб. В Московской, Псковской, Смоленской, Тамбовской, Самарской губерниях соотношение продающих и покупающих хлеб было следующим: на 100 продающих приходилось 333 покупающих. Такое положение обнаруживало низкую товарность деревни и малое количество товарного хлеба. Деревня только втягивалась в рыночные отношения, и при этом было много слабых хозяйств[71].

Известный исследователь деревни 20-х гг. А.И.Хрящева, в силу этого, рекомендовала основную массу товарного хлеба заготавливать до января месяца, так как «благодаря особенностям мелкого хозяйства он (хлеб) при неблагоприятных условихя утилизируется в своем хозяйстве в порядке повышения норм потребления, норм накопления и откорма скота»[72]. Иными словами если не собрать товарный хлеб осенью, сразу после сбора урожая, то его проедят и скормят скоту, то есть продавая хлеб, крестьяне от-

рывали его от своего потребления и от откорма скота. Так что говорить о хлебных излишках можно только относительно.

Была высокой и натурализация хозяйств, даже в Центральной России. Большая часть хозяйств имела чисто земледельческий характер. Их промысловость была низкой. По 42 губерниям РСФСР на одно хозяйство приходилось 0,018 промышленников, то есть лиц, занятых в промыслах. По данным Хрящевой, в 1922 г. из всех крестьянских хозяйств было всего 14% хозяйств промысловых, 11% работников было занято в промышленности, то есть в промыслах, лишь 1% хозяйств нанимал сроковых рабочих, только 2,8% хозяйств арендовало землю. На одно арендующее хозяйство приходилось в среднем всего 1,2 дес. земли. Из этих данных видно, что крестьянское хозяйство, хотя и было втянуто в отношения аренды и найма, но еще весьма слабо. Отход рабочей силы в города был тогда еще очень мал[73]. Процесс дифференциации еще перекрывался поравнением крестьянства по уровню бедности. От 1920 к 1922 г. продолжал возрастать удельный вес мелкопосевщиков. Например, в Воронежской губернии в 1920 г. доля сеявших до 1 дес. составляла 7,7% крестьянских хозяйств, а к 1922 г. она возросла до 26,1%; сеявших от 1 до 2-х дес. изменилась соответственно: 18,8 и 26,5%. Ту же картину можно наблюдать в Никольской волости и в целом по Курской губернии, хотя и не столь яркую.

Группы с посевом от 2 до 3,1 и до 4-х дес., по существу мелкопосевные, также проявили тенденцию к увеличению удельного веса. Исключение в данном случае составляет Воронежская губерния, где их доля сократилась в связи с переходом в более бедные слои. Одновременно сократились среднепосевные и особенно многопосевные группы. Что касается беспосевщиков, то в одних случаях они сократились, а в других — увечились. Объяснялось это не только тем, что они получали землю, но и вымыванием их из деревни.

Доля крестьянских хозяйств, сеющих до 4-х дес. у А.И.Хрящевой составляла 84,2%, у Ю.А.Полякова — 86,4%. Удельный вес сеющих до 6-ти дес. соответственно: 94,1 и 95,2%. Доля хозяйств, имеющих до 2-х голов рабочего скота — соответственно: 94,0 и 86,1%; до 2-х голов коров — 90,0 и 82,8%[74].

Если рассматривать крестьянские хозяйства по обеспеченности их рабочим и прочим скотом, то приходится констатировать, что за период 1920—1922 гг. поднялся на 10—12% удельный вес хозяйств без рабочего скота. Категория хозяйств с 1-ой головой рабочего скота осталась в прежнем удельном весе; с 2-мя — сократилась на 4,1%, с 3-мя и более головами — в 2 раза[75].

Сокращались по удельному весу среди крестьянских хозяйств и многокоровные, имевшие 3-х и более коров. Эти группы хозяйств сократились по удельному весу в 2 раза. В то же время выросла доля бескоровных хозяйств на 6%. При этом однокоровные хозяйства почти не претерпели никаких изменений. Сократился и удельный вес 2-х коровных хозяйств. Как видно из приведенных данных, произошло обеднение деревни и по обеспеченности хозяйств рабочим и другим скотом. Стабильное положение было характерно лишь для однокоровных и однолошадных хозяйств. Однако эти данные вовсе не говорят в пользу осереднячивания деревни. Во-первых, наличие 1 коровы или 1 лошади не может являться признаком середняцкого хозяйства, так как однолошадники или однокоровники часто встречались и в бедняцких хозяйствах. Во-вторых, они сохраняли свой удельный вес за счет влившихся в эту группу разорившихся 2-х и 3-х коровников и лошадников (обе эти последние группы сократили свой удельный вес).

Одновременно часть хозяйств с 1 лошадью и 1 коровой потеряла скот и перешла в группу хозяйств без скота, которая увеличила свой удельный вес. Конечно, сюда влились и разорившиеся двулошадники и двукоровники, а в отдельных случаях и трехлошадники и трехкоровники. Даже если допустить, что среди однолошадников были бедняцкие хозяйства, то все равно картина предстает перед нами довольно безотрадная. Об устойчивых тенденциях подъема бедняка до положения середняка, а тем более о преобладании последнего в деревне в 1921—1922 гг. говорить, пожалуй, рано. Равно было бы неверным говорить о сколько-нибудь мощной социальной дифференциации. В противном случае рост бедноты неизбежно сопровождался бы ростом богатой части хозяйств.

Учитывая, что устойчивый середняк имел 1—2 головы рабочего скота и 2 коровы, а то и 3, а также 4—

6 дес. посева, можно сказать, что деревня продолжала оставаться фактически бедняцкой, но к середине 20-х гг. в ней уже проявился процесс социальной дифференциации.

В последующие годы противоречивость правительственной политики в деревне привела к углублению противоречий в развитии деревни. Там сталкивались тенденции фермерского развития с патриархальными устоями; тенденции к упрочению частной собственности с прочной общинной собственностью, имущественное расслоение с уравнительными принципами землепользования.

Проследим динамику групп крестьянских хозяйств, связанную с их дифференциацией. Рассмотрим сначала группы хозяйств по такому показателю, как величина посева, а затем — по обеспеченности скотом. Это два основных показателя мощности крестьянского хозяйства.

По данным обследования 25 губерний Европейской России от 1922 г. к 1925 г. видна тенденция сокращения беспосевных хозяйств по удельному весу более чем в 2 раза. Это вовсе не значит, что сократилась доля батраков, так как они имелись и в группах с посевами. Зато это свидетельствует об интенсивном вымывании из деревни обедневших хозяйств. Не случайно скачок в этом отношении происходит в период от 1924 к 1925 г., когда на основной части Европейской России успешно восстанавливалось крестьянское хозяйство.

Беднота, особенно низший ее слой, убывала по удельному весу в составе крестьянства. Это видно на группе хозяйств с посевами до 1 и от 1 до 2-х дес. За три года доля группы с посевом до 1 дес. сократилась более чем на $^1/_3$, а с посевом от 1 до 2-х дес. — на $^1/_5$. Верхняя группа беднтоы (с посевом от 2 до 4-х дес.) имела тенденцию к увеличению, судя по всему, за счет нижней группы бедняцких хозяйств. Правда, ее удельный вес рос очень медленно.

Группы, которые можно отнести к среднепосевным, устойчиво увеличивались, причем доля их повышалась быстрыми темпами. Группа с посевом от 4 до 6 дес. выросла по удельному весу в 1,5 раза, равно как и группа с посевом от 6 до 10 дес. Причем группы с посевом от 8 до 13 дес. увеличилась по этому показателю более чем в 2 раза.

Возрос и удельный вес хозяйств с крупным посевом. Судя по активному росту средне- и крупнопосевщиков, верхние слои бедноты успешно их пополняли, поэтому сами увеличивали свой удельный вес очень медленно.

Тенденция к росту нарушалась только у самых крупных хозяйств с посевом от 19 дес. и выше. Таких хозяйств было мало, они то возникали, то исчезали в связи с органическими изменениями.

Проанализируем теперь динамику крестьянских хозяйств по обеспеченности рабочим и продуктивным скотом.

Хозяйства без рабочего скота и без коров среди всех хозяйств убывали по той же причине, что и беспосевщики и малопосевщики: частично вымывались, а частично переходили в верхние группы. Удельный вес хозяйств с 1 головой рабочего скота рос очень медленно, он увеличился всего на 1%.

Удельный вес однокоровных хозяйств уменьшался, зато доля хозяйств с 2—3 головами рабочего и продуктивного скота четко увеличивалась, с 4-мя и более головами рабочего скота осталась без изменений, а с 4-мя коровами увеличилась. Однако и здесь хозяйств с 3-мя коровами и больше было менее 5% от всех хозяйств. К этому необходимо добавить, что от 30 до 50% крестьянских хозяйств не имели инвентаря[76].

Специфика процессов расслоения в советской деревне той поры нашла выражение в аренде земли экономически сильными хозяйствами у экономически более слабых, скота и инвентаря экономически слабыми у экономически более сильных. Этот вопрос довольно подробно освещен в исторической литературе, равно как и обеспеченность инвентарем крестьянских хозяйств в этот период. Однако хотелось бы подчеркнуть, хотя и известный, но немаловажный факт, что аренда земли в условиях запрета купли-продажи была важным фактором расслоения наряду с инвентарем и рабочим скотом. Посредством аренды осуществлялось перераспределение земли между хозяйствами уже в зависимости от того, насколько хозяйство было в состоянии ее обработать, то есть в соответствии с количеством работников, инвентаря и капитала. Тем самым частично уничтожались последствия поравнения земли и результаты внутриселенных переделов. В принципе аренда встречается во всех посевных группах, но арендующие хозяйства лучше обеспечены скотом, чем неарендующие хозяйства той же посевной группы. Если сравнить данные обследований хозяйств по показателю обеспеченности скотом на одно хозяйство, то у арендующих хозяйств этот показатель на порядок выше, чем средний по всем хозяйствам. Например, в среднем базлошадники исчезают лишь в группе с посевом 6 дес. и выше, а у арендующих встречаются хозяйства и с посевом 4 дес. Среди арендующих были хозяйства с 5 и более головами рабочего скота.

По нашим подсчетам, арендованная земля составляла $^1/_3$ всей используемой хозяйством земли. Во всяком случае хозяйства путем аренды при условии, что они обеспечены скотом и инвентарем, переходили в более высокие по зажиточности группы и тем самым нарушали установление уравнительным распределением земли лимиты. Можно наглядно продемонстрировать изменение положения хозяйства после того, как оно прибегло к аренде пашни[77]:

Группа с посевом 1—3 дес. благодаря аренде перешла в гр. 2—4 дес.

Группа с посевом 2,5—4,5 дес. благодаря аренде перешла в гр. 4—6 дес.

Группа с посевом 4—8 дес. благодяра аренде перешла в гр. 6—10 дес.

Группа с посевом 6,5—12,5 дес. благодаря аренде перешла в гр. 10—16 дес.

Группа с посевом 10—19 дес. благодаря аренде перешла в гр. 16—26 дес.

Хозяйства, которые сдавали землю в аренду, также принадлежали практически ко всем группам. Процент их был обратно пропорционален размеру посева. Если малопосевные группы сдавали в среднем от половины до $^1/_3$, а некоторые хозяйства — всю землю, то крупнопосевные — от $^1/_5$ до $^1/_8$ земли[78].

Социальное расслоение крестьянства прорывалось через влияние общины, которая удерживала прочные позиции в деревне. Так, в этот период в Центральной России свыше 90% удобной земли находилось в пользовании общины. В Московско-Промышленном районе в 1922 г. сельские общины располагали 90,7% удобной земли, а в 1927 г. — 94,7%; в ЦЧР соответственно: 90,5 и 98,7%[79]. Хотя эти данные лишь при-

близительны, они все же характеризуют положение общины в деревне.

Община препятствовала расслоению не только потому, что имела склонность к уравнительному распределению земли, но и в силу исторически сложившихся, присущих ей черт землепользования: чересполосицы, мелкоземелья и т.д. Подробно этот вопрос изучен В.П.Даниловым. Стремясь выровнять положение своих членов, среднерусская община предпочитала дать каждому хозяйству по клочку земли на разных общинных полях, чтобы в одних руках были и удобные и неудобные участки. В Иваново-Вознесенской губернии в 1926 г. более чем в половине селений приходилось от 8 до 30 полос земли на двор, разбросанных в разных местах. В Курской губернии число таких полос доходило порой до 40[80].

Общине был свойственен принудительный севооборот. Рассматривая общину как низкий рутинный организм, Данилов вместе с тем показывает, что крестьяне стремились к ней, идеализировали ее, были привержены ей[81].

Более производительный формой землепользования были отруба и хутора. Там были выше урожаи, а себестоимость продукции — ниже, технически они были лучше оснащены.

Часть крестьян стремилась выйти на хутора и отруба. Землеустроительная политика шла им навстречу. В некоторых районах количество земли, находившейся в пользовании хуторов и отрубов несколько увеличилось. В основном это коснулось Западного и Северо-Западного районов, Северного Кавказа. Что касается Центра, то в ЦПР процент земель вырос от 1922 к 1927 г. с 4,2 до 5. В ЦЧР таких земель почти не было. В 1922 г. их доля равнялась 0,1%, а в январе 1927 г. — 0,5%. Исторически сложилось так, что община здесь была широко распространена, и ее власть было трудно ограничить. Ясно одно, что если учесть, что не все хутора являлись по своей сути кулацкими хозяйствами, то облик многочисленного окопавшегося на хуторах мироеда, сложившийся в пропагандистской литературе, плохо сочетался с действительностью.

В деревне 1920-х гг. переплетались два типа расслоения: демографическое и социально-имущественное. Демографическая дифференциация, иными словами процесс соединения, дробления и возникновения хозяйств, связанный в первую очередь с изменением структуры крестьянской семьи, изучалась в 20-е годы А.В.Чаяновым, А.И.Хрящевой, Н.В.Кондратьевым[82]. Означенный процесс с большой интенсивностью развивался в Центральной России на протяжении всего рассматриваемого периода, причем разделы преобладали над соединениями, кроме беспосевных хозяйств, которые в массе своей ликвидировались. Например, от 1920 к 1923 г. в губерниях производящего района разделилось 7% крестьянских хозяйств, в то время как соединилось 3,2%; в губерниях потребляющего района соотвественно: 7,1 и 1,7%.

В этот период в производящем районе было много выселившихся хозяйств — 9,4%, что было связано с последствиями голода, тогда как в потребляющей полосе их было значительно меньше — 6,2%. В последнем случае преобладающей формой были разделы хозяйств. Преобладание разделов хозяйств над их соединениями продолжалось и в 1924—1925 гг. По данным статистического справочника за 1927 г. в потребляющем районе разделилось 2,5% хозяйств, ликвидировалось и выселилось 2,6% хозяйств, а соединилось всего 0,5%. В производящем районе органические изменения выглядели идентично с приведенными данными: 2,9; 2,9; 0,8%[83].

Какова природа этих разделов? Окончательного ответа на этот вопрос в литературе до сих пор не дано, хотя предположений было высказано немало. Одно из них — стремление к освобождению младших членов семьи из-под власти патриархальной семьи. Обычно разделы происходили тогда, когда отделялись женившиеся сыновья. Из большой семьи выделялись новообразовавшиеся семьи. Другое мнение — связь разделов с быстрыми темпами роста населения в 1924 и 1925 гг. и высокой послевоенной компенсаторной рождаемостью. Оба эти объяснения, безусловно, имеют свои основания. Однако в первом случае период интенсивных разделов хозяйств должен был быть коротким по времени, когда в связи с расширением юридических и экономических возможностей для выхода малых семей из патриархальных в первые годы после Октября активно реализовывалось это право. Затем процент разделов в 20-е гг. должен был резко уменьшиться, но этого не произошло. Разделы

продолжали оставаться интенсивными и спустя 10 лет. Второе объяснение подразумевает, что интенсивность разделов должна была нарастать от начала 20-х гг. к их середине в связи с увеличением численности населения. Это также не подтверждается фактическим материалом. Например, в 1925 г. процесс дробления хозяйств, хотя и очень интенсивный, был несколько ниже, чем в 1923 г. Безусловно одно: идет процесс нуклеаризации семьи, причем процесс динамичный.

Некоторые исследователи связывают этот процесс с демографическим переходом к современному типу воспроизводства населения и спадом в связи с этим рождаемости. Однако фактически это не подтверждается. Другие предполагают, что нуклеарная семья преобладала всегда, но это, на наш взгляд, также небесспорное утверждение. А.И.Хрящева полагала, что к росту разделов приводило увеличение земледельческого населения. В семьях концентрировалось слишком много едоков и работников. Их скопление на определенном объеме средств производства становилось нерациональным. Это был рост аграрного перенаселения, чему способствовало отсутствие должного оттока рабочей силы в города из-за неразвитой промышленности.

Все высказанные предположения слишком различны и не всегда сочетаются друг с другом. Например, идея роста населения мало что объясняет, так как в самом начале 20-х гг. рождаемость падала, а детская смертность и смертность вообще были очень высокими. Значительно интереснее мысль о том, что не было оттока избыточной рабочей силы в города, в промышленность. Все силы были сосредоточены в полеводческом хозяйстве, работники не были отвлечены в другие отрасли сельского хозяйства. Это обстоятельство усиливало стремление к разделу хозяйств, но не являлось основной его причиной.

Интенсивный процесс нуклеаризации семьи на определенной стадии развития общества закономерен. Это не значит, что до этой определенной стадии малых, нуклеарных семей не было вообще. Они существовали, но их число в переломный период быстро возросло. Как правило, это кризис патриархальной семьи, он обусловлен экономически и связан с ломкой патриархально-общинных отношений и интенсификацией хозяйства. Но демографические процессы, обладая относительной самостоятельностью, могут об-

гонять соответствующие им экономические процессы. Разделы существовали в России и до 1917 г., уже тогда начали колебаться устои патриархальных отношений. После революции, хотя экономически хозяйства были сильно ослаблены, зато юридические, политические отношения для разделов были очень благоприятны. Отсюда и усиление дроблений хозяйств в форме разделов. Возможно продолжала сохраняться какая-то доля фиктивных разделов, которые существовали в 1917—1920 гг. в связи с продразверсткой (об этом пишет В.В.Кабанов)[84]. Однако в период, когда исчезла продразверстка, и развивались рыночные отношения, такого рода разделы существенной роли играть не могли, дробление же интенсивно продолжалось.

Из каких же хозяйств выделялись малые семьи? Делились хозяйства, принадлежавшие ко всем посевным группам. В литературе нередко принято считать, что беспосевные и крупнопосевные хозяйства делились редко. По данным, приведенным в таблице, из 9 губерний лишь в трех: Рязанской, Саратовской и Тульской, группа беспосевных осталась без разделов, зато в других губерниях она подверглась разделам. В Пензенской и Тамбовской губерниях беспосевные хозяйства делились более интенсивно, чем некоторые мелкопосевные группы. Группы хозяйств делились прямопропорционально величине посева: чем больше посев, тем выше процент разделившихся хозяйств. Хотя и здесь не обошлось без исключений, особенно в губерниях потребляющей полосы: Владимирской и Нижегородской. Что касается крупнопосевных хозяйств, то они делились довольно интенсивно, почти по всем губерниям дав самый большой процент разделившихся хозяйств. Процент разделившихся по крупнопосевщикам и в потребляющей, и в производящей полосе колеблется от 3 до 100% от всех хозяйств губернии. Только в Московской губернии дело обстояло иначе. Там крупные хозяйства вообще не делились. Правда, по-настоящему крупных хозяйств даже по нормам потребляющей полосы в этой губернии не было. Обследование не зафиксировало там посевов свыше 10 дес.

Что же происходило с отделившимися семьями? Беспосевные и посевные до 2-х дес., безусловно, выигрывали от разделов: они либо оставались в прежней

категории, либо поднимались в верхние группы, причем последнее происходило со значительным числом разделившихся хозяйств. Удельный вес понизивших посев невелик (если речь идет о малопосевщиках). Чем крупнее посевная группа, тем больше в ней удельный вес опустившихся в более низкие группы хозяйств и тем меньше этот показатель для хозяйств, поднявшихся в верхние группы. Однако довольно значительна часть (от $^1/_4$ до $^1/_2$) оставшихся в прежней посевной группе. Безусловно понижают посевы только самые крупные посевные группы.

Каким образом хозяйство, разделившись, может удержаться в прежней группе хозяйств? После раздела сохраниться в прежней группе трудно, а еще труднее повыситься. В разделившихся семьях едоков и работников остается меньше, чем в прежних семьях. Значит и наделы должны быть меньше. Однако не только величина посева сохраняется, но в большинстве случаев она растет. Это значит, что под посев полнее используется земля, а, возможно, арендуется дополнительно. Исследователи 20-х гг. отмечали, что в выделившихся семьях хозяйство ведется с большей энергией, такие хозяйства мобильнее, восприимчее к новому. Но это происходило не всегда, часть семей вынуждена была понизить посев, порой временно. Интересно, что от разделов выигрывали хозяйства не крупные, а мелкие. Видимо, с одной стороны, у них была выше промысловость, что помогало им быстрее стать на ноги, а с другой, — родительское хозяйство у мелкопосевных групп часто было хуже налажено, чем у крупнопосевных групп. Поэтому крупнопосевные несколько больше страдали при разделе. Они полнее, чем мелкопосевные обрабатывали землю, и у них не было таких ресурсов необработанной земли, как в мелкопосевных группах. В среднепосевных хозяйствах, по сравнению с крупными, таких ресурсов было больше. Кроме того, даже у крупнопосевщиков, видимо, не было достаточных накоплений крупного капитала, которые позволили бы им не заметить раздела, арендовав дополнительно крупный участок земли или расширив посев за счет машинной обработки полей. Конечно, в динамике хозяйств при разделах много загадочного, но ясно, что разделившиеся семьи не всегда проигрывали.

Выше уже говорилось о том, что политические и юридические отношения могут стимулировать процесс дробления сложной семьи. Он особенно сильно развивался в первые годы после революции, когда дробление хозяйств и измельчение вследствие этого посевов буквально пугали статистиков. Кроме того, высвободившиеся из патриархальной семьи малые семьи в условиях «социализации» земли и действия административных рычагов «военного коммунизма», которые лишали крестьянина чувства хозяина, не могли реализовать свой хозяйственный потенциал. К этому надо добавить еще и уход на фронт рабочей силы, чаще всего из молодых семей. Однако в условиях оживления рыночных отношений в 20-е гг. положение изменилось. Укрепление чувства хозяина земли стимулировало заинтересованность работника в улучшении рентабельности своего хозяйства, в увеличении посева, в реализации экономического потенциала хозяйства. Разрыв между демографическими процессами и их экономическим основанием начал сокращаться. Шла экономическая нормализация нуклеаризации семьи. Отсюда и значительный выигрыш молодой семьи при разделе хозяйств в отличие от первых лет советской власти. Поэтому и сохранилась на протяжении всех 20-х гг. интенсивность дроблений крестьянских хозяйств.

Выделившиеся семьи подрывали общину, хотя сказывалась эта их роль не сразу. Община была очень сильна, государство не мешало усиливать ее власть и во многом общину даже поддерживало. Но разделившиеся семьи в целях наращивания экономической мощи своих хозяйств и своей мобильности начали тяготиться принудительным севооборотом, мелкоземельем и ущемлением прав молодых хозяев на мирских сходах, хотя они и несколько демократизировались, допустив к участию молодежь и даже женщин. Однако этот момент был пока еще формален, и фактически в решении многих вопросов последнее слово оставалось за старшим поколением. Власть общины практически еще не была уничтожена разными подспудными процессами, для этого требовалось гораздо больше времени.

Таким образом, демократическая дифференциация тесно переплеталась с социально-имущественной, и было бы неверным рассматривать эти процессы изолированно друг от друга.

Рассмотрим более подробно социальную структуру деревни. Крайние ее группы в 20-е гг. составляли батраки и сельские предприниматели. Сельские батраки были часто связаны с землей, имели наделы, обрабатывали их, иногда владели, хотя и небольшим количеством рабочего скота, то есть имели свое хозяйство. Некотрые хозяйства отпускали в батраки лишних работников, хотя и были крепкими. Так, в той же Воронежской губернии 18,9 батраков было из таких именно хозяйств. В основном батраки были подросткового возраста. Это было особенно характерно для губерний Центральной России. По найму они работали недолго, чаще всего до полугода[85].

О предпринимателях, которых было принято называть «кулачеством» или сельской буржуазией написано немало. Интерес представляет, в частности мысль о том, что «кулака» следует искать в русской деревне не в производственной сфере, а в промысловой и торгово-ростовщической. Конечно, нельзя полностью исключать наличие в 20-х гг. предпринимательских, фермерского типа земледельческих хозяйств, но таких тогда было единицы. В такого рода хозяйстве найм рабочей силы в получении прибыли должен играть если не главную, то существенную роль. Но по материалам архива А.И.Хрящевой и переписи 1926 г. на хозяйство в среднем приходилось 1, редко 2 наемных рабочих. В группе с посевом 16—25 дес. нанимали работников для земледелия 1% хозяйств. Из 293 хозяйств этой группы на одно хозяйство приходилось 1,3 работника. Наконец, в группе с посевом свыше 25 дес. из 28 обследованных хозяйств нанимало рабочих всего 4 (14,3%), а в среднем на одно хозяйство приходилось 1,5 рабочих. Всего же многопосевных хозяйств свыше 13 дес., нанимавших рабочих было 0,002% от всех хозяйств. В производящих и в части потребляющих губерний, удаленных от крупных центров, найм был невелик, и сроковых рабочих по главному занятию было мало. В основном у хозяйств, нанимавших рабочих, подрабатывали малопосевщики, имевшие свое хозяйство. Близость крупных городов несколько увеличивало найм, но он оставался мелким.

Следует учесть, что нанимали батраков не только крупные предпринимательские хозяйства, но и многие мелкие и средние. Этот найм имел разные причины: нехватка рабочего скота, инвентаря, рабочей силы. В

этих случаях работника нанимали вместе с инвентарем и рабочим скотом. Нанимали тогда, когда не хватало рабочих рук. Среди батраков было много женщин, они составляли почти половину всех батраков.

Среди нанимавших 43,7% были хозяйства, во главе которых стояли женщины, так как в подавляющем большинстве там не было своего работника. Кроме того в 760 нанимавших хозяйствах хозяева-мужчины имели возраст менее 18 лет. Это были хозяйства, потерявшие основного кормильца. В таких хозяйствах найм рабочей силы также был вынужденным. Недостаточная развитость товарных отношений привела к тому, что в одной и той же группе хозяйств по посеву значительное количество было и нанимавших рабочую силу и отпускавших ее. Причина найма и отпуска различна. Но во многом все это свидетельствует о неопределившихся еще социально-экномических отношениях в деревне.

Строго говоря, слои предпринимателей и сельхозрабочих в деревне того времени еще только формировались.

В земледелии мало было по-настоящему предпринимательских хозяйств с систематическим применением наемного труда. То же надо сказать и о промысловых хозяйствах. При этом, если хозяйство стабильно применяло наемный труд, то оно совмещало в себе и земледелие, и ростовщичество, и промыслы. Хозяйства, которые можно было назвать предпринимательскими, или приближавшимися к ним, были, как правило, торгово-ростовщическими. Торговцы и ростовщики в деревне обладали большой экономической силой, и ограничить их накопления было очень трудно. Производственная сфера при всех сложностях лучше поддавалась контролю. Даже тогда, когда рыночные отношения с достаточной уверенностью начали пробивать себе дорогу, все еще собственно предпринимателей-хозяев в сельскохозяйственном производстве было еще очень мало. В этом смысле много общего наблюдается с развитием предпринимательства в городах. Хотя до зарождения хозяйств феремерского типа в деревне было еще очень далеко, но дифференциация делала свое дело, наращивая капитал в этих хозяйствах. В будущем они могли развиваться в крупные фермерские хозяйства. Кроме того дифференциация помогала переходу части зажиточных хозяйств в положение капитализирующихся хозяйств.

Многие еще группы хозяйств в деревне в середине 20-х гг. не были втянуты в отношения предпринимательской зависимости, находились в стадии расслоения. Поляризация их еще не коснулась. Их полупартриархальное состояние еще не было разрушено. Сюда относилось большое число бедняцких хозяйств и значительный круг середняцко-бедняцких хозяйств. Доход их был крайне низок. Посев бедняцкого хозяйства составлял менее 4—6 дес., в семье было от 1—2 до 5—6 душ, обеспеченность скотом слабая. Так, в группе с посевом до 2-х дес. большая часть хозяйств не имела рабочего скота, а хозяйства с 2-мя головами рабочего скота были исключением. Многие хозяйства этой группы не имели коров. Половина хозяйств не имела пахотных орудий. В хозяйствах с посевом от 2 до 4-х дес. от четверти до половины хозяйств не имели рабочего скота. Одна четверть хозяйств не имела пахотных орудий. На одно хозяйство здесь в среднем приходилось полплуга, 0,8 лошади и 0,77 уборочной машины. Хозяйства с посевом от 4 до 6 дес. включали в себя в малоземельных районах, в основном, средние хозяйства.

Середняцкие хозяйства, если иметь в виду устойчивое хозяйство, обычно располагало 6 и более, а в малоземельных районах, 4 и более десятинами посева, владело 1, а то и 2-мя головами рабочего скота и было более или менее обеспеченно инвентерем. В среднем на 1 хозяйство приходилось 1,2 голов рабочего скота и 0,7 плуга. Обеспеченность инвентарем отставала об обеспеченности скотом, но отчасти уже это компенсировалось применением машин: на 1 хозяйство приходилось 0,4 машины. В семье с таким посевом было обычно 7—8, иногда 8 душ. В хозяйстве, как правило, имелось 2 коровы.

Середняцко-зажиточные хозяйства с посевом от 10 до 16 дес., как правило, являлись трудовыми по своему характеру. В этих хозяйствах встречаются промыслы. Ими занято 22% хозяйств. Бесскотных здесь очень мало. Зато свыше 10—15% хозяйств этой группы имели 3 и более голов скота. В тоже время почти 40% хозяйств были однолошадными. В целом на хозяйство приходилось 1,6 голов лошадей, 1 плуг, 0,9 машины.

Зажиточные хозяйства (от 16 до 25 дес. и свыше, а в малоземельных районах — свыше 19 дес.) все

имели скот, в большинстве их имелось 3—4 головы рабочего скота. Но было и значительное число хозяйств с 2-мя лошадьми. Отсюда на 1 хозяйство приходилось уже 2,0—2,7 голов рабочего скота. Коров также насчитывалось в этих хозяйствах 3—4 головы. По данным на 1925 г. на 1 хозяйство, сеющее от 16 до 25 дес., приходилось $^1/_4$ плуга и 1,6 машины. Начиная с этой посевной группы, обеспеченность машинами превышала обеспеченность хозяйств простым инвентарем.

К ним же принадлежали группы с посевом 25 дес., на 1 хозяйство имелось 1,9 плуга и 1,4 машины. Посев таких крупных хозяйств составлял в среднем в 1924 г. 22,2 дес., в 1925 г. — 26,0 дес., то есть посев их продолжал увеличиваться, в основном за счет аренды. По стоимости скота крупнопосевные хозяйства превосходили мелкопосевные в 19 раз, а среднепосевные — в 4 раза. Средняя стоимость скота крупного хозяйства составляла в среднем 961,2 довоенных золотых руб., а у мелких — 50,5 золотых руб. Стоимость инвентаря в крупных хозяйствах в 10—11 раз превышала этот показатель у среднепосевных и малопосевных хозяйств. Условно чистый доход превосходил малопосевные в 12 раз.

Таким образом, картина имущественного расслоения довольно яркая. Группа крупнопосевщиков включала в себя зажиточные хозяйства, по этой причине их часто причисляли к эксплуататорским, что, как правило, не соответствовало действительному положению вещей. Хотя зажиточные хозяйства увеличились по удельному весу, но он не превысил 1—2%, а действительно богатые хозяйства составили доли процента. Удельный вес бедняцких хозяйств равнялся около 70%, а середняцких — немногим более 20%.

Как видно из этих цифр, деревня продолжала оставаться небогатой и слабо дифференцированной. Поравнение по уровню бедности еще не было преодолено, поскольку требовало длительного времени.

Но доколхозная деревня своим общим хозяйственным потенциалом и подъемом накапливала силы для расслоения крестьянства на полярные группы. Тенденция к расслоению была сильной и устойчивой. Имещуственная дифференциация переплеталась с демографической. Чем выше становился хозяйственный потенциал деревни, чем интенсивнее крепла она

экономически, чем больше втягивалась в товарные отношения внутри нее, тем глубже и сильнее развивалась социальная дифференциация, уничтожая натурально-патриархальный тип хозяйства. Дифференциация такого рода была естественным и необходимым явлением доколхозной деревни. Осереднячивание при этом было определенной стадией, кратковременной стадией расслоения, и означало накопление потенциала для его дальнейшего развития.

Итак, насильственная коллективизация и раскулачивание привели к концу 30-х гг. к свертыванию естественных процессов социального развития деревни, прослеживавшихся в 20-е гг. Запрещен был найм рабочей силы, усилилось давление, переросшее в репрессивную политику против зажиточных и частично средних слоев крестьянства.

По наблюдениям историков коллективизация происходила отнюдь негладко. В 1932 г., несмотря на лозунги о сплошной коллективизации, почти 40% крестьянских хозяйств, главным образом в потребляющей полосе и национальных районах, было вне колхозов. Кроме того, с конца 1931 г. отмечались повсеместные выходы из колхозов, отлив из них продолжался на протяжении всего 1932 г. С 1 января по 1 июля 1932 г. число коллективных хозяйств в РСФСР сократилось на 1370,8 тыс.[86] По данным, приведенным И.Е.Зелениным, 9 млн крестьянских дворов в СССР не хотели вступать в колхозы до второй половины 1934 — начала 1935 г. Снижались и темпы коллективизации: в 1933 г. общий уровень ее возрос на 7%, а во второй половине 1934 г. — на 2,6%[87]. Государство вынуждено было пойти на уступки, предоставивть колхозникм льготы, в связи с чем они смогли приобрести скот. К концу 1934 г. в РСФСР на 100 колхозных дворов приходилось 65 коров и 85 голов другого скота. Только с разрешением иметь приусадебные участки и принятием в 1935 г. Устава сельхозартели в ходе коллективизации произошел перелом. Уже к лету 1935 г. в колхозах состояло 83,2% крестьянских дворов. Число единоличных дворов сократилось с 8911,5 тыс. до 4099,5 тыс. Из них в колхозы вступило лишь 2 млн, а остальные перешли в другие социальные группы в основном городского населения. К концу второй пятилетки 93% крестьянских дворов состояло в колхозах[88]. К концу 30-х гг. переписью зафиксировано в сельском населении 63,2% колхозников.

Таким образом, до середины 30-х гг. наряду с колхозной продолжала существовать и «старая», некооперированная деревня. Долгое время принято было с самого начала 30-х гг. исследовать лишь колхозное крестьянство, самостоятельные хозяева назывались «единоличниками» и как слой «неперспективный» специально не изучались. Между тем самостоятельные хозяева в некооперированной части деревни оставались довольно продолжительное время многочисленными со своими специфическими занятиями и заслуживают внимания со стороны исследователей.

Рассмотрим здесь демографический состав и занятия и кооперированных, и некооперированных социальных слоев деревни, а также служащих и интеллигенции.

В основной своей массе колхозники были связаны с земледелием. Появились и новые профессии. Довольно большую группу среди этих новых профессий составляли профессии, связанные с организацией труда в колхозах. Это звеньевые, бригадиры полеводческих, животноводческих и тракторных бригад. Появились профессии, связанные с сельскохозяйственной техникой: трактористы, комбайнеры, машинисты, а также работники на прицепном инвентаре при сельскохозяйственных машинах. Эта группа профессий не стала еще массовой. Обозначены и работники скотных дворов, молочных ферм, конюшен (доярки, конюхи и др.).

В составе сельского населения РСФСР было, как видно из таблицы 19, почти 22% рабочих. Рабочие совхозов по характеру и видам своего труда и занятий мало чем отличались от колхозников: существовали и рыболовецкие колхозы и совхозы, и охотничьи, и лесоводческие, и земледельческие совхозные и колхозные хозяйства. При высокой степени зависимости от государства, которая тогда уже сложилась в значительной мере, эти две социальные категории — колхозники и работники совхозов — и по своему социальному статусу были очень близки друг к другу. Колхозники были связаны одновременно с личным и общественным хозяйством, работники совхозов преимущественно с общественным, но и они порой имели личные хозяйства. Следовательно, их профессионально-демографические характеристики могут быть рассмотрены вместе.

Интерес представляет демографический состав лиц, овладевших новыми для того времени специальностями. Это прежде всего трактористы и комбайнеры. В основном эти профессии были мужскими, женщины составляли среди них немногим больше 5%. Для женщин, связанных в деревне, как правило с домашним хозяйством и неквалифицированными видами сельхозработ, эти профессии были нетрадиционными, требовали технических знаний, образования, а потому овладеть ими могли лишь молодые, еще не обремененные семьей женщины. Но и мужчины-трактористы и комбайнеры были представлены в основном (на 60%) молодежью в возрасте 20—29 лет. Лица 30—39 лет овладевали этими профессиями реже, их среди трактористов примерно $^1/_5$ часть, а среди комбайнеров — несколько больше. Старше 40 лет практически таких специалистов уже не встречается[89]. На подсобной, видимо, работе при тракторах и комбайнах трудилось соотвествтенно — 15 и 8,5% молодых людей от 15 до 19 лет.

Уровень грамотности у представителей этих профессий высокий — примерно 99,7%. Среди комбайнеров довольно много лиц со средним образованием — 35 человек на 1000, среди трактористов — заметно меньше (19 чел.). Но и среди тех и среди других много учащихся — соответственно: 35 и 60 на 1000 человек[90].

Работающие на других сельхозмашинах, как правило очень молоды. Примерно одну четверть составляет молодежь от 15 до 19 лет, еще одну треть — лица 20-29 лет. Но здесь встречаются и люди более старшего возраста — после 40 лет. Особенностью является большое количество женщин, которых среди занятых здесь одна треть. Видимо, за счет пожилых возрастов и женщин уровень грамотности составляет 85%. Зато среди подростков много учащихся, поэтому на каждую 1000 человек приходится 52 обучающихся в школах разных ступеней. Имеются среди лиц этой группы профессий работники со средним образованием. Таких 18 на каждую 1000 человек[91].

Традиционные профессии для села — скотники, конюхи, доярки примечательны тем, что к ним привлекалось большое количество женщин. Их здесь 45%, причем представлены все возрастные группы — от 19 до 50 и старше. Есть и подростки. Такой возрастной

состав характерен и для мужчин, занятых этими профессиями. Одна четверть всех работников этой группы неграмотна. За счет подростков и молодежи учащихся на каждую 1000 человек — 22. Как видно из этих данных, уровень грамотности и образования среди представителей традиционных профессий заметно ниже, чем у представителей новых специальностей[92].

К этой группе профессий примыкают пастухи и гуртоправы горных районов страны. Единоличников среди них практически нет. Женщин всего 11%. Любопытно, что здесь представлены почти равномерно все возрастные группы, начиная с 10 лет. Довольно много пожилых, но, видимо, опытных пастухов и гуртоправов (в возрасте 60 лет и старше). Уровень грамотности невысок: неграмотных было 37%, лиц со средним образованием — единицы. Зато учащихся в школах 62 человека на 1000, поскольку подростки и молодые люди от 10 до 19 лет составляли здесь 26%[93].

Традиционными профессиями являлись и садовники, и огородники. Отличительной особенностью было то, что среди них 10—12% лиц составляли единоличники. Состав садовников и огородников довольно пожилой: лиц старше 50 лет — одна пятая часть, старше 60 лет — 16%. Молодежи 20—29 лет немного. В основном — это работники в возрасте после 40 лет. Женщины среди этих профессий составляли большинство. Что касается образования, то его уровень говорит о большой разнородности этой социальной группы. Наряду со значительным числом неграмотных — одна треть, 24 человека на 1000 имели среднее образование[94]. Представлены здесь и лица с высшим образованием, хотя их немного, и учащиеся техникумов. Такой разнородный состав не может не наводить на некоторые размышления. Возможно, в этот состав попали садовники из бывших помещичьих усадеб, а также некоторые лица из интеллигенции, которые по тем или иным причинам, в том числе и политического характера, предпочитали переживать это трудное время в деревне. Частично могли здесь находиться и члены семей репрессированных городских жителей, проживавших у своих родственников временно. А главное — в состав огородников попали и лица, находившиеся в спецпоселениях, где огородничеством (например, на бахчах и проч.) вынужены были заниматься заключенные с разным, порой очень высоким

уровнем образования, в прошлом представители интеллигентных профессий.

Демографический состав колхозников и работников совхозов без специальности очень показателен. Они составляли 75% жителей села от занятых в сельском хозяйстве. Примечательно, что женщин среди них — 65,5% вследствие индустриализации и урбанизации, вызвавших усиленный отток мужчин из деревни. Этому способствовала и насильственная коллективизация. Состояние с уровнем грамотности такое же, как у огородников и скотоводов — более 30% неграмотных вовсе. Однако это лица старшего возраста. Поскольку здесь много подростков, то много и учащихся (76 человек на 1000). Присутствуют в этой группе и лица без специальности, но имеющие среднее образование — 13 человек на 1000. Видимо, это мигранты из городов — с образованием, но без сельскохозяйственной специализации. Кроме того влияет и статистика спецпоселений на средние цифры, о чем уже шла речь выше.

В связи с индустриализацией и другими факторами, о которых уже говорилось выше, происходил отлив молодой рабочей силы из колхозов. Было положено начало феминизации деревни и ее постарению. Все еще в 30-е годы преобладали молодые возраста в деревне, но это происходило за счет несамодеятельного населения, в том числе и прежде всего за счет более высокой, чем в городах рождаемости.

Если взять всех занятых в деревне земледелием, то приходится констатировать тревожный симптом: мужчин среди них было чуть больше $^1/_3$. А ведь земледелие тогда все еще слабо было технически оснащено и в основном базировалось на тяжелом ручном труде. В 1926 г., когда кооперированных земледельцев было очень мало, среди самостоятельных хозяев были одни мужчины, за редким исключением. В 1930-е гг. юноши предпочитали уходить из сел на стройки, заводы и фабрики в города и, как правило, в деревню уже не возвращались.

Служащие в деревне были представлены счетоводами, бухгалтерами, учетчиками. Но их было не столь много. Явно не хватало агрономов и агротехников, зоотехников. Обозначился и начал разрастаться административный персонал. По переписи туда же включались председатели колхозов и заведующие

фермами. Преобладали среди служащих села мужчины, в частности женщин-председателей колхозов было всего 2,7%, женщин-агротехников — 11% и т.д.[95]

Интеллигенция в деревне была представлена такими специальностями как учителя, работники культуры (заведующие клубами, избами-читальнями, библиотекари), заведующие детсадами, яслями, воспитатели в детских учреждениях, врачи, фельдшера и акушерки, фармацевты и др.

Учителей в селах было около полумиллиона, состав их не был еще феминизирован так сильно, как это было в последующие годы. Почти половина учителей была представлена мужчинами. Возраст учителей, как правило, составлял 20—39 лет. Мало было среди них лиц до 20-ти лет и после 60-ти. Связано это было с проходившей в эти годы школьной реформой, в ходе которой пожилые учителя подверглись сокращению. Были повышены требования к уровню образования учителей, требовались дипломированные специалисты, даже в начальных классах. Учителя, как правило, имели среднее образование — 770 человек на 1000. С высшим их было 135 на 1000. Обращает внимание на себя тот факт, что среди учителей мало продолжающих образование[96].

Новыми для деревни специалистами являлись работники ясель и детсадов. Их было около 100 тыс. Как правило, это женщины, а в яслях они составляли 100%. Возраст от 16 до 20 лет, есть и 30—49-летние, но лица старше 50 лет практически уже не работают в этих учреждениях. Чаще всего у этих специалистов среднее образование, особенно в детсадах. Встречаются и лица с высшим образованием. Здесь много продолжающих образование. Однако есть и 2% неграмотных воспитателей[97].

Библиотекари насчитывали 20 тыс. В основном это женщины. Возраст их от 20 до 40 лет, но много среди них и 15—19-летних. Высшее образование в их среде распространено мало. Среднее имели 688 на 1000 чел. Число учащихся незначительно.

Заведующие клубами на $^3/_4$ мужчины. Имели среднее образование, но реже, чем другие категории сельской интеллигенции: 300 на 1000 чел. С высшим образованием работников этого профиля почти нет. Возраст их очень молодой — от 15 до 30 лет[98].

К сельской интеллигенции можно отнести киномехаников. Это в основном мужчины, среди них немало было лиц со средним образованием: 350 чел. на 1000. Возраст от 15 до 30 лет[99].

Небольшую группу составляли врачи, фельдшеры, фармацевты и медсестры. Врачи наполовину представлены мужчинами в среднем или пожилом возрасте. Молодежи среди врачей мало. Как правило, они имели высшее образование: 900 на 1000 чел. Зубные врачи — в основном женщины. Возраст у них либо очень молодой, либо пожилой. Лиц среднего возраста практически среди них нет. С высшим образованием лиц здесь меньше, чем у врачей других специальностей. Фельдшера, акушерки и фармацевты в основном женщины. Фельдшера и акушерки молоды: 20—29 лет — основной возраст. Фармацевты старше по возрасту, много 30 и 40-летних, даже 60-ти летних. Образование у всех, как правило, среднее. Медсестрами работали женщины разного возраста[100]. Среди них многие имели среднее образование, немало было и продолжающих образование.

Демографическая характеристика административной части служащих в сельской местности имела свою специфику. Так, среди председателей колхозов женщин было всего 3,0%[101], явно преобладали мужчины. Среди председателей сельсоветов и председателей промысловых колхозов и артелей, находившихся в сельской местности, процент женщин был несколько выше — около 7, но все же это заметно меньше, чем среди различных групп городской администрации. Особенно мало женщин было среди руководителей МТС, менее 1,5%, но это как раз было положительным моментом, так как занятие этой должности требовало, кроме организаторских способностей, значительных технических знаний, тогда редко встречающихся у женщин.

При возрастной характеристике администрации села следует отметить такой положительный факт, что она была представлена лицами зрелого возраста. В основном председатели колхозов и сельсоветов имели 30—39 лет (более половины всего состава). Четверть состава приходилось на возраст 40—49 лет. Видимо, на эти должности избирались люди с большим опытом хозяйствования и имевшие авторитет. Представлена была и молодежь 20—29 лет, но в основном это

были руководители МТС (18—19%). Близкая возрастная характеристика была и у председателей промколхозов и артелей.

К сожалению, с грамотностью сельской администрации дело обстояло хуже, чем с возрастом. Грамотными были лица на 98—99%, 1—2% были неграмотными. Учитывая очень низкий критерий грамотности при проведении переписи 1939 г., надо сказать, что эти данные выглядят не особенно утешительно и во многих случаях являются формальными. Этот факт подтверждается данными о среднем образовании, в том числе незаконченном. Среди председателей колхозов последнее имели 23 человека на 1000 лиц, среди председателей сельсоветов — 52 человека. Среди председателей промколхозов и промартелей — несколько больше — 207. Несмотря на низкий уровень образования учащихся среди лиц этой категории сельских служащих было немного — 5—6%. При этом в техникумах и вузах обучались единицы. Лица, имевшие высшее образование, были редким исключением — 1—2 человека на 1000[102]. Если ситуация с высшим образованием для того времени не являлась неожиданностью, то число лиц со средним образованием, в том числе незаконченным, даже для того уровня сельскохозяйственного производства представляется явно недостаточной, учитыая сложную социально-экономическую и политическую ситуацию в деревне.

Руководители более низкой ступени сельской администрации — заведующие колхозными фермами, бригадиры тракторных и полевых бригад, бригадиры в животноводческих хозяйствах, звеньевые — отличаются друг от друга по половозрастным характеристикам.

Прежде всего выделяются бригадиры тракторных бригад. Это новая по тем временам профессия, которую осваивали в основном молодые мужчины, с довольно высоким по сравнению с другими группами бригадиров образованием. Женщин среди них было мало — 1,9%, несмотря на пример Паши Ангелиной и развернутого в стране движения за освоение женщинами тракторов и комбайнов. Более половины бригадиров тракторных бригад имели возраст 20—29 лет (56,8%) и 38% приходилось на возраст 30—39 лет. Лиц старшего возраста (40 лет), как и молодых, до 20-ти лет, очень мало, поскольку требовались техни-

ческие знания, необходимые для освоения новой и сложной тогда профессии. Данные по грамотности подтверждают этот вывод: более 99% среди лиц этой профессии грамотны, 24 человека на 1000 лиц имели среднее образование и 33 человека на ту же 1000 учились[103].

Бригадиры полевых бригад имели в своем составе несколько больший процент женщин — 6,4% и были заметно старше по возрасту — 30—39-летних среди них почти половина, 20—29-летних — около трети, 40—49 лет — 20% и 5,4% имели возраст старше 50 лет. Грамотных среди них 97%, лиц со средним образованием — 12 на 1000 лиц, при этом было довольно много учащихся в школах I и II ступеней (86 чел. на 1000)[104].

Бригадиры в животноводстве имели довольно большой процент женщин в своих рядах — 14%, а заведующие фермами — даже 25,6%. По возрасту эта группа бригадиров еще старше: 30—39-летних — 40%, 40—49-летних — 23%, 20—29-летних — чуть более 20%. Зато пожилых людей, страше 50 лет, довольно значительный процент. Уровень грамотности, не исключая и заведующих фермами, ниже, чем у бригадиров тракторных и полевых бригад — 92—95%. Лиц со средним образованием 15 чел. на 1000, учащихся — 35[105].

Таким образом, бригадиры — это в основном мужские профессии, представленные зрелыми по возрасту группами, за исключением бригадиров тракторных бригад, среди которых, как мы видели довольно много молодежи. Уровень грамотности, хотя и не сплошной, но довольно высокий. Имелся, хотя и малочисленный, круг лиц со средним образованием.

Зато звеньевые представлены в основном женщинами: их 95% среди руководителей этой категории. Более 40% из них имели возраст 20—29 лет. Одну треть составляли люди 30—39 лет. Обращает на себя внимание тот факт, что среди звеньевых трудилось немало и совсем молодых — 15—19-летних, а доля пожилых была незначительна. При этом, преимущественно молодом по возрасту составе, было зафиксировано 13% неграмотных звеньевых. Вместе с тем, именно за счет молодежи, в этой группе руководителей было 23 на 1000 человек лиц со средним образованием[86]. Много было среди звеньевых и учащихся.

Приведенные здесь демографические характеристики говорят о том, что ситуация с руководящим составом в сельской местности была следующей: женщины привлекались к руководящей работе, но в меру, довольно высоким был уровень грамотности, кроме того часть лиц училась и получала образование.

Демографический состав лиц разных профессий интеллигентного труда, задействованных в сельском хозяйстве и животноводстве, неодинаков. Это зоотехники, агрономы, ветврачи, ветфельдшеры, веттехники, землемеры, селекционеры, яровизаторы и др. Среди них, хотя и несколько больше женщин, чем среди администраторов высшего звена, но все же это «мужские» профессии в основном. Но все же женщины, получив доступ к образованию, обретали его, хотя бы среднее специальное, и усиленно привлекались к работе в колхозах и совхозах. Последнее объяснялось еще и тем, что во время коллективизации сельская интеллигенция сильно пострадала, а представлена она была в основном мужчинами. Среди агрономов и ветврачей женщин было 18—19%, среди зоотехников — 24%, среди агрономов и землемеров — 11—14%. Слабо представлены женщины среди ветфельдшеров, веттехников — 5,2%, а среди яровизаторов и селекционеров — их уже 11%[107].

По возрасту эта группа специалистов молода: самая многочисленная возрастная группа среди перечисленных здесь профессий — это группа молодежи 20—29 лет. Лица этого возраста составляли более половины всех зоотехников, около половины агрономов, около трети ветврачей, агротехников, ветфельдшеров. Среди представителей двух последних из перечисленных специальностей большую группу (до одной трети) составляли лица в возрасте 30—39 лет.

Несколько старше по возрасту были яровизаторы и заведующие лабораториями: среди них 40—49-летние составляли одну четверть, 50—59-летние — свыше 18%. Кстати группа 40—49-летних была представлена во всех группах профессий, но ее удельный вес был небольшим, особенно у зоотехников — всего 9%. Пожилых людей было немного. Так, среди агрономов и землемеров их всего 5-6%[108]. Агроном — традиционная, как и впрочем землемер, профессия на селе, и малочисленность среди них пожилой возрастной группы не может не наводить на размышления: видимо

они или были высланы в 30-е гг. из деревни, либо сами мигрировали в города в связи с репрессивной политикой. Лиц после 60-ти лет почти нет среди специалистов, зато эти профессии активно притягивают молодежь 15—19 лет, особенно агротехники, зоотехники, веттехники. Необходимость в этих профессиях была особенно острой, а возможность их освоения довольно быстрой с помощью краткосрочных курсов, куда командировалась молодежь. Во всяком случае среди зоотехников и веттехников молодых людей 15—19-летнего возраста 7%[109].

Однако, как об этом уже говорилось выше, на протяжении первой половины 30-х гг. оставалась некооперированной довольно большая часть деревни, особенно на окраинах, продолжали развиваться, порой в скрытых формах, и естественные социальные процессы, таившие в себе возможность возрождения «капиталистических отношений». Лишь к концу 30-х гг. осталась в деревне небольшая часть самостоятельных хозяйств среди крестьян и ремесленников, именуемых «единоличниками», с их самобытными занятиями, которые мы рассмотрим особо.

Во второй половине 1930-х гг. в сельском населении РСФСР было 3,8% единоличников и некооперированных кустарей. Среди некооперированных кустарей, в основном мужчин, были кузнецы, бочары, плотники, строители и др. Перепись 1937 г. зафиксировала основные занятия единоличников (см. табл. 22). В таблице, составленной по материалам машиносчетных станций, обработаны данные по 3,5 млн единоличникам.

Основным занятием единоличников были земледелие и скотоводство. Этими видами труда было занято 3,4 млн единоличников. Некоторая часть их была связана с огородничеством и садоводством. Более популярными занятиями были рыбная ловля и охота (Сибирь и Северный район). Почти одинаковое количество единоличников было занято квалифицированными и неквалифицированными видами сельскохозяйственного труда. Полуквалифицированный труд встречался среди них реже.

Среди единоличников-крестьян было больше женщин, чем мужчин, так как мужчины часто отправля-

ясь на промыслы в города, оттуда уже не возвращались, а семьи сохраняли в деревне.

Таблица 22

Занятия единоличников (по материалам Ленинградской, Московской, Харьковской счетных станций Всесоюзной переписи населения 1937 г.)

Занятия	Город	Село	Всего
Земледельцы, скотоводы	87049	3395043	3482092
Огородники, садовники	1852	903	2755
Прочие квалифицированные сельскохозяйственные занятия	280	1162	1442
Прочие полуквалифицированные сельскохозяйственные занятия	38	205	243
Ловцы, рыболовы	1234	9037	10271
Охотники	1764	26886	28650
Неквалифицированные занятия	605	1555	2160
Итого:	92822	3434791	3527613

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 146. Л. 101—106.

Как мы видели из сопоставления социального облика деревни 20 и деревни 30-х гг., сельское население по социальному составу коренным образом изменилось. Вместо многомиллионной массы самостоятельных хозяев, которые определяли лицо деревни в 20-е годы, с их сложной внутренней структурой и процессами социально-демографической дифференциации, перед нами лишенные былой самостоятельности и связанные с колхозами лица самых разных профессий и социального положения. Это колхозники-земледельцы, колхозники-скотоводы, колхозники-охотники и др., это и служащие — счетоводы, бухгалтеры и т.д., это и часть интеллигенции — агрономы, землемеры, ветврачи и т.д., это и администрация, главное место среди которой занимают председатели колхозов, а не сельсоветов, это и часть работников сферы обслуживания — зав. детсадами и яслями, воспитатели детских учреждений и т.д. Вся

эта разнообразная по своим занятиям масса населения была связана с колхозами, но неправильно бы было рассматривать это население односторонне и однообразно как безликую массу зависимх от государства работников (этот взгляд довольно широко распространен в современной литературе). Перед нами сложная структура занятий, новых профессий, новых приоритетов в социальном положении, с повышенным уровнем грамотности и образования по целому ряду профессий. Продолжала существовать и традиционная сельская интеллигенция — врачи с развитой специализацией, учителя, работники культуры и т.д. Второй стереотип, распространенный в нашей литературе — это «катастрофическое» постарение деревни, связанное с оттоком молодых мужчин в города и падением рождаемости. Эти явления действительно были, но говорить о постарении сельского населения и его феминизации в 30-е годы рано. В деревне еще существовал «толстый» слой мужчин. Многие профессии, особенно новые, были в основном мужскими. Что же касается рождаемости, то ее уровень оставался довольно высоким.

Заканчивая анализ социального состава населения в 30-е годы, необходимо отметить, что занятость населения в стране была очень высокой, население в целом возрастало за счет несамостоятельного населения в связи с высокой рождаемостью во второй половине этого десятилетия. Рост самодеятельного населения по переписи 1939 г. по сравнению с 1937 г. объясняется включением в число занятого населения студентов.

Итак, в 30-е годы возникла социальная структура, базировавшаяся на огосударствленной экономической основе и состоявшая практически полностью из социальных слоев и групп, связанных с госсектором. В рамках госсектора она отличалась сложной иерархией. Тем не менее фактически продолжали существовать и другие, выпадающие из этой системы слои и группы, хотя они и были малочисленными. Таким образом, социальный состав населения в 1930-е годы в действительности не исчерпывался теми схемами социального деления общества, которые были приняты официально в тот период.

Глава III.
Грамотность, образование, религия

1. Грамотность и образование российского населения и его различных народностей

Показатели грамотности в 1926 году у российского населения были невысокими. Перепись зафиксировала всего 40,7% грамотных, то есть меньше половины всего населения. Среди мужчин, начиная с 5-летнего возраста, грамотных было 52,3%, а среди женщин того же возраста — 30,1%. В городах показатели грамотности были выше, чем в деревне. Среди горожан грамотными были 60%, а среди сельских жителей — всего 35,4%. Но и этот уровень грамотности был в то время немалым достижением для России, особенно в селе.

Самыми высокими показатели грамотности были у городских мужчин — 73%, среди сельских мужчин грамотными были 40%. Женщины уступали мужчинам в показателях грамотности и в городе, и в селе. В городах умели читать и писать 54% женщин, а в деревне — 24%.

Если рассматривать уровень грамотности у разных возрастных групп, то окажется, что самыми высокими показатели грамотности были среди лиц 20—29 лет: 86,5%. У женщин наибольший процент грамотности приходится на возрастную группу от 15 до 24 лет — около 58%[1].

К 1937 году политика ликбеза добилась немалых результатов в дальнейшем распространении грамотности: среди мужчин было 86% грамотных, а среди женщин — 66,2% (с 9-ти лет и старше). Особенно высокими были показатели грамотности среди молодежи: 12—14 и 13—19 лет грамотных было свыше 90%. Однако работа по ликвидации неграмотности была еще далеко не завершена. В самом деле, перепись 1937 года не зафиксировала ни одной возрастной группы, в которой бы не было неграмотных. Между

тем критерий грамотности был весьма низким. Надо было уметь читать по слогам и написать свою фамилию. При таком низком критерии грамотности даже среди молодежи 20-ти лет было от 5 до 8,5% лиц, не умеющих ни читать, ни писать. Чем старше была возрастная группа, тем выше был в ней процент неграмотных. В возрасте 30—34 года таковых насчитывалось 20%, 40—44 лет — 33%, а среди 50—54-летних неграмотными были 50%.

У женщин с грамотностью дело обстояло гораздо сложнее, чем у мужчин. В 12—14-летнем возрасте, равно как и в 19 лет, неграмотных мало как среди мужчин, так и среди женщин — соответственно 5 и 11%. Однако уже в возрастной группе 20—24-летних неграмотные женщины составляли 19%. Гораздо раньше, чем у мужчин, происходило резкое увеличение показателя неграмотности. У 30—34-летних женщин почти одна треть была неграмотной, а среди 40—44-летних таковых было уже половина, женщины же 60—64 лет на 83% были неграмотными. Очевидно, многие девочки старше 10 лет своевременно в школу не пошли, а к 15 годам девушка считалась уже невестой, готовилась к замужеству.

Эти данные подтверждаются переписью населения 1939 года. Среди мужчин 9—19 лет было 99,2% грамотных. Эти данные взяты по городскому населению. Но и в деревне грамотность среди мужчин этой возрастной группы была высокой, составляя 95%.

Среди молодых женщин процент грамотных и в городах, и в селах довольно высок, но в группе 20—49 лет, особенно в деревне, показатель грамотности заметно снижается. Более 30% женщин-жительниц села в этой возрастной группе неграмотны. В возрасте 50 лет и старше грамотных среди мужчин было 84,5% в городах и 61,8% в селе, а женщин — соответственно 48,3 и 17,2%.

Нужно сказать, что если в 1937 году критерий грамотности не был определен очень жестко, то в 1939 году его четко придерживались, поэтому данные в переписи 1939 года точнее отражают положение с уровнем грамотности населения. Собранная этой переписью информация также, как и предыдущей переписью, не подтвердила широко распространенной в пропагандистской печати версии о «сплошной» грамотности населения. Поэтому данные переписи 1939 года по грамотности населения также не были опубликованы.

У славянских народностей показатели грамотности намного выше, чем у многих других народов РСФСР и СССР. Лишь немцы, евреи и прибалтийские народности имели такие же, как у славян, а иногда и выше показатели грамотности. Следует отметить, что у русских в среднем при высоких показателях грамотности, резко выражена разница в ее уровне в зависимости от пола и места проживания. Так, в городах грамотно 90,6% населения, а в селах — 78,2%. У женщин грамотность заметно ниже, чем у мужчин. У женщин 20—49 лет грамотных было 78%, а в 50 лет и старше — всего 26,4%. Сходные данные собрала перепись и по украинцам. У немцев, а также у эстонцев, уровень грамотности у мужчин и женщин в городах и селах почти одинаково высок. Например, немцы-горожане были грамотными на 94,6%, а немцы, проживавшие в селе, — на 92,9%. Даже у пожилых женщин в селах грамотными были 85,6%.

Показатели грамотности у татар и башкир были несколько ниже, чем у славянских народов. В 1939 году в городах среди татар было 82,2% грамотных, а у башкир — 80,6%. В деревне — соответственно 75,6 и 71,0%. Заметно ниже уровень грамотности у женщин по сравнению с мужчинами, и резко падает процент грамотности и у мужчин, и у женщин с повышением возраста. Это характерно и для татар, и для башкир.

У мордовцев, марийцев и удмуртов общие показатели грамотности более низкие: свыше 30% населения было неграмотным. Городское население в этом плане сильно отличалось от сельского. У мужчин-мордовцев в городах грамотных 75,1%, а в селах — 65,0%. Если в возрасте 9—19 лет у всех этих народов процент грамотных высокий даже в селах, то уже в группах 20—49 лет много неграмотных, особенно среди женщин (около 50%). В возрасте 50 лет и старше у мордовцев неграмотных мужчин было от 50 до 60%. Грамотных женщин — 6,8% (в пожилом возрасте). Среди пожилых женщин-удмурток грамотных еще меньше — всего 3,8%[2].

Как видно из этих данных процент неграмотных среди этих народов еще достаточно высок. Однако, учитывая низкий уровень грамотности, зафиксирован-

ный у них переписью 1926 года, следует признать, что к концу 30-х годов успехи в распространении грамотности здесь были довольно значительны.

Сравнительно большие достижения в ликвидации неграмотности были у народов Дагестана. Среди молодежи 9—19 лет много грамотных как в городах, так и в селах: соответственно 93,0 и 94,2%. У мужчин в возрасте 20—49 лет грамотных было 80,1%, однако, с возрастом процент грамотности резко понижается: среди мужчин 50 лет и старше грамотных лишь 40%. Как правило, у женщин неграмотных гораздо больше, чем у мужчин: в возрасте 20—49 лет — 63,1% грамотных, 50 лет и старше — лишь 8,5%.

Довольно низкий процент грамотных имели чеченцы и казахи. Так, в группе 20—49 лет грамотных среди тех и других было 50 и 45,6%. А в сельской местности — соответственно 38,2 и 44,5%. Но и у этих народов в группе 9—19 лет грамотных было много.

Низкие показатели грамотности в 1939 году имели народности Севера. В возрастной группе 20—49 лет грамотных было всего 40,5%[3]. Среди женщин грамотных было всего 32%.

Однако, несмотря на то, что распространение грамотности происходило неравномерно у разных народов, следует отметить, что подавляющая часть молодежи была грамотной. Ниже 70% показатель грамотности в этом возрасте не опускался, чаще всего он поднимался до 90 и более процентов. Но о «сплошной», 100-процентной грамотности, даже среди молодежи не приходится говорить. Такой высокий показатель встречается лишь у немногих народностей, причем среди лиц, проживающих в городах. Уже, начиная с 20-летнего возраста, происходит понижение уровня грамотности, особенно у женщин. У всех народностей в большей или меньшей степени, но отмечается разница в уровне грамотности городского и сельского населения. Но при этом полностью неграмотных возрастных групп, даже среди пожилых и престарелых, не наблюдается.

Образование в 20—30-е годы не получило еще широкого распространения в обществе. Во всяком случае грамотных, но не имеющих образования, в возрасте 16—59 лет было 60%. Причем грамотных мужчин без образования — 70%, а женщин — 49%[4].

В конце 30-х годов среднее образование имели 4,9% населения, а высшее — 0,6%. Среди мужчин эти показатели были несколько выше: 4,7 и 0,8%, а среди женщин — 3,9 и 0,3%. Эти данные приведены по переписи 1937 года. К 1939 году положение не изменилось. На 1000 населения в Российской Федерации приходилось 77 человек со средним, в том числе незаконченным образованием, и 7 человек с высшим[5]. При этом в городах на 1000 жителей приходилось 258 человек со средним и 16 человек с высшим образованием, а в селе — соответственно 36 и 1,6.

В городах мужчин со средним образованием насчитывалось на каждую 1000 населения 163 человека, а женщин — 153. В деревне — соответственно 46 и 26.

Что касается высшего образования, то в городах с таковым мужчин было на каждую 1000 населения 23 человека, а женщин — всего 11. В деревне — соответственно 2,5 и 0,8.

Лиц со средним образованием было мало даже в очень крупных городах. Например, в Москве на 1000 человек приходилось 202 со средним образованием, а в Ленинграде — 219. С высшим образованием — соответственно 41 и 34.

По уровню образования различия среди народов России были достаточно большими. Среднее образование среди русских на 1000 человек имели 77 лиц, среди украинцев — 113, белоруссов — 176, евреев — 344, немцев — 67, татар — 44, башкир — 32, мордовцев — 28, казахов — 22, чеченцев — 26, народностей Севера — 17[6].

Высшее образование имели на 1000 человек: русские — 5,8, украинцы — 11, евреи — 104, немцы — 5,8, татары — 1,9, башкиры — 1,3, мордовцы — 1,3, чуваши — 2,5, чеченцы — 1,3, казахи — 1,0, народности Севера — 0,3[7].

Основная масса лиц, имеющих образование, по данным 1937 года, принадлежала к возрастным группа 18—45 лет (среднее образование) и 26—45 лет (высшее образование). В других возрастных гурппах лиц со средним, особенно высшим образованием, было немного.

Женщины, получив доступ к образованию, начали довольно активно реализовывать это право. В возрастной группе 12—14 лет образование имели 8,2 тыс. мужчин и 8,7 тыс. женщин. Следует отметить, что в

старших возрастных группах женщин со средним образованием больше, чем мужчин. Даже в группе 60—69-летних женщин со средним образованием больше, чем мужчин: соответственно 34 тыс. и 28 тыс.

Более доступным для женщин стало и высшее образование. Замечено, что женщины стремились его получить еще до замужества. Так, в группе 20—24 года мужчин с высшим образованием было 24 тыс., а женщин — 28 тыс., хотя в целом мужчин с высшим образованием было больше, чем женщин[8].

В 1939 году учащегося населения насчитывалось в России 17,8% (от всего населения 8 лет и старше). В начальной школе обучались дети от 8 до 17 лет. Было много переростков. В возрасте от 17 до 35 лет учились либо в старших классах школы, либо в техникумах. С 19—20 лет обучались в вузе[9]. Среднюю школу заканчивали, обычно, к 18—19 годам. После 18 лет число учащихся резко сокращалось, в то время, как в стране было много малограмотного населения.

В деревне было более широко распространено начальное образвоание. В городах, кроме начального, довольно широко было распространено среднее образование. Но все же основным видом обучения, то есть самым распространенным, оставалось начальное образование. В начальной школе обучалось примерно половина всех учащихся. В старших классах менее 1%. Чуть более 1% обучалось в техникумах. Мужчины предпочитали специальное образование в техникумах, а женщин там было меньше: соответственно 507 и 405 тыс.

В вузах обучалось 335 тыс. мужчин и 226 тыс. женщин (без заочных видов обучения). Получение высшего образования у многих затягивалось на многие годы, иногда до 49-летнего возраста. Специалистов с высшим образованием выпускалось немного[10].

Таким образом, если оценивать ситуацию, зафиксированную переписями 1937 и 1939 годов в области грамотности и образования населения, то следует признать, что и в РСФСР, и в СССР в целом был достигнут прогресс по сравнению с 1926 годом: подавляющая часть населения стала грамотной, дети и молодежь были вовлечены в школы, техникумы и вузы. Впервые за сотни лет женщины в России были допущены ко всем видам обучения и образования.

Но результаты, полученные статистикой, отразили не только успехи. Грамотность оказалась еще не

«сплошной», а среднее и высшее образование отставало от требований времени.

2. Отношение населения к религии

Уникальные данные об отношении населения к религии содержит перепись 1937 года. Как показывают подготовительные документы, составляющие архив переписи, в ранних программах переписи такого вопроса не предусматривалось, а возник он лишь в последней редакции переписного листа в конце 1936 года, то есть в канун проведения переписи и звучал так: «Вопрос номер 5. Религия». Согласно инструкции, счетчику следовало опрашивать по этому пункту респондента, начиная с 16 лет.

В принципе определять отношение к религии было некорректным с точки зрения правил, принятых русской статистикой, поскольку таило в себе возможность получения от респондента заведомо ложной информации, тем более вероятной в стране, где религия на официальном уровне считалась «пережитком прошлого в сознании отсталых людей». Однако перечить Сталину, который внес этот вопрос в переписной лист, никто не осмелился.

Так или иначе, но сегодня мы имеем в руках уникальные данные* о религиозности и атеистических воззрениях населения в условиях гонения на церковь и священнослужителей, несмотря на демагогические заявления правительства о «свободе вероисповедания» в стране.

Как и следовало ожидать, люди вели себя во время переписи по-разному. В целом, как сообщалось с мест, перепись была встречена доброжелательно, респонденты охотно отвечали на вопросы. Во многих домах было празднично, люди надевали нарядные платья. Так, из Белоруссии сообщалось, что «работ-

* В главе использованы данные по СССР в целом, так как в материалах машиносчетных станций сведения по РСФСР по этому вопросу специально не выделены, а разрабатывались вместе с другими регионами страны. Но известно, что большая часть данных по РСФСР обрабатывалась на Московской и Ленинградской МСС. Эти материалы, по возможности привлекаются в тексте монографии.

ников переписи встречали приветливо (Минск, Гомель и др. города). В ряде случаев приглашали на елку, к приходу счетчиков готовились, как к большому событию: «мыли хаты, надевали новые платья» (гг. Шилов, Бобруйск и др.[11]).

Вместе с тем в донесениях сотрудников НКВД и работников органов статистики постоянно указывалось, что разговоры повсюду ведутся, главным образом, вокруг пункта переписного листа о религии*.

В условиях политических репрессий, гонений на инакомыслие часть населения была чрезвычайно напугана этим вопросом, поскольку была уверена об отрицательном отношении властей к религиозности.

По селам и городам поползли слухи, распространялись листовки и записки о возможных тяжелых последствиях искреннего признания в Вере. Например, одна из женщин в Толоченском районе (БССР) довольно типично передала общее настроение опрашиваемых: «Я верующая, а разве можно в этом признаться, нет, страшно!» Этот разговор был приведен как характерный в донесении начальника белорусского УНХУ. Другой пример: в Драковском сельсовете старухи ходили по домам и предупреждали, что «кто хочет жить, тот пусть не пишет о себе, что он верующий»[12].

Верующие опасались вполне реальных в духе того времени последствий. В их памяти были еще живы преследования в ходе коллективизации. В Московской области страшились, что на верующих «посыпятся те же кары, что и на раскулаченных». В Подмосковье распространялись слухи, что «на верующих будут смотреть как на кулаков, поэтому нужно ничего отвечать на этот вопрос»[13]. Говорили, что «будут ходить 40 комиссаров, и записавшихся в верующие, будут высылать из районов»[14].

В донесении из Свердловской области сообщалось, что многие опасались, что всех верующих «выбросят из колхозов»[15].

Подобные страхи мучили и население Белоруссии. Так, в колхозе «Парижская Коммуна» считали, что

* Донесения сохранились из Московской, Свердловской обл., БССР и др. Использована обобщающая справка по Союзу в целом начальника ЦУНХУ И.А.Краваля.

тех, кто запишутся верующими, вышлют из района в отдаленные места, что верующих заставят голодать[16].

Мысль о насильственном выселении верующих была широко распространена, причем в некоторых районах ожидали, что высылать будут в специальную республику, видимо, по образцу спецпоселений, имевших место в то время. Так, в Толоченском районе были разговоры, что «всех верующих перепишут, а потом вышлют в одно место, живите, мол, там себе»[17]. Ждали высылки в спецреспублики в Крупском, Узденском, Плещеничском районах БССР и во многих селах Свердловской области.

Слухи приобретали порой зловещий характер. Люди боялись арестов, судебных расследований и даже физического уничтожения. Ждали в момент переписи Варфоломеевской ночи (гг. Уральск, Кишерть Свердловской области, а также в ряде населенных пунктов Киевской области УССР). В Бегомльском районе Белоруссии говорили, что «всех тех, кто записался верующими, должны забрать» и даже заклеймить. В другом случае священник предупреждал, что «старушек в ночь с 5 до 6 января будут выводить и расстреливать, молодым не будут давать хлеба»[18]. В результате верующие в некоторых селах во время переписи закрывались на целые сутки в домах, прятались в лесах и т.д.

Преследования верующих могли, по их опасениям, иметь последствия для членов их семей, особенно боялись за судьбу детей. Ходил упорный слух, что детей верующих изгонят из школы, а взрослых родственников уволят с работы[19].

Распространился страх и чисто религиозного характера. Боялись Божьего суда, «антихристовой печати». Во многих селах передавали из уст в уста, что «через 15 дней после переписи будет конец света и всех неверующих направят в ад»[20].

Одним из самых распространенных был слух о введении специального налога на верующих (Свердловская, Московская, Киевская обл.)[21].

Боялись, однако, записываться и неверующими, в основном из-за напряженной в то время международной обстановки. При этом были уверены, что Советская власть не сохранит тайну признания, и она станет известна Германии. Так в Стайновском районе бо-

ялись, что «скоро придет Гитлер и будет уничтожать неверующих»[22].

В этих условиях часть населения решила отказаться отвечать на вопрос о своем отношении к религии. В Лельчицком районе, когда одному респонденту задали этот вопрос, он бросился бежать в лес, а жена зажгла перед иконами свечки и ответа не дала[23]. Некоторые собирались в «бега»: «Возьмем сухари и не придем, пока не кончится перепись»[24]. Обычно свои отказы отвечать на вопрос о религии респонденты мотивировали тем, что они ответственны только перед Богом. Нередко встречались уклончивые ответы: «Пишите, как хотите». Особенно такого рода ответы были характерны для сектантов. Например, в Лепельском районе отказались давать сведения 200 человек, принадлежавших к секте евангелистов. Они дали на день переписи обет молчания. В Чичерском районе (БССР) баптисты провели агитацию среди женщин, и те отказались проходить перепись[25].

Под влиянием агитации и распространившихся страхов иные респонденты, записавшись сначала как верующие, «передумывали» и объявляли себя неверующими. Так, в Заславльском районе первые дни предварительного заполнения переписных бланков показали, что в некоторых колхозах в верующих записывалось до 90—95% членов колхоза. После того, как райком партии послал актив для разъяснительной работы, имелись случаи, когда колхозники подходили к счетчику и просили исправить с «верующего на неверующего»[26]. Однако, как видно из этого донесения, такие случаи были редкими.

Иногда респонденты стремились не к искреннему признанию, а к получению для себя каких-либо льгот и старались ответить так, как было выгоднее для них или безопаснее. В Чаусском районе, например, некоторые считали, что «неверующим будут отпускать товары из кооперации в первую очередь»[27]. В колхозе «Карковка» распространился слух, что «верующих советская власть будет преследовать, а неверующим будет хорошо». В Паричском районе одна женщина «в группе граждан заявила, что запишется верующей, так как если будет новый переворот, то ей и ее детям будет лучше»[28].

Встречались и более осторожные ответы: с признанием в вере и заверением в лояльности Советской

власти: «В бога верую, Советской власти подчиняюсь»[29]. Видимо, этим респондентом руководило желание обезопасить себя от преследования властей (Комаринский район БССР).

Однако в большинстве своем люди стойко и мужественно признавались в своих убеждениях.

В Пермском районе Свердловской области один респондент ответил: «Хоть и говорят, что всех верующих будут выгонять со стройки, запишусь верующим». А одна женщина ответила: «Кто его знает, верую я или нет, не знаю, но в душе вот что-то есть, что выше нас, чего-то есть, какая-то сила. Хотя я богу не молюсь давно, но все ж пиши «верующая»[30].

Из Свердловской же области в донесении отмечен факт, когда на одной из строек женщины в общежитии целыми комнатами записывались в верующие.

Из Бешанковичского района БССР сообщалось, что в двух сельсоветах — Островленском и Плисском — записалось верующими около 80% и выше жителей, среди которых большинство составляли староверы. Перепись показала большой процент верующих в Рогачевском районе, где активность прявили сектанты[31].

Многие не только признавались в вере, но и отстаивали свое право на отправление своих религиозных потребностей, требуя возобновления богослужения, возвращения сосланных священнослужителей. Их надежды на успех питала некоторым образом и принятая в 1936 г. новая Конституция СССР. В связи с этим в ряде районов развернулась агитация такого рода: «По новой Конституции попам дали право голоса, пишите, что вы верующие — возвратят церкви»[32]. В записке И.А.Краваля в ЦК ВКП(б) отмечалось, что в Московской, Киевской и ряде других областей имели место «провокационные» слухи: «Чтобы записывались все верующими, и тогда им откроют церковь, потому что эта перепись пойдет на рассмотрение Лиги Наций, а Лига Наций спросит у тов. Литвинова, почему вы закрыли церкви, когда у нас много верующих». Вспыхнула, как видно отсюда, и надежда на помощь международной организации в отстаивании права на свободу совести. В Киевской области встречались и настроения, напротив, вполне лояльные: в некотрых селах доверчиво призывали к искренним ответам на вопрос о религии: «Мол государство желает

восстановить точно, сколько в нашей стране имеется религиозных, чтоб доказать иностранным государствам наличие религиозных, и что религия в нашем государстве не притесняется, поэтому следует писаться «православными»[33]. Однако и в данном случае людьми руководила надежда на открытие церкви.

Как свидетельствуют донесения, счетчики вели во время переписи большую разъяснительную работу и во многих случаях добивались того или иного ответа на этот «трудный» пятый вопрос о религии. Однако не обошлось во время переписи и без репрессий. В Чичерском районе, например, было 37 случаев отказа отвечать и определять свое отношение к религии. Из них 33 человека впоследствии согласились дать сведения, а четыре человека отказывались до конца. Двоих отказавшихся осудили, одного на 4, а другого на 2 года[34]. В одном из районов Свердловской области священники выступили за то, чтобы все писали, что они верующие «без всякого страха». Один из священников вел агитацию вне церкви и уговаривал всех записываться верующими. Органы НКВД «прибрали этого агитатора». В другом районе (БССР) благодаря бдительности счетчика при участии населения такой же агитаор «был разоблачен и передан в органы НКВД».

Почти повсеместно вопрос об отношении к религии вызывал семейные конфликты. То мать прокляла своего сына из-за того, что тот записался неверующим, то расстались супруги, так как их взгляды на религию и убеждения не совпали. Так, в одном из колхозов Свердловской области мать, когда ее сын записался неверующим, сказала: «С сегодняшнего дня ты мне не сын. Я тебя прокляну!» В другом случае жена после ответа мужа, что он неверующий, заявила: «Если ты неверующий, то сейчас же уходи от меня, я больше с тобой не живу!»[35] Поступали сообщения о том, что мужья то в одной семье, то в другой избивали своих жен, если те давали противоположные ответы на вопрос о религии, не совпадающие с убеждениями мужа. В одном из колхозов Белоруссии отец избил семнадцатилетнюю дочь за то, что она записалась неверующей, а в другой семье разыгрался тот же конфликт из-за того, что дети записались верующими в отличие от отца, заявившего о своих атеистических убеждениях.

Вопрос о религии часто вызывал недоумение у думающих людей. Например, десятник Камгэсстроя

удивился: «Неужели есть действительно графа вопроса о религии? К чему это? Какое отношение имеет к нашему строительству?»[36]

Раздражение населения против вопроса о религии в переписи порой выливалось в довольно жестокие акции: избиение счетчиков, нанесение им ножевых ран[37]. Всего этого можно было бы избежать, не будь включен в перепись этот вопрос. Но есть и другая сторона у этого дела — в руках у исследователя уникальный массив данных об отношении населения к религии и правительственной политике в этой области. Анализируя полученные переписью данные, нельзя забывать ни о той ситуации, в которой респонденты давали свои ответы на вопрос о религии, ни о сомнениях и страхах их тогда мучивших. Это не могло не отразиться на результатах опроса. В действительности верующих, безусловно, было больше, чем показали данные. Но и в той ситуации большая часть населения своих убеждений не скрыла. Верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше чем неверующих: 55,3 млн против 42,2 млн или 56,7 против 43,3% от всех выразивших свое отношение к религии. 0,9 млн отказались ответить на этот вопрос[38].

3. Состав верующих и неверующих по полу, возрасту и грамотности

По данным переписи 1937 года неверующих оказалось менее половины всех ответивших на вопрос об отношении к религии. Однако среди грамотного населения атеистов было больше, чем верующих: 55,5 против 44,5%. Напротив, среди неграмотного населения неверующих насчитывалось всего 4,6 млн, что составило 15,5%. Остальные респонденты, не знавшие грамоты, признали себя верующими.

Среди мужчин, ответивших на вопрос о религии, неверующими назвали себя 24,5 млн, то есть 55,2%. В большинстве случаев это были грамотные мужчины. Атеистов среди грамотных лиц мужского пола 23 млн или 62,1% по удельному весу.

Атеистов среди неграмотных мужчин было всего полтора млн, то есть 20,2%.

Неверующих женщин было гораздо меньше, чем неверующих мужчин. На вопрос об отношении к ре-

лигии ответило 53,1 млн женщин, из них лишь 33,5% признало себя в атеизме, то есть одна треть, что составило в абсолютном выражении 17,8 млн человек.

Неверующих женщин было меньше, чем атеистически настроенных мужчин, как среди грамотных, так и среди неграмотных. Так, из всех грамотных женщин, ответивших на вопрос о религии, назвали себя неверующими 14,6 млн или 47,6%, а среди неграмотных женщин таковыми себя признали лишь 3,1 млн, то есть 14%. При сопоставлении последних данных с соответствующими показателями мужчин следует иметь в виду, что абсолютное число неграмотных женщин больше абсолютного числа неграмотных мужчин.

У респондентов обоего пола состав неверующих по возрасту молодой, особенно у грамотных. Среди них самой представительной является возрастная группа молодых людей мужского пола 20—29 лет, на которую приходится 38,5% всех неверующих мужчин, а среди женщин на тот же возраст — 43,5% всех неверующих этого пола. Довольно много неверующих и среди лиц в возрасте 30—39 лет, на их долю от всех неверующих мужчин приходится 27,1%, а от всех неверующих женщин — 24,4%. Затем численность неверующих начинает понижаться с возрастом, особенно ощутимо к 50-ти годам и старше. На все возрастные группы после 50 лет зафиксировано среди грамотных мужчин 7% неверующих, а среди грамотных женщин и того меньше — 3,9%. Зато в ранней молодости неверующих довольно много, однако, меньше, чем в возрасте 20—39 лет. От 16 до 19 лет у мужчин их — 14,5%, а у женщин — 19,1. Обращает на себя внимание тот факт, что состав грамотных неверующих женщин существенно моложе, чем состав грамотных неверующих мужчин. Самые молодые среди атеистов — грамотные женщины. Среди неграмотных атеистов также преобладает молодежь.

Среди неграмотных как мужчин, так и женщин самый большой процент неверующий приходится на возраст 20—29 лет, но атеистов здесь все же меньше, чем в соответствующей группе грамотных. Так, на эту группу среди неграмотных мужчин приходится 25,7% неверующих, а среди женщин — 27,2%. Очень близка к этим данным возрастная группа 30—39 лет. Соответственно на нее приходится 23,1 и 26,0%. Как видно отсюда, показатели обеих групп примерно

равны, тогда как у грамотных неверующих старшая из этих двух возрастных групп менее представительна.

У неграмотных в противоположность грамотным очень предствительной является возрастная группа 40—49 лет, число неверующих в ней достигает 17,7% среди мужчин и 19,2% среди женщин. На все возрастные группы старше 50 лет среди неверующих неграмотных приходится 27,8% (мужчины) и 23,9% (женщины). Группа же 16—19 лет представлена соответственно — 5,7 и 3,7%, что резко контрастирует с данными по той же возрастной группе грамотных.

По сравнению с возрастным составом неверующих верующие имели более пожилой возраст. Хотя среди грамотного населения, признавшего себя верующим, много молодежи, в целом состав по возрасту старше, чем это наблюдалось у грамотных атеистов.

Самыми крупными возрастными группами среди грамотных верующих были 20—29 и 30—39 как среди мужчин, так и среди женщин (см. табл. 23). Довольно крупной среди грамотных верующих была и группа 40—49-летних респондентов. На возрастные группы старше 50-ти лет приходится незначительный процент верующих среди грамотных, несколько больший — среди неграмотных. На этих последних показателях сказывается меньший, чем у других возрастных групп удельный вес самих возрастных групп в структуре населения.

Из приведенных данных видно, что представление о том, что верующие за редким исключением были пожилыми людьми, не соответствует действительности. Так, среди мужчин молодого и среднего возраста (16—49 лет), причем грамотных, число верующих было настолько значительным, что удельный вес всей этой возрастной группы составлял среди всех верующих грамотных лиц 75%, а среди грамотных женщин той же возрастной группы — 88%. Однако верующие несколько старше неверующих по возрасту. Так, удельный вес среди грамотных мужчин самой молодой возрастной группы от 16 до 19 лет у верующих в 2 раза ниже, чем у атеистов и, напротив — доля лиц 50 лет и старше у верующих примерно в 3 раза выше, чем у неверующих.

Неграмотные верующие имели, как уже отмечалось, более пожилой состав, чем грамотные, особенно женщины. Так, доля 16—19-летних молодых верую-

щих мужчин, не владеющих грамотой, среди всех верующих неграмотных лиц этого пола составляла всего 2,2%. У женщин этот показатель еще ниже — 1,9%. Зато среди верующих неграмотных женщин лица 50 лет и старше составляли 47,3%, а у мужчин — 52,8% (табл. 23).

Таблица 23

Половозрастная структура неверующих и верующих (в %)

Возраст (лет)	Мужчины		Женщины	
	Грамотные	Неграмотные	Грамотные	Неграмотные
	Неверующие			
16—19	14,5	5,7	19,1	3,7
20—29	38,5	25,7	43,5	27,2
30—39	27,1	23,1	24,4	26,0
40—49	12,9	17,7	9,1	19,2
50—59	5,2	14,1	2,9	13,6
60—69	1,5	9,2	0,8	7,1
70 и старше	0,3	4,5	0,2	3,2
Неизвестно	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего:	100	100	100	100
	Верующие			
16—19	7,8	2,2	11,4	1,9
20—29	24,8	12,7	37,0	15,2
30—39	24,9	16,3	26,3	17,6
40—49	17,8	16,0	13,5	18,1
50—59	13,5	18,7	6,9	20,1
60—69	8,2	20,5	3,5	16,9
70 и старше	3,0	13,6	1,4	10,3
Неизвестно	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего:	100	100	100	100

Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991. С. 106—112 (подсчеты автора).

На основании приведенных данных можно говорить лишь о том, что среди грамотных верующих было больше молодежи и меньше лиц престарелого возраста, чем среди неграмотных. Однако это объясняется тем, что среди молодежи преобладали во второй половине 30-х годов грамотные люди, тогда как среди пожилых было немало неграмотных, как это показала перепись 1937 года, а затем и перепись 1939 года. Таким образом, популярная в пропагандистской литературе тех лет идея, что все грамотные были атеистами, а неграмотные «по темноте своей» верующими, оказалась несостоятельной. При этом было бы неверным отрицать всякую зависимость отношения к религии от грамотности и возраста, равно как и от пола.

Возрастнополовую зависимость в этом отношении можно проследить по соотношению верующих и неверующих в каждой возрастной группе и у мужчин, и у женщин, с учетом их грамотности.

И у грамотных, и у неграмотных респондентов увеличение процента верующих происходило от молодых возрастов к пожилым. Причем это увеличение происходило у грамотных респондентов от одной к другой возрастной группе скачкообразно, особенно это заметно при переходе от группы 40—49 лет к 50—59 и далее к 60—70-летним и старше (см. табл. 24). Так, удельный вес верующих среди молодых людей 20—29 лет выше, чем у 16—19-летних на 5,8%, среди зрелой по возрасту группы 30—39 лет по сравнению с предыдущей также на 5,8%, но уже среди 40—49-летних соответственно — на 7,9%, среди 55—59-летних — на 12,9%, среди 60—69-летних — на 13,9%, среди 70-летних и старше — на 10,3%.

Атеисты среди грамотных преобладают в возрастных группах 16—39 лет: удельный вес неверующих колеблется в этих группах от 55,9 до 67,5%. Возрастная группа 40—49 лет среди грамотных последняя по удельному весу, довольно значительному, неверующих: их в группе 48%. Начиная с возраста 50—59 лет, резко преобладают верующие — 64,9%, среди 60—69-летних их 78,8%, среди лиц 70 лет и старше — 87,1% (см. табл. 24).

Удельный вес верующих среди неграмотного населения плавно возрастает от молодых к старшим возрастам. Причем атеисты большинства ни в одной из возрастных гурпп не имели. Уже у 16—19-летних ве-

рующие составляли 71%, а неверующие — 29%; среди 20—29-летних — 74,8 первых и 25,2% вторых; в группе 30—39-летних соответственно — 78,9 и 21,1% и т.д. (см. табл. 24). Наконец в группе 70 лет и старше верующих было 94,3%, то есть подавляющее большинство.

Таблица 24

Соотношение верующих и неверующих внутри различных возрастных групп (оба пола)

Возраст (лет)	Всего		В том числе:			
			верующие		неверующие	
	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%
	Грамотные					
16—19	9056363	100	2939909	32,5	6116454	67,5
20—29	24640150	100	9438023	38,3	15202127	61,7
30—39	17514805	100	7718036	44,1	9796769	55,9
40—49	8973139	100	4667677	52,0	4305462	48,0
50—59	4623023	100	2998029	64,9	1624994	35,1
60—69	2184552	100	1722139	78,8	462413	21,2
70 и старше	744862	100	649036	87,1	95827	12,9
Неизвестно	12165	100	5009	41,2	7156	58,8
Всего:	67749059	100	30137857	44,5	37611202	55,5
	Неграмотные					
16—19	701519	100	498010	71,0	203509	29,0
20—29	4913354	100	3675165	74,8	1238189	25,2
30—39	5512083	100	4350761	78,9	1161322	21,1
40—49	5290613	100	4425017	83,6	865596	16,4
50—59	5599692	100	4964702	88,7	634990	11,3
60—69	4809082	100	4448616	92,5	360466	7,5
70 и старше	2939338	100	2772654	94,3	166684	5,7
Неизвестно	5523	100	4267	77,2	1256	22,8
Всего:	29771204	100	25139192	84,4	4632012	15,6

* Здесь и далее не учтены лица, не ответившие на вопрос о религии.

Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991. С. 106—112 (подсчеты автора).

Среди грамотных мужчин доля верующих возрастает от группы к группе, резкое увеличение их удельного веса происходит в возрасте от 20—29 к 30—39 годам (на 7,7%), второй скачок наблюдается при переходе от группы 50—59-летних к 60—69-летним, когда доля верующих увеличивается на 16%. Численность верующих относительно предыдущих групп у 40—49-летних выше на 9,7%, а у 50—59-летних — на 6,6%. Таким образом, начиная с 30-летнего возраста, происходит постоянное увеличение числа верующих в возрастных группах. Особенность — у грамотных мужчин в возрасте от 16 до 29 лет верующих мало, зато атеистов — более 70%. Несмотря на рост удельного веса верующих от группы к группе, атеисты в них преобладают вплоть до 50 лет, когда верующие составляют 61,2%.

У неграмотных мужчин во всех возрастных группах преобладают верующие, но при этом удельный вес неверующих выше, чем тот же показатель у неграмотных респондентов обоих полов. Например, среди 16—19-летних мужчин и женщин атеистов — 30%, а в той же возрастной группе мужчин их — 40%. Эта особенность прослеживается по всех возрастным группам (см. табл. 25).

При анализе данных по тем же показателям у грамотных женщин прослеживается та же тенденция, что и у грамотных мужчин, но повышение удельного веса верующих начинается у женщин в более раннем возрасте. Резкий скачок вверх по данным об относительной численности верующих наблюдается в более раннем возрасте, чем у мужчин: при переходе от группы 16—19-летних к 20—29-летним разница в показателях составляет уже 8,6%, у групп 40—49 лет и 50—59 лет — 10,2%, между последней группой и 60—69 лет — 10,0%, 70 лет и старше соответственно — 16,2%. После 40-летнего возраста в возрастных группах преобладают верующие, в группе 40—49 лет их уже 62%. Даже среди самых молодых женщин 16—19 лет верующие составляют 40%. Религиозность у женщин начинает возрастать уже с 20-летнего возраста. Особенно это видно у неграмотных женщин, среди которых высокий процент верующих наблюдается смолоду. Так, в группе 16—19 лет он составляет 75,5%. Постепенно повышаясь, он достигает к 70-ти годам 95,2% (см. табл. 26).

Таблица 25

Соотношение верующих и неверующих внутри различных возрастных групп (мужчины)

Возраст (лет)	Всего		В том числе:			
			верующие		неверующие	
	абс. ч.	%	абс. ч.	%	абс. ч.	%
	Грамотные					
16–19	4426855*	100	1097871	24,8	3328984	75,2
20–29	12311536	100	3473242	28,2	8838294	71,8
30–39	9711738	100	3483145	35,9	6228593	64,1
40–49	5456157	100	2487491	45,6	2968666	54,4
50–59	3086950	100	1888745	61,2	1198205	38,8
60–69	1494793	100	1155193	77,3	339600	22,7
70 и старше	492244	100	425774	86,5	66470	13,5
Неизвестно	8349	100	3020	36,2	5329	63,8
Всего:	36988622	100	14014481	37,9	22974141	62,1
	Неграмотные					
16–19	214868	100	130714	60,8	84154	39,2
20–29	1123141	100	741232	66,0	381909	34,0
30–39	1297913	100	955397	73,6	342516	26,4
40–49	1199665	100	937456	78,1	262209	21,9
50–59	1300509	100	1091877	84,0	208632	16,0
60–69	1335989	100	1198652	89,7	137037	10,3
70 и старше	863131	100	795692	92,2	67439	7,8
Неизвестно	2070	100	1469	71,0	601	29,0
Всего:	7336986	100	5852489	79,8	1484497	20,2

* Здесь и далее не учтены лица, не ответившие на вопрос о религии.

Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991. С. 106–112 (подсчеты автора).

В материалах Ленинградской и Московской машиносчетных станций сохранились данные об отношении населения к религии в различных регионах — Европейской России (ЛМСС) и Сибири, и Урала (к сожалению, туда же были присовокуплены данные по Средней Азии, которые не представляется возможным отчленить), сосредоточенные в ММСС. Региональные материалы содержат данные как по городскому, так и по сельскому населению.

Таблица 26

Соотношение верующих и неверующих внутри различных возрастных групп (женщины)

Возраст (лет)	Всего		В том числе:			
	абс. ч.	%	верующие		неверующие	
			абс. ч.	%	абс. ч.	%
	Грамотные					
16–19	4629508*	100	1842038	39,8	2787470	60,2
20–29	12328614	100	5964781	48,4	6363833	51,6
30–39	7803067	100	4234891	54,3	3568176	45,7
40–49	3516982	100	2180186	62,0	1336796	38,0
50–59	1536073	100	1109284	72,2	426789	27,8
60–69	689759	100	566946	82,2	122813	17,8
70 и старше	252618	100	223261	88,4	29357	11,6
Неизвестно	3816	100	1989	52,1	1821	47,9
Всего	30760437	100	16123376	52,4	14637061	47,6
	Неграмотные					
16–19	486651	100	367296	75,5	119355	24,5
20–29	3790213	100	2933933	77,4	856280	22,6
30–39	4214170	100	3395364	80,6	818806	19,4
40–49	4090948	100	3487561	85,3	603387	14,7
50–59	4299183	100	3872825	90,1	426358	9,9
60–69	3473393	100	3249964	93,6	223429	6,4
70 и старше	2076207	100	1976962	95,2	99245	4,8
Неизвестно	3453	100	2798	81,0	655	19,0
Всего	22439218	100	19286703	86,0	3147515	14,0

* Здесь и далее не учтены лица, не ответившие на вопрос о религии.

Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991. С. 106–112 (подсчеты автора).

В городах региона, обсчитанного на ЛМСС, верующих меньше, чем в сельской местности. В первый момент это бросается в глаза уже по абсолютным цифрам. Например, в деревне верующих женщин насчитывалось 9 млн, а в городе — 2,7 млн, мужчин соответственно 4,9 и 1,3 млн. Однако в этих цифрах нашел отражение и тот факт, что сельские жители были тогда значительно многочисленнее городских.

Рассмотрим независимые от соотношения городского и сельского нселения показатели, то есть удельный вес верующих в той или иной возрастной группе населения Европейской Росси. В городах этот показатель во всех возрастных группах как у мужчин, так и у женщин, равно как у грамотных и неграмотных, значительно ниже, чем в сельской местности. Так, верующие в возрастной группе 20—29 лет у мужчин в городе составляли 13,6, а в деревне — 33,1%; у женщин соответственно — 29,0 и 63,9%. Приведенные данные относятся к грамотной чсти населения, но такая же по сути дела картина вырисовывается и среди неграмотных. В той же возрастной группе верующих — мужчин в городе 38,5, а в деревне — 55,2%; у женщин соответственно — 59,9 и 79,8% (см. табл. 27). Разница сохраняется во всех возрастных группах вплоть до самого пожилого возраста (после 70 лет и старше). Верующих среди грамотных мужчин в возрасте старше 70 лет в городе — 80,6, а в селе — 92,1%; у неграмотных того же пола соответственно — 88,0 и 94,9%. Среди женщин — та же картина: 88,8 и 94,9% у грамотных и 93,7 и 95,7 у неграмотных. Конечно, разрыв в этой группе более сглажен, чем у молодых, но тем не менее он есть.

По данным города и села прослеживается повышение религиозности с увеличением возраста (см. табл. 27). При этом в городе разница в показателях от группы к группе более резкая, чем в селе. Это объясняется тем, что в городах Европейской России в молодых возрастах немного верующих, особенно среди мужчин. Например, среди мужчин 16—19 лет, владеющих грамотой, верующих 9,7%, а среди грамотных мужчин 70 и более лет более 80%. У грамотных женщин соответственно — 19,0 и 88,8%. В то же время в деревне эти показатели менее разнятся: среди мужчин в тех же возрастных группах — верующих 30,2 и 92,1%, среди женщин соответственно — 50,3 и 94,9%.

Еще более сглажены эти показатели у неграмотных женщин в деревне: в 20—29-летней группе верующих 79,8%, в 60—69-летней — 96,3%.

Таблица 27

Возрастнополовой состав верующих в городах и селах (по материалам Ленинградской и Московской МСС в % от соответствующей возрастной группы)

Возраст (лет)	Города		Села	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Грамотные				
ЛМСС				
1	2	3	4	5
16—19	9,7	19,0	30,2	50,3
20—29	13,6	29,0	33,1	63,9
30—39	19,2	36,1	43,6	73,3
40—49	30,0	49,5	56,7	81,2
50—59	47,3	67,0	73,0	88,0
60—69	66,8	81,2	85,8	93,1
70 и более	80,6	88,8	92,1	94,9
Всего	22,1	36,5	45,9	67,7
ММСС				
16—19	12,7	21,6	36,8	55,0
20—29	17,0	30,6	42,5	66,7
30—39	21,6	34,4	50,3	73,4
40—49	29,5	45,4	59,0	78,5
50—59	45,4	62,5	73,4	83,5
60—69	63,2	76,2	84,7	88,6
70 и более	75,0	84,2	88,7	90,0
Всего	24,1	36,5	50,9	68,5
	Неграмотные			
ЛМСС				
16—19	29,0	51,4	49,8	72,9
20—29	38,5	59,9	55,2	79,8

1	2	3	4	5
30–39	48,3	64,2	67,9	84,4
40–49	58,2	72,8	77,1	89,6
50–59	70,2	82,3	85,3	93,8
60–69	81,3	89,8	91,7	96,3
70 и более	88,0	93,7	94,7	97,5
Всего	61,5	75,6	79,9	89,7
ММСС				
16–19	44,8	60,5	64,8	77,9
20–29	55,0	66,1	75,2	83,0
30–39	61,6	67,9	79,8	85,7
40–49	67,0	74,5	83,0	89,6
50–59	74,8	82,9	87,2	92,7
60–69	80,9	88,5	90,6	94,6
70 и более	85,5	91,1	90,7	94,7
Всего	68,0	76,8	82,9	88,7

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 49об., 50об., 52об., 54об., 56об., 59об.

Сравнивая приведенные данные можно заметить, что удельный вес верующих в рассматриваемых возрастных группах у мужчин в городе соотносится как 1:8, а в сельской местности – 1:3; у женщин – 1:5 и 1:2.

Любопытно заметить, что при том, что религиозность женщин и в городе, и в деревне выше, чем у мужчин, влияние городского образа жизни сказывается на горожанках достаточно ощутимо, также, как и овладение грамотой. Например, удельный вес верующих в группе 16–19-летних женщин почти одинаков (50,3–50,4%) у грамотных в деревне и у неграмотных в городе.

В регионах, обсчитанных ММСС, религиозность населения как в городах, так и в селах выше, чем в районах ЛМСС, в том числе и в молодых возрастах. Например, сравним такие данные: среди грамотных 16–19-летних молодых мужчин в городах регионов ММСС верующих 12,7%, а регионов ЛМСС – 9,7%.

В селах соответственно – 36,8 и 30,2%. У неграмотных эта разница еще заметнее: в той же возрастной группе в городах соответственно – 44,8 и 29,0, в деревне – 64,8 и 49,8%. Тоже самое можно наблюдать и у женщин: в той же возрастной группе у грамотных в городе – 21,6 и 19,0, а в деревне – 55,0 и 50,3%; у неграмотных – 50,5 и 51,4%, в сельской же местности соответственно – 77,9 и 72,9%. Хотя надо заметить, что у женщин эти показатели ближе между собой (см. табл. 27).

Необходимо отметить, что разница в показателях по удельному весу верующих в возрастных группах велика между районами ММСС и ЛМСС лишь в молодых возрастах. С повышением возраста она все более сглаживается. Отмеченная же разница в удельном весе верующих среди молодежи, видимо, объясняется тем, что среди мусульманской молодежи Средней Азии больше верующих, чем среди православных.

Как мы видим из приведенных данных, религиозность увеличивается с возрастом, причем у женщин уже с 20-летнего возраста, а у мужчин на целое десятилетие позднее, при переходе от зрелости к пожилому возрасту. Это, видимо, объясняется тем, что женщина раньше мужчины вступает в брак и достигает зрелости. Страх и ответственность за жизнь детей, большая эмоциональность при столкновении с жизненными невзгодами делают ее более беззащитной и заставляют ее раньше, чем мужчину обратиться душой к Всевышнему. Кроме того эмоциональность, как правило, делает женщину менее подверженной влиянию политической и идеологической пропаганды.

Возникает вопрос при осмыслении полученных переписью данных об отношении населения к религии, почему грамотность в какой-то степени способствует разрушению религиозных убеждений и в каких случаях это происходит? Выскажем здесь некоторые свои наблюдения.

На наш взгляд, чаще всего нестойкость религиозных убеждений связана с так называемой примитивной религиозностью, когда человек верит в Бога лишь по традиции, по обычаю, когда вера его не глубока и связана прежде всего с исполнением привычных в его среде религиозных обрядов. Глубинных знаний по теологии он не имеет, а стало быть его вера не имеет теоретической опоры. У некоторых имеются представ-

ления о Священном Писании лишь по наслышке. В этих случаях приток вместе с элементарной грамотностью, чаще всего примитивных естественно-научных знаний приводит человека к сомнениям и даже отрицанию религии. Отсутствие теоретической базы не создает преграды разрушению привычных предствлений о Всевышнем. Атеистические идеи в этом случае не встречают серьезных препятствий и усваиваются, хотя и поверхностно. В душе верующего возникает противоборство, в котором не всегда побеждает религия.

Другой разновидностью примитивной религиозности является буквальное прямолинейное толкование Священного Писания. Знакомство с естественно-научной популярной литературой, которая становится доступной овладевшему грамотой человеку, часто приводит к опровержению каких-либо положений Священного Писания, в частности об устройстве Вселенной или сотворении мира. Это механически ведет за собой разрушение религиозного мировоззрения. Обычно это возможно в тех случаях, когда в сознании верующего не разделены идея существования самого Бога и того, что говорится о нем в Писании или читается в церковных проповедях. Тогда критика Священных книг и проповедей, ирония над теми их положениями, которые не соответствовали уровню имеющихся в распоряжении на данный момент естественно-научных познаний, разоблачение неправедного образа жизни некоторых священнослужителей — все это могло поколебать веру. Немаловажное значение к тому же имело осуждение в официальной печати и в официальном порядке отправлений церковных обрядов и пренебрежительное отношение к самим верующим.

В обеих ситуациях приобщение людей к грамотности могло оказать влияние на их мировоззрение. Однако отход от религии у многих из них мог быть временным. С углублением образования возможен был и возврат к религии. Представление о том, что со всеобщей грамотностью наступит эра всеобщего атеизма, было крайне примитивным. Но именно эта идея часто пропагандировалась в печати и средствах массовой информации.

В то время нередки были попытки обвинить в «темноте» людей просвещенных, имеющих образование и сохранявших веру в Бога. Однако в данном случае их выбор между религией и атеизмом был глубоко осознанным и обоснованным. Та антирелигиозная просветительская работа с населением, которая тогда велась в разных видах и формах, вряд ли могла убедить или разубедить человека с развитым интеллектом и глубокой убежденностью. В сознании верующего примиряются обширные познания в области науки и религиозность. На него больше влияют факторы эмоционального порядка: ощущение своей слабости в огромной Вселенной, беспомощности перед ударами судьбы, поиски моральной опоры в тяжелых жизненных ситуациях, осознание мирской несправедливости и проч. Часто религиозность связана с национальной культурой и национальными традициями. Такие верующие могут отречься от религии, но в каждом случае путь этот сложен и противоречив, обусловлен рядом факторов, глубоких внутренних переживаний. Было бы неуместным объяснить его главным образом распространением грамотности и образования в обществе.

Как уже отмечалось выше, атеизм был шире распространен среди молодежи, чем в старших возрастных группах населения. В молодом возрасте атеистические идеи воспринимаются легче как необычные, непривычные, новые, отличные от того, что принято среди взрослых. Исповедывание этих новых идей давало ощущение независимости от старших, самостоятельности в выборе мировоззрения. К тому же груз пережитого был невелик, жизненный опыт мал, идеи смерти и загробной жизни далеки до нереальности. С оптимизмом и жизнерадостностью молодости они видят в отречении от религии достижение желанной свободы. Однако это вовсе не значит, что с наступлением зрелости, а затем и старости, они остаются верными своему атеистическому выбору, сделанному в молодые годы. В старших по возрасту группах, многие из неверующих возвращаются к религии.

4. Состав верующих по вероисповеданию

Материалы переписи 1937 года позволили выделить девять наиболее крупных религий. Самым распространенным на территории страны, как и следовало ожидать, судя по национальному составу населения, было христианство разнообразных направлений: православие, католичество, лютеранство, армяно-грегориане и т.д. Христианами признали себя почти 80%

всех верующих. Самое распространенное из христианских направлений — православное. Ему привержено $^3/_4$ верующего населения. Популярные в России до революции католическое и лютеранское вероисповедание с отходом от России территорий Польши, Западной Украины, Западной Белоруссии, а также Прибалтики заняли теперь среди других религий скромное место: представители этих религий составили по 0,8% каждая от всех верующих.

Кроме христиан довольно значительной группой были магометане (см. табл. 28). Представителей других религий было меньше, но они были не так уж и малочисленны. Буддисты и шаманисты, например, исчислялись десятками тысяч. Культовые нужды верующих этих религий не только никак не учитывались, но и встречали противодействие. Против шаманства велась острая борьба. Между тем жрецы этой религии хранили немало ценных сведений по медицине, ветеринарии, психотерапии и часто оказывали помощь населению в случае заболеваний. Содействовавали они и распространению элементарных знаний по народной медицине.

Таблица 28

Распределение верующего населения по религиям в 1937 г. (оба пола)

Религия	Абс. ч.	%
Православные	41621572	75,3
Армяно-грегориане	142099	0,3
Католики	434731	0,8
Протестанты	460885	0,8
Христиане прочих направлений	392939	0,7
Магометане	8256550	14,9
Иудеи	281112	0,5
Буддисты, ламаисты	82139	0,2
Шаманисты	20944	0,1
Прочие	3537078	6,4
Всего:	55277649	100,0

Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 41.

Таблица 29

Состав верующих различных вероисповеданий по полу и возрасту (в %%)

Возраст (лет)	Грамотные	Неграмотные	Всего	Грамотные	Неграмотные	Всего
	Православные			Католики		
Мужчины						
1	2	3	4	5	6	7
16–19	7,3	1,7	6,2	7,8	2,5	6,6
20–29	23,5	8,8	20,4	23,1	10,9	20,3
30–39	24,8	10,7	21,8	22,7	13,0	20,5
40–49	18,4	13,5	17,3	19,7	16,8	19,1
50–59	14,4	20,9	15,8	13,5	20,0	14,9
60–69	8,6	26,2	12,3	9,2	21,5	12,0
70 и старше	3,0	18,2	6,2	4,0	15,3	6,6
Неизвестно	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего	100	100	100	100	100	100
Женщины						
16–19	11,1	1,4	6,1	8,9	1,8	6,2
20–29	37,1	13,3	24,8	28,2	13,5	22,5
30–39	26,8	16,4	21,5	24,4	15,5	21,0
40–49	13,8	18,3	16,1	16,2	17,2	16,6
50–59	6,8	21,5	14,4	11,1	21,6	15,1
60–69	3,2	18,2	10,9	7,4	18,3	11,6
70 и старше	1,2	10,9	6,2	3,8	12,1	7,0
Неизвестно	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего	100	100	100	100	100	100
	Протестанты			Магометане		
Мужчины						
16–19	8,1	7,1	8,0	11,6	2,9	6,2
20–29	26,2	27,2	26,3	34,7	17,5	24,1
30–39	23,9	18,2	23,3	26,4	23,8	24,8
40–49	19,1	12,5	16,7	13,6	19,2	17,7

1	2	3	4	5	6	7
50–59	12,2	13,2	12,3	7,2	15,8	12,5
60–69	8,6	13,1	9,1	4,4	13,3	9,9
70 и старше	3,9	8,6	4,3	2,1	7,5	5,4
Неизвестно	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего	100	100	100	100	100	100
Женщины						
16–19	7,2	3,8	6,7	17,9	4,0	7,1
20–29	25,9	23,9	25,6	40,7	23,3	27,2
30–39	23,8	16,5	22,9	22,4	22,7	22,6
40–49	16,9	13,8	16,5	9,3	17,2	15,5
50–59	12,4	16,7	13,0	5,0	14,2	12,2
60–69	8,8	15,5	9,7	3,2	11,3	9,5
70 и старше	5,0	10,0	5,6	1,5	7,3	6,0
Неизвестно	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего	100	100	100	100	100	100
	Иудеи			Шаманисты		
Мужчины						
16–19	0,9	1,8	1,7	4,7	5,1	5,0
20–29	3,6	9,1	4,9	15,3	12,0	12,9
30–39	6,1	10,8	7,2	23,8	13,8	16,5
40–49	11,1	11,4	11,2	25,5	17,8	19,9
50–59	12,4	15,2	20,0	17,5	20,6	19,8
60–69	33,9	26,9	32,3	9,7	18,9	16,4
70 и старше	23,0	24,8	23,3	3,5	11,8	9,5
Неизвестно	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего	100	100	100	100	100	100
Женщины						
16–19	1,5	0,3	1,0	9,0	4,4	5,1
20–29	6,3	2,5	4,8	34,0	14,4	17,3
30–39	10,3	4,9	8,2	33,6	17,8	20,2
40–49	15,1	8,5	12,5	17,4	19,0	18,8
50–59	26,2	21,7	24,5	4,0	19,8	17,4

1	2	3	4	5	6	7
60–69	28,1	35,9	31,2	1,4	14,7	12,7
70 и старше	12,5	26,2	17,8	0,6	9,9	8,5
Неизвестно	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего	100	100	100	100	100	100

Всесоюзная перепись населения: краткие итоги. М., 1991. С. 106–115 (подсчеты автора).

Священнослужители магометанского вероисповедания немало делали по обучению детей грамоте. В 30-е гг. многие мечети, особенно в восточных районах страны продолжали обучать население грамоте. Причем в магометанских школах даже низших ступеней обучали кроме родного персидскому и арабскому языкам и письменности. Мусульманское население было многочисленным в стране, приверженность религиозным убеждениям была более устойчивой чем у славянских народов.

Рассмотрим демографический состав представителей разных вероисповеданий.

Наиболее высока доля женщин у христиан: 66,2% у православных, 62,3% у католиков, 61,6% у лютеран, 61,2% у армяно-грегориан. Такие показатели объясняются, во-первых, большей продолжительностью жизни женщин по сравнению с мужчинами у народов, исповедующих христианство, а во-вторых, более высокой религиозностью женщин, особенно в молодых и средних возрастах.

Народы, исповедующие типичные для востока религии — ислам, буддизм, ламаизм — имеют среди верующих несколько меньшую по сравнению с христианами долю женщин: магометане — 53,5%, буддисты — 56,7% и т.д. Перевес в удельном весе здесь у женщин незначителен, поскольку мужчины этих вероисповеданий были более привержены религии чем христиане, особенно в молодости. Кроме того продолжительность жизни женщин у восточных народов менее разнилась с мужской из-за высокой смертности женщин в детородных возрастах.

У шаманистов, в большинстве своем народов Севера, наблюдается то же соотношение полов, что и ве-

рующих восточных районов страны: женщин, 53,6%, а мужчин, 46,4%.

Соотношение полов у представителей иудейской религии напротив близко к соотношению полов у христиан: женщин, 62,6%, а мужчин, 37,4%.

При всей разности соотношения полов у представителей различных вероисповеданий повсюду преобладают женщины.

Согласно данным табл. 29, у православных процент верующих сильно колеблется, увеличиваясь от младших к старшим возрастным группам. У мусульман, напротив, таких резких колебаний не наблюдается. Это объясняется довольно высоким показателем численности верующих в молодежных группах.

Довольно ровные показатели религиозности по всем возрастным группам характерны и для протестантского вероисповедания. Перепись зафиксировала высокий процент верующих и у молодежи, и у людей более старшего возраста, вплоть до 40 лет. Поэтому нет такой резкой разницы в показателях у молодых и пожилых возрастов, которая наблюдается у православных.

В демографической структуре верующих самые большие конгломерации молодых возрастов наблюдаются у протестантов. Так, на возрастную группу мужчин 16—19 лет приходится 8% верующих, молодых людей 20—29 лет среди верующих было уже 26,3%, а 30—39-летних лиц — 23,3%. Верующие 50 лет и старше составляли 26,7% (см. таблицу 29).

Почти такие же показатели, лишь незначительно ниже, имеют по возрасту магометане: на возрастную группу 20—29 лет приходится 24% верующих, на 30—39-летних — 24,8%. Тогда как на группу 16—19-летних — 6,2% верующих. На лиц 50 лет и старше верующих, как и у протестантов — 26,8%.

Возрастная структура православных и католиков близки друг к другу. На возрастную группу 16—19 лет верующих приходится — 6,2 и 6,6%. На молодых людей 20—29 лет — 20,4 и 20,3%. На зрелый возраст 30—39 лет — 21,8 и 20,5%. На пожилых 50 лет и старше — 34,3 и 33,5%[39].

Более пожилой возраст имеют шаманисты. Возрастная группа 16—19 лет составляет от всех шаманистов 5%; 20—29 лет — 12,9%, 30—39 лет — 16,5%. Зато на пожилых людей 50 лет и старше приходится 45,7%

верующих шаманистов, то есть почти половина (см. табл. 29).

Еще более пожилым составом по возрасту отличаются буддисты: на группу 16—19-летних их приходится 1,9%, 20—29-летних — 9,6%, а на группу лиц 50 лет и старше — 48,4%.

Самый пожилой состав имеют верующие иудеи: по данным переписи 1937 г. лица 16—19 лет составляли от всех верующих иудеев 1,1%, 20—29 лет — 4,9%, 30—39 лет — 7,2%. Зато на пожилых людей 50 лет и старше приходилось более 75% всех верующих этого вероисповедания.

Возрастной состав женщин, признавших себя верующими, более молодой, чем у мужчин. Уже на группу 16—19-летних девушек и молодых женщин у магометанок приходится свыше 7% верующих, а на группу 20—29-летних — свыше 27%. Это почти столько же, сколько по удельному весу среди верующих этого вероисповедания падает на группу пожилых женщин, свыше 50 лет[41].

Примерно такая же картина предстает перед нами и при рассмотрении возрастного состава женщин-протестанток. Последовательно и соответственно на те же возрастные группы среди них приходилось: 6,7; 25,5; 28,3%.

Несколько меньше охвачена молодежь 16-19 лет религией у католичек и больше удельный вес среди верующих группы пожилых лиц: 6,2; 22,5; 33,7%.

Еще более пожилой состав верующих у шаманистов и буддисток. На самую молодую группу здесь приходилось соответственно 5,1 и 2,2%. Ниже, чем у представительниц других, обозначенных выше вероисповеданий, доля молодежи 20—29 лет — 17,3 и 13,3%. Зато удельный вес группы женщин в возрасте 60 лет и старше достигает у шаманисток почти 39%, у буддистов-женщин — почти половину всех верующих.

Самый пожилой состав верующих женщин у иудеев. На возрастную группу 16—19 лет приходилось всего 1,0%, на группу 20—29-летних — 4,8%. Самый высокий удельный вес имела здесь группа пожилых людей — 74,5%.

Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные позволяют судить об уровне грамотности респондентов различных вероисповеданий. Грамотных

среди лиц христианского вероисповедания больше, чем неграмотных, особенно это характерно для протестантов, среди которых грамотные составляли 88,2%. Грамотные преобладали и среди католиков — 67,4%, и среди православных — 58,7%[40].

Среди лиц нехристианских вероисповеданий процент грамотных заметно ниже, за исключением иудеев, где их 67,2%. Но все же грамотных и среди магометан довольно много — 29,8%, и среди буддистов и ламаистов — 26,9. Даже среди шаманистов грамотных было 20,5%.

Грамотных среди верующих мужчин гораздо больше, чем среди женщин: среди протестантов — 90,6%, магометан — 38,5%, иудеев — 77,5%, буддистов и ламаистов — 38,9%; соответственно грамотные среди женщин составляли: 86,7; 22,2; 61,1; 17,7%.

20—29-летние грамотные от всех верующих католиков составляли 23%, а неграмотные — 10,8%. У православных эти показатели равнялись 23,5 и 8,8%, у шаманистов — 15,3 и 12,0%, у протестантов — оба показателя почти равны между собой.

Исключением является иудейское вероисповедание, в котором неграмотные верующие мужчины были моложе, чем грамотные. Например, на 16—19-летних мужчин приходилось грамотных 0,9%, а неграмотных — 1,8% от всех мужчин иудейского вероисповедания (см. табл. 29).

У грамотных верующих женщин возрастной состав моложе, чем у неграмотных. Это объяснялось вовсе не тем, что грамотные молодые люди были более привержены религии, чем неграмотные. Дело было в том, что среди молодежи подавляющее число лиц было грамотным в отличие от более старших возрастных групп, отсюда и доля верующих среди них была выше, чем у пожилых. Это наблюдение правомерно и для мужчин[42].

Из возрастнополовой характеристики верующих различных вероисповеданий можно заключить, что наиболее молодой состав и у мужчин, и у женщин имели две религии: протестанство и магометанство. Магометанство традиционно устойчиво в семье, а протестантизм привлекал молодежь, видимо, своим рационализмом и прагматизмом.

Распространение вероисповеданий среди городских и сельских жителей в районах, охваченных материа-

лами Ленинградской и Московской станций имело свою специфику[43], По сведениям той и другой станций на территориях этих районов преобладали православные. Однако удельный вес их среди жителей других вероисповеданий различен. Если в районах ЛМСС, в основном это районы Европейской России, он был очень высок, то в районах ММСС удельный вес православных меньше. Безусловно, в последнем случае сказывалось влияние районов Средней Азии, где преобладало мусульманство и Дальнего Востока с буддистским и ламаистским населением.

Как видно из приведенных данных, удельный вес православных и по материалам ЛМСС, и по сведениям ММСС среди всех верующих в городах выше, чем в селах. Связано это было прежде всего с тем, что наиболее значительное после православных по численности магометанское население проживало в основном в сельской местности. В районах ЛМСС это прежде всего касалось Северного Кавказа, Башкирии и в некоторой степени Татарии. В других районах Европейской России этот момент сглажен: православных в городах среди верующих других вероисповеданий — 86,4%, а в деревне — 83,9%, поскольку численность магометан здесь не столь велика по сравнению с вышеобозначенными районами.

Значительно выше разница в доле православных, проживавших в городах и деревнях в районах ММСС: 75,3% против 64,1%. Это объяснялось, во-первых, тем, что русское и украинское население было в районах Средней Азии, да и в Казахстане сосредоточено преимущественно в городах. Это достаточно широко известный факт. Во-вторых, тем, что тюркоязычные народы с характерным для них магометанским вероисповеданием не увеличивали тогда свое население столь быстрыми темпами как в последующие годы. При высокой рождаемости имелась и высокая смертность населения, особенно младенческая и детская. В результате численность тюркоязычных народностей была относительно невелика в стране. Последнее подтверждается и данными о соотношении православного и мусульманского населения в деревне. При том, что в материалах ММСС представлены кроме Сибири, где также проживало и нехристианское население, Средняя Азия и Казахстан, православных в селах 64%, а вообще христиан — 66%, то

есть 2/3 верующего населения. Учтем при этом, что атеистов или не признавшихся в вере, среди христиан было больше, чем среди мусульман.

По данным обеих станций в обсчитанных ими районах мусульмане являлись вторым по численности и удельному весу вероисповеданием. Оно уступало по этим показателям (правда, весьма значительно) лишь православным христианам. Другие христианские религии были представлены незначительно.

Для мусульман обоих районов характерны большая численность и высокий удельный вес среди представителей других вероисповеданий в деревне. По подсчетам ЛМСС в городах было зарегистрировано 178,4 тыс. мусульман, что составило всего 4,4% от всех верующих, тогда как в сельской местности эти показатели равнялись 1267,3 тыс. и 9,0%.

По сведениям ММСС в городах, обсчитанных ею районов, мусульман и по численности и по удельному весу было больше, чем в районах ЛМСС. В городах их насчитывалось 613,1 тыс., то есть 14,8%, а в сельской местности — 5208,6 или 27,9%. Таким образом, соотношение мусульманского по вероисповеданию населения в городах и селах выражалось как: по численности — 1:7, по удельному весу — 1:2 (ЛМСС), а по данным ММСС соответственно — 1:8,5 и 1:2. Ясно, что во втором случае более высокие показатели сосредоточения мусульман в сельской местности объясняются национальным составом населения, включенного для обсчета в ММСС регионов, в первую очередь Средней Азии и Казахстана.

Приведенные данные по обеим станциям показывают, что верующие мусульмане не только в Средней Азии и Казахстане, но и в мусульманских автономиях России были в основном сельскими жителями.

Расселение христианских (кроме православного, вероисповеданий имело свою специфику. Армяно-грегориане имели большую численность в сельской местности, чем в городской. Но любопытно при этом, что удельный вес их среди верующих в городе выше, чем в деревне, хотя он повсеместно мал: 0,7 в городах и 0,5% в деревне. В значительной степени связанные с торговлей представители этого вероисповедания, армяне и грузины, часто селились в городах как временно, так и постоянно.

В Центральной России армяно-грегориане явно предпочитали города, где их по численности было вдвое больше, чем в деревне.

Сведения о католиках содержат преимущественно материалы ЛМСС. В районах, обсчитанных этой станцией, их было больше, чем в регионах, охваченных ММСС. По данным ЛМСС католики предпочитали города. Доля их среди верующих горожан составляла 0,8%, а в деревне — 0,3%. Абсолютная численность их довольно значительна, даже в селах — 40,5 тыс., что связано с тем, что в орбиту ЛМСС входили частично пограничные с Россией районы Белоруссии и западные районы страны, где традиционно проживало католическое население. Тяготение в массе своей урабинизированного населения к городам достаточно ярко выражено среди лиц этого вероисповедания.

Материалы ММСС несколько нарушают эту картину расселения католиков. Перевес горожан-католиков по удельному весу невелик. Однако это средние показатели. Если рассмотреть данные по их численности в Сибири, Казахстане и проч., то окажется, что в городах этих регионов проживало всего 20 тыс. католиков, тогда как в сельской местности — 83 тыс. человек. Между тем, в городах и селах Европейской России, вместе взятых, их было тогда всего 71 тыс. человек. Такое обилие лиц католического вероисповедания в удаленных восточных и южных районах страны является, безусловно, результатом репрессий и насильственных переселений в 30-е гг., в частности по отношению к полякам, чехам и др. народам.

Протестантское направление христианства представлено было преимущественно лютеранами. Гугеноты, пуритане и другие течения протестантизма были скорее редким исключением. Это видно и по Словарю религий, составленному специально при подготовке к переписи.

Лютеране еще в Российской империи были достаточно широко расселены в России. В СССР они сохранили свои места обитания. Наряду с типично городскими профессиями они занимались и сельским хозяйством. Примером могут служит немцы Поволжья. По сведениям обеих машиносчетных станций в городах было меньше лютеран, чем в селах. Если по удельному весу разница невелика, то по абсолютной численности она довольно значительна. Соотношение

лютеран-горожан и лютеран-жителей села выглядело так: 1:4,4 (по материалам ЛМСС) и 1:5,1 (по данным ММСС). Среди христиан — это единственное направление, чьи адепты проживали столь преимущественно в сельской местности. Причем, если для районов Европейской России и некоторой части Белоруссии это объяснялось в значительной степени исторически сложившимися условиями и поселениями, то в районах Сибири, Казахстана и Средней Азии, где этот перевес еще ощутимее, сказывается кроме исторического фактора и факт принудительных переселений и репрессий. Правда, основной размах антинемецких репрессий и переселений еще впереди и связан был с началом Великой Отечественной войны. Однако, уже в 1937 г. результаты этой политики дают себя знать. Лишь по подсчетам ММСС в сельской местности зарегистрировано 149 тыс. протестантов[44].

Судя по удельному весу среди всех верующих, христиане прочих направлений предпочитали города.

Среди верующих других, нехристианских вероисповеданий, заметна (кроме магометан) доля иудеев. В сельской местности они представлены слабо, а в городах их удельный вес составлял в районах ММСС 0,7%, а ЛМСС — 0,9%. В то же время в селах этот показатель равен соответственно — 0,1 и 0,0%. В районах ЛМСС их численность в селах составляла всего 4,6 тыс. человек. Соотношение же иудеев-горожан и иудеев-жителей сельской местности выглядело как 6,4:1. В районах ММСС этот разрыв меньше: 1,7:1. Однако и здесь абсолютная численность иудеев в деревне очень невелика. В основном иудеи расселены в восточных и южных районах[45].

В отличие от иудеев буддисты и ламаисты в основном сосредоточены в сельской местности. ЛМСС зарегистрировала в городах 1,6 тыс. верующих этих направлений, а в селах — 7 тыс. ММСС по своим районам насчитала 11 тыс. ламаистов и буддистов в селах и 43 тыс. в городах. Соотношения представителей этих вероисповеданий, проживавших в городах и селах районов ЛМСС и ММСС, близки друг к другу: 1:4,4 и 1:3,9. При этом все же, по подсчетам обеих станций, в городах перепись зафиксировала 12,6 тыс. буддистов и ламаистов, то есть $^1/_5$ часть их проживала не в селах. Это в основном китайцы, монголы, ряд сибирских и уральских этнических групп. В

принципе среди лиц этих вероисповеданий было немало людей, тяготеющих к городскому образу жизни.

Районы Сибири, Дальнего Востока, частично Казахстана являлись исторически сложившимися местами распространения буддизма и ламаизма.

Шаманистов в городах было очень мало. Так, в городах Европейской России их насчитываолсь 154 человека, а Сибири — 71 человек. В основном их местом жительства была сельская местность. Поскольку это направление вероисповедания представлено прежде всего народами Крайнего Севера и Дальнего Востока, охотниками и рыболовами.

Таким образом, материалы ЛМСС свидетельствуют о том, что в городах Европейской России в подавляющем своем большинстве верующие были христианами, в основном православными. Кроме христиан выделялись по удельному весу среди прочих вероисповеданий иудеи. В селах этого региона при преобладании христиан несколько повышался по сравнению с городом удельный вес магометан, а среди христиан — протестантов[46].

В районах ММСС состав верующих по религии был более разнообразным, в частности заметно увеличение доли нехристианских религий в деревнях. Это разнообразие вероисповеданий связано с национальным составом районов, которые обсчитывала ММСС.

Итак, при имевшем место довольно широком, особенно среди городской молодежи мужского пола, распространении атеизма в стране сохранялось преобладание верующего населения разного возраста и пола, принадлежавшего к различным вероисповеданиям.

Заключение

Войны и социальные потрясения, которые пережила Россия, начиная с 1914 г., оставили тяжелый след в развитии демографических процессов и осложнили демографическую ситуацию в стране. Россия понесла большие людские потери. В результате было нарушено соотношение полов в пользу женщин, снизилась рождаемость, увеличилась смертность населения. Компенсаторная рождаемость в середине 20-х гг. так и не вышла на уровень довоенного времени и не возместила понесенных населением потерь. Численность населения России с учетом предложенной нами коррекции насчитывала в 1926 г. 93,5 млн, в том числе мужчин — 44,3 и женщин — 49,2 млн человек.

В мирное время за десятилетие между переписями 1926 и 1937 гг. СССР потерял, по нашим подсчетам, 11 млн человек, избыточная смертность населения в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) в 30-е гг. составила около 3,7 млн человек. Сказались людские потери в связи с голодом начала 30-х гг., переселения раскулаченных, массовые репрессии, высокая смертность в местах заключения. Вместе с тем исследование причин смертности населения в 30-е гг. по возрастным группам показало, что убыль населения происходила не только по этим причинам, но и вследствие высокой младенческой и детской смертности, вызванной распространением эпидемий кори и скарлатины. В повышении смертности взрослого населения в городах начинают играть немаловожную роль травматизм, особенно производственный и ухудшение экологической ситуации. В течение ряда лет прирост населения был низким, а в 1933 г. — отрицательным: смертность превышала рождаемость.

В итоге этих потерь численность населения в 1937 г. оказалась значительно ниже прогнозируемого Госпланом и ЦУНХУ уровня. Перепись 1939 г., проведенная вслед за переписью 1937 г., подтвердила результаты предшествовавшей переписи. Итоги переписи 1937 г., как известно, были объявлены дефектными, а результаты по численности населения переписи

1939 г. — фальсифицированы. После освобождения этих данных от трехслойной фальсификации (по предложенной нами методике) оказалось, что население России насчитывало в 1939 г. 107,8 млн человек.

Обнаруженные в архиве секретные материалы, в том числе переписка о подготовке и ходе обеих переписей и донесения с мест правительству позволили освободить от фальсификации и численность городского населения в 1937 и 1939 гг. В первом случае число горожан составило в СССР около 45 млн, а в РСФСР — 30 млн; во втором — соответственно: не более 47—48 и 33,7 млн.

Людские потери оставили глубокие «демографические ямы» в возрастнополовой пирамиде, деформировали возрастнополовой состав населения. Специфика этих деформаций состояла в сокращении удельного веса в возрастной пирамиде детей от 0 до 10 лет, в первую очередь мальчиков. Это были последствия не только голода начала 30-х гг., но и эпидемий детских инфекционных заболеваний, имевших место в середине и второй половине этого десятилетия и вызвавших высокую детскую смертность.

Однако потери населения в 30-е годы были связаны не только с детской смертностью. Самые трудоспособные и детородные группы, пострадавшие еще в годы первой мировой и гражданской войн, также испытали на себе и голод, и раскулачивание, и репрессии. Эти невосполнимые потери на несколько десятилетий вперед определили аномалии в воспроизводстве населения. Потери коснулись в 20—30-е гг. и лиц зрелого возраста.

Деформации в возрастнополовой структуре населения носили «крупномасштабный» характер, охватив всю территорию Российской Федерации. Это определило в дальнейшем неблагоприятную демографическую ситуацию в стране.

Пережитые социальные потрясения были тяжелыми и для социального состава общества.

В первой половине 20-х гг. естественные тенденции социального развития еще пробивали себе дорогу, пока не были прерваны «сверху». В 30-е гг. на социальный состав советского общества оказывал влияние усиливавшийся рост государственной собственности, что обусловило увеличение численности связанных с нею социальных слоев и групп. Однако в 30-е гг. ос-

тавался еще достаточно обширным кооперативный сектор в промышленности, в котором были задействованы рабочие, служащие, ремесленники. Встречались еще хозяева, не потерявшие своей самостоятельности, рантье, деклассированное население. Структура общества была сложной и не укладывалась в прокрустово ложе принятой тогда на официальном уровне трехчленной классификации общества: рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция. Однако в переписи 1939 г. эта информация не лежит на поверхности и лишь, проникнув в тайны шифровки социальных категорий населения, можно увидеть действительную социальную структуру общества.

Статистика 30-х гг. продемонстрировала гигантское разбухание административно-управленческого персонала гос- и партаппарата. Его качественный рост отставал от роста его численности.

Данные переписей позволили показать полиэтничность российского общества, мозаичность размещения многих народов на территории РСФСР, выявить ряд тенденций, жизненно важных для развития наций. Особенно это касается изменений в численности и размещении народов. Наблюдалось резкое увеличение или, напротив, резкое сокращение их численности. Переселение в новые для них места обитания, деформировало демографические процессы, приводило к людским потерям.

Материалы переписей позволяют сделать вывод о том, что в 30-е гг. были достигнуты значительные успехи в распространении грамотности в стране. Однако о «сплошной» грамотности говорить еще было рано: деревня в этом плане отставала от города, женское население от мужского, особенно в национальных районах. Кроме того неграмотные были представлены во всех без исключения возрастных группах, начиная с 9-летнего возраста.

Анализ данных об отношении населения к религии, собранных переписью 1937 г., показал, что несмотря на распространение и поощрение на официальном уровне атеистических настроений, особенно среди молодежи, большая часть населения в стране оказалась верующей. Верующие были в каждой возрастной группе, в том числе и в молодежных. В стране наблюдалось широкое распространение разнообразных религий.

Примечания

Введение

[1] Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 1930-е гг. // Вопросы истории. 1989. № 4–5.

[2] См. напр., Максудов С. Потери населения в годы коллективизации // Звенья. М., 1991. Вып. 1.

[3] Конквест Д. Жатва скорби: советская деревня и террор голодом. Лондон, 1988.

[4] Данилов В.П. К истории коллективизма // История СССР. 1991. № 5; Зеленин И.Е. Революция «сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10.

[5] Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У. Кризис в советском сельском хозяйстве 1931–1933 гг. // Отечественная история. 1998. № 6.

[6] Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6.

[7] Осколков Е.Н. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 гг. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991.

[8] Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению. Новосибирск, 1995.

[9] Корнилов Г.Я. Уральское село и война: проблемы демографического развития. Екатеринбург, 1993.

[10] Зеленин И.Е. Указ. соч.

[11] Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М., 1994.

[12] Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы переселенцев. 1930–1950 гг. (Докт. дисс. М., МГУ. 1995).

[13] См. Население России в XX веке. Т. 1. 1900–1939 г. М., 2000.

[14] Кириллова Д.А. Рождаемость, смертность и прирост населения СССР в 1933–1939 гг. Чебоксары, 1994; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России. М., 1998.

[15] Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991.

[16] Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия. СПб., 1999.

[17] Волков А.Г. Из истории переписи населения 1937 г. // Вестник статистики. 1990. № 8.

[18] Лившиц Ф.Д. Перепись населения 1937 г. // Демографические процессы в СССР. М., 1990.

[19] Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР. 1926–1941 // Вестник статистики. 1990. № 7. Они же. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998.

[20] Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937. М., 1996.

[21] Жиромская В.Б. Численность населения России в 1939 г.: поиск истины // Население России в 1920–1950-е гг. М., 1994; ее же. Возвращенные цифры // Россия в XX в.: историки мира спорят. М., 1994.

[22] Население России в 1920–1950-е гг.: численность, потери, миграции. М., 1994.

[23] Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.

[24] Народонаселение. Демографический энциклопедический словарь. М., 1994.

Глава I.

[1] См.: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 153–169; Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 48; Адамец С., Блюм А., Захаров С. Распространение и особенности демографических катастроф в СССР. Париж, 1994. С. 62 (на фр. яз.).

[2] Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987. С. 169; Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941. С. 414–415.

[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 166.

[4] Там же. Д. 17. Л. 48–48об., 49–49об., 51–51об., 52–52об., 129–129об., 130–130об., 135–135об., 136–136об., 140–142об.

[5] Там же. Д. 256. Л. 46.

[6] Там же. Д. 19. Л. 75. Д. 52. Л. 91, 195. Д. 110. Л. 4. Д. 16. Л. 36–36об.

[7] Там же. Л. 37–37об. Д. 109. Л. 31–32, 58–58об.

[8] Там же. Д. 16. Л. 36–36об., 37–37об.

[9] Там же. Д. 256. Л. 27–28.

[10] Там же.

[11] Там же. Д. 16. Л. 63–65. Д. 19. Л. 4–6. Д. 26. Л. 4–4об., 8–8об., 25–27.

[12] Там же. Л. 25–27. Д. 107. Л. 141–143. Д. 109. Л. 32–35.

[13] Там же. Л. 33–39. Д. 16. Л. 15–15об.

[14] Там же. Л. 25–27, 32–34. Д. 82. Л. 62–68. Д. 109. Л. 4–6. Кириллова Д.А. Рождаемость, смертность и прирост населения СССР в 1933–1939 гг. Чебоксары, 1994. С. 44–50.

[15] Там же.

[16] Там же. Д. 19. Л. 75. Д. 110. Л. 4–5.

[17] Там же. Д. 82. Л. 1–3.

[18] Там же. Д. 109. Л. 33–49, 47, 51–51об.

[19] Там же. Д. 132. Л. 16.

[20] Там же. Д. 19. Л. 4–6. Д. 26. Л. 4, 8, 25–27.

[21] Там же. Д. 256. Л. 49.

[22] Там же. Л. 113.

[23] Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия. СПб., 1999. С. 38.

[24] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 113.

[25] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 17. С. 3; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 34–46; Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России. М., 1998. С. 35.

[26] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. М., 1929. С. 24.

[27] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 161. Л. 31.

[28] Там же. Л. 32.

[29] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 140–143.

[30] Там же. Оп. 336. Ч. 1. Д. 2. Л. 1. Ф. 4372. Оп. 92. Д. 161. Л. 32.

[31] Там же. Д. 107. Л. 141–143.

[32] Там же. Д. 151. Д. 141–153.

[33] Кульчицкий С.В. Демографические последствия голода 1933 года на Украине // Доклады VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк, 1990. Ч. 1. С. 39; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в деревне Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 73; Перковский А.Л. Потери населения Украины в 1930-е гг. // Украинский исторический вестник. 1989. № 5. С. 53.

[34] Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // СОЦИС. 1991, № 2. С. 75.

[35] Жиромская В.Б. Возвращенные цифры // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. 391 с.

[36] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 143.

[37] Там же. Л. 25.

[38] Старовский В.Н. Методика исследования элементов роста народонаселения // Вестник статистики. 1964. № 11. С. 11; Лившиц Ф.Д. Перепись населения 1937 г. // Демографические процессы в СССР. М., 1990. С. 200–202; Андреев Е.М. и др. Указ. соч. С. 35; Волков А.Г. Указ. соч. С. 48.

[39] Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. С. 23.

[40] Цаплин В.В. Указ. соч. С. 180–181; Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации. Звенья. 1990. № 1. С. 77–78; Исупов В.А. Тайны советской статистики // Вестник АН СО. Новосибирск, 1991. Вып. 1. С. 33; Тольц М.С. Недоступное измерение // В человеческом измерении. М., 1989. С. 30–31.

[41] Андреев Е.М. и др. Указ. соч. С. 38.

[42] Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания // СОЦИС. 1990. № 8. С. 50.

[43] Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 116.

[44] Там же.

[45] Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 240.

[46] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 280. Л. 136–137.

[47] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 280. Л. 1–194; Д. 283. Л. 1–93об.

[48] Сталин И.В. Речь на совещании передовых комбайнеров и комбайнерок с членами ЦК ВКП(б) и правительства 5 дек. 1935 г. М., 1947. С. 5–7.

[49] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 142. Л. 9.

[50] Там же. Л. 30–31.

[51] Там же. Л. 1.

[52] Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 20.

[53] Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг.: история подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 4. С. 92.

[54] Там же. С. 96.

[55] Исупов В.А. Указ. соч. С. 34.

[56] Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 24.

[57] Там же. С. 20.

[58] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 17. С. 38–41.

[59] Там же. Т. 9. С. 52–58, 74–75.

[60] Там же. С. 52–56; Т. 17. С. 38–40.

[61] Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. С. 42–47.

[62] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 145. Л. 2–5.

[63] Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. С. 41–47.

[64] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 145. Л. 15–16, 18.

[65] Там же. С. 14–21.

[66] Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 59–68.

[67] Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. // Труды ЦСУ. Т. 18. 1924. С. 38.

[68] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. М., 1929. С. 45–70.

[69] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 4. Л. 143.

[70] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 26. С. 7–8.

[71] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 80–82.

[72] Там же. Оп. 336. Ч. 1. Д. 244. Л. 17–18.

[73] Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 244.

[74] РГАЭ. Оп. 329. Д. 143. Л. 148–153.

[75] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 148–153.

[76] Там же. С. 58, 67; Т. 18. С. 62–68; Т. 34. С. 8–9; Т. 28. С. 14.

[77] Там же. Т. 8. С. 56–57; Т. 14. С. 32–35.

[78] Там же. Т. 9. С. 4, 33.

Глава II

[1] Всесоюзная перепись населения 1926. Т. 19. М., 1930. С. 51, 56, 365, 371; Т. 20. М., 1930. С. 128–132, 309; Т. 21. М., 1930. С. 55, 239–245; Т. 23. М., 1930. С. 134–135; Т. 24. М., 1930. С. 99, 105, 392.

[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 67–76. Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 279, 475–663.

[3] Там же. Л. 287.

[4] Там же. Л. 451.

[5] Там же. Л. 359.

[6] Там же. Д. 246. Л. 475.

[7] Там же. Д. 245. Л. 434.

[8] Там же. Л. 431.

[9] Там же. Л. 379.

[10] Там же. Л. 397.

[11] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 421.

[12] Там же. Л. 435.

[13] Там же. Л. 423.

[14] Там же. Л. 417.

[15] Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 94–95.

[16] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 75. Л. 4.

[17] Там же. Д. 242. Л. 4; Оп. 329. Д. 144. Л. 64–66.

[18] Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 78–81.

[19] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 282. Л. 43 (подсчеты автора).

[20] Там же (подсчеты автора).

[21] Жиромская В.Б. Кадры решают все: административно-управленческий аппарат в 20–30-е гг. по данным общих и спецпереписей // Формирование административно-командной системы. 20–30-е гг. М., 1992. С. 214–215.

[22] Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 40–41.

[23] Жиромская В.Б. Указ. соч. С. 214–215.

[24] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 282. Л. 44.

[25] Всесоюзная перепись населения 1939 г. С. 50–53.

[26] Жиромская В.Б. Указ. соч. С. 212–213.

[27] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 75. Л. 4.

[28] Там же. Д. 273. Л. 152об.–158. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. С. 239–240.

[29] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. М., 1924. Т. 20. Ч. 2. Вып. 1. С. 28.

[30] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 18. С. 3; Т. 20. С. 3; Т. 21. С. 219.

[31] Итоги промышленной переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. Т. 27. Вып. 1. М., 1926. С. 542.

[32] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. Т. 20. Ч. 2. Вып. 3. М., 1925. С. 31–32; Ч. 3. Вып. 1. М., 1925. С. 386–389.

[33] Статистика и народное хозяйство. М., 1929. Вып. 4. С. 87.

[34] Итоги промышленной переписи 1923 г. (Труды ЦСУ СССР). Т. 27. Вып. 1. С. 6–12.

[35] Там же.

[36] Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ СССР. Т. 20. Ч. 2. Вып. 3. С. 34–35; Ч. 3. Вып. 1. С. 336, 408; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 26. С. 159–160.

[37] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 477. Л. 204; Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 310–312.

[38] Там же. Л. 314–318; Оп. 329. Д. 477. Д. 204.

[39] Там же. Л. 205; Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 351–336.

[40] Там же. Оп. 329. Д. 477. Л. 204; Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 331–333.

[41] Там же. Л. 346–350; Оп. 329. Д. 477. Л. 204.

[42] Там же. Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 320–322.

[43] Там же. Оп. 329. Д. 477. Л. 204; Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 343–345.

[44] Там же. Д. 252. Л. 335–338; Оп. 329. Д. 477. Л. 204–205.

[45] Там же. Л. 203; Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 292.

[46] Там же. Л. 293–294; Оп. 329. Д. 477. Л. 203.

[47] Там же.

[48] Там же. Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 299–306.

[49] Там же. Оп. 329. Д. 477. Л. 212–213; Оп. 336. Ч. 1. Д. 246. Л. 477–479.

[50] Там же. Д. 245. Л. 379–380; Оп. 329. Д. 477. Л. 260.

[51] Там же. Л. 205; Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 361–363.

[52] Там же. Л. 399–400; Оп. 329. Д. 477. Л. 207.

[53] Там же. Л. 208; Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 409–410.

[54] Там же. Л. 425–426; Оп. 329. Д. 477. Л. 208.

[55] Там же. Л. 209; Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 437–438, 445.

[56] Там же. Л. 453–454; Оп. 329. Д. 477. Л. 210–211.

[57] Там же. Л. 211; Оп. 336. Ч. 1. Д. 246. Л. 470–474.

[58] Там же. Оп. 329. Д. 477. Л. 212–213; Оп. 336. Ч. 1. Д. 246. Л. 493–501.

[59] Там же. Л. 503–507; Оп. 329. Д. 477. Л. 213.

[60] Там же. Л. 214; Оп. 336. Ч. 1. Д. 246. Л. 531–532, 567–570.

[61] Там же. Л. 564; Оп. 329. Д. 477. Л. 215.

[62] Матюгин А.А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). М., 1962.

[63] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 151. Л. 182.

[64] Там же. Оп. 336. Ч. 1. Д. 244. Л. 13–31.

[65] Там же. Л. 29–31.

[66] Там же. Д. 243. Л. 91, 119, 134.

[67] Там же. Л. 144, 158.

[68] Там же.

[69] Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 559. Л. 23.

[70] Струмилин С.Г. Избр. произв. М., 1968. С. 37.

[71] Там же. С. 40.

[72] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 488. Л. 6.

[73] Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. М., 1926.

[74] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 247. Л. 1; Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1968. С. 374–381.

[75] Рассчитано по: Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 381; Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. С. 56.

[76] Хрящева А.И. Указ. соч. Приложение.

[77] РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 489. Л. 5.

[78] Там же. Д. 492. Л. 5.

[79] Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 107, 171.

[80] Там же. С. 126–127.

[81] Там же. С. 107–171.

[82] Хрящева А.И. Указ. соч. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М., 1989; Кондратьев Н.Д. К вопросу о дифференциации в деревне // Пути сельского хозяйства. 1927. № 5.

[83] Статистический справочник Союза ССР. 1927. М., 1927. С. 66–67.

[84] Кабанов В.В. Социально-демографические процессы крестьянского двора в 1917–1920 гг. // Население и трудовые ресурсы советской деревни. 1917–1984. Таллинн. 1987. С. 37–49.

[85] Воронов И.К. Указ. соч. С. 80.

[86] Зеленин И.Е. Крестьянство и власть в СССР после революции «сверху» // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 21–23; его же. Революция «сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 106.

[87] Там же; его же. Крестьянство и власть в СССР после революции «сверху». С. 21.

[88] Там же. С. 23.

[89] Там же. Д. 245. Л. 255–257.

[90] Там же. Л. 257.

[91] Там же. Л. 261.

[92] Там же. Л. 263.

[93] Там же. Л. 270.

[94] Там же. Л. 267.

[95] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 477. Л. 174–177.

[96] Там же. Д. 244. Л. 119.

[97] Там же. Л. 101, 124.

[98] Там же. Л. 129.

[99] Там же. Л. 96.

[100] Там же. Л. 100–101, 105, 110.

[101] Там же. Л. 2, 21, 39, 41.

[102] Там же. Л. 23, 33, 39, 41.

[103] Там же. Д. 245. Л. 243.

[104] Там же. Л. 245.

[105] Там же. Л. 247, 249, 241.

[106] Там же. Л. 251.

[107] Там же. Д. 244. Л. 57, 61, 67, 79, 81, 83.

[108] Там же. Д. 245. Л. 253.

[109] Там же. Д. 244. Л. 79.

Глава III

[1] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1930. Т. 9. С. 69–85, 107–120.

[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 250. Л. 150.

[3] Там же. Оп. 336. Ч. 1. Д. 250. Л. 150.

[4] Там же. Оп. 329. Д. 144. Л. 11–13.

[5] Там же.

[6] Там же. Д. 477. Л. 51–57.

[7] Там же. Л. 57–59.

[8] Там же. Л. 84–85.

[9] Там же.

[10] Там же. Л. 81–82; Оп. 329. Д. 144. Л. 12–13.

[11] Там же. Д. 143. Л. 51.

[12] Там же. Л. 114.

[13] Там же. Л. 60.

[14] Там же. Л. 115.

[15] Там же. Л. 137.

[16] Там же. Л. 53.

[17] Там же. Л. 58.

[18] Там же. Л. 138.

[19] Там же.

[20] Там же. Л. 64.

[21] Там же. Л. 11, 62, 115.

[22] Там же. Л. 60.

[23] Там же. Л. 51–52.

[24] Там же. Л. 54.

[25] Там же. Л. 59.
[26] Там же. Л. 56–63.
[27] Там же. Л. 62.
[28] Там же. Л. 38.
[29] Там же. Л. 61.
[30] Там же.
[31] Там же. Л. 114–115.
[32] Там же. Л. 57.
[33] Там же. Л. 139.
[34] Там же. Л. 138.
[35] Там же. Л. 64.
[36] Там же. Л. 114–116.
[37] Там же. Л. 139.
[38] Там же. Л. 64.
[39] Там же. Л. 116.
[40] Всесоюзная перепись населения 1937: Краткие итоги. С. 106–107.
[41] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 64.
[42] Там же. Л. 45–45об.
[43] Там же. Л. 56об.–58.
[44] Там же.
[45] Там же. Л. 61.
[46] Там же. Л. 50об.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Заболеваемость в РСФСР, УССР, БССР в 1934—1936 гг. Предварительные итоги

	Всего за 1934 г.	Всего за 1935 г.	1936 г.			
			Январь	Февраль	Март	Апрель
1	2	3	4	5	6	7
	Скарлатина					
СССР	103748	288777	39731	33733	34471	38098
РСФСР	89354	173110	34103	31979	21758	17338
1. Азово-Черномор. кр.	1680	4797	863	734	668	461
в том числе:						
Адыгейская авт. обл.	5	17	—	3	4	1
2. Дальне-Восточн. кр.	471	1806	280	174	234	169
в том числе:						
Еврейская авт. обл.	10	125	4	11	18	7
3. Западно-Сибирск. кр.	1931	5390	767	838	774	560
в том числе:						
Ойротская авт. обл.	10	5	—	1	—	3
4. Красноярский кр.	929	1210	294	222	217	155
в том числе:						
Хакасская авт. обл.	...	19	5	8	11	4
5. Орджоникидзевск. кр.	368	1502	181	161	151	127
в том числе:						
Карачаевск. авт. обл.	74	173	23	34	38	57
Черкесская авт. об.	14	94	16	8	12	4
6. Воронежская обл.	2346	7757	1118	828	704	553
7. Восточно-Сибирск. обл.	1006	2960	340	327	246	252
8. Горьковская обл.	9569	10483	974	347	774	691
9. Западная обл.	5228	9020	972	802	811	519
10. Ивановская обл.	2836	5352	673	762	842	651
11. Калининская обл.	2241	4831	597	504	628	499
12. Кировская обл.	2165	3311	487	518	685	490
13. Куйбышевская обл.	1861	6036	1046	810	771	606
14. Курская обл.	1301	3463	456	387	400	297
15. Ленинградск. обл.	1992	5286	561	524	651	567
16. Гор. Ленинград	11932	14874	1303	1515	1263	1189
17. Московская обл.	9937	26699	3382	2031	2074	2497
18. Гор. Москва	14577	21889	2815	2352	2418	2166
19. Омская обл.	402	1873	340	231	403	273
20. Оренбургская обл.	534	2282	270	349	211	181
21. Саратовская обл.	588	3267	343	278	237	190
22. Свердловская обл.	2386	8540	1297	1500	1558	1326

Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
8	9	10	11	12	13	14	15
30161	33163	31073	40003	73887	33467	64091	57890
18641	19913	18791	21199	36038	43998	35415	33496
542	516	471	731	1639	1836	1459	1188
10	7	4	—	8	16	9	10
226	208	228	298	308	596	600	620
12	5	8	1	17	22	14	35
509	541	658	902	1135	1408	1145	1137
5	5	17	45	53	60	74	98
185	126	92	112	178	247	291	219
14	5	—	13	5	5	17	20
73	75	84	202	213	343	375	167
...	15	8	31	21	32	11	7
3	10	3	8	5	3	9	4
516	649	601	982	1603	1789	1392	1247
212	229	233	150	247	342	213	333
714	719	723	680	1300	1510	1263	1316
870	1138	899	932	1474	1718	1192	1032
768	837	917	1020	1710	2057	1609	1503
563	816	765	794	1125	1476	1242	1020
530	570	567	439	604	639	477	559
626	722	699	839	1363	1443	1053	806
506	531	496	662	1522	1310	786	518
630	772	675	822	1533	1994	2109	1996
1123	832	723	1030	2245	3555	3247	3993
2427	2756	2718	3115	4576	5419	4285	3747
2093	1651	1460	1953	3393	4183	3289	2746
303	225	285	325	475	519	480	485
270	208	303	320	576	618	291	341
193	258	374	502	994	859	461	886
1338	1323	1079	824	1308	1742	1843	1795

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
23. Северная обл.	1133	2136	279	489	454	472	341	384	258	283	599	993	1009	1067
24. Сталинградская обл.	579	861	121	124	118	97	135	181	236	454	1036	1140	724	557
25. Челябинская обл.	753	4090	873	1016	754	879	798	708	555	357	730	940	1001	826
26. Ярославская обл.	2360	3061	455	435	343	352	225	489	468	500	1135	1347	1168	1103
27. Татарская АССР	2075	4140	528	493	506	518	730	901	889	627	1001	238	587	646
28. Башкирская АССР	859	2437	760	645	689	418	515	677	604	404	565	508	470	430
29. Дагестанск. АССР	164	125	13	16	10	10	18	30	19	51	115	130	136	44
30. Бурят-Монгол. АССР	152	397	52	52	64	43	40	42	42	40	48	64	100	109
31. Кабард.-Балкар. АССР	29	130	6	3	3	2	1	1	5	6	32	22	16	12
32. Калмыцкая АССР	42	7	1	–	2	34	14	10	4	5	7	13	19	8
33. Карельская АССР	165	292	60	64	64	49	42	26	25	42	88	120	183	209
34. Коми АССР	36	35	–	1	–	1	1	8	1	–	1	2	2	14
35. Крымская АССР	263	1304	220	158	204	109	125	144	131	246	620	760	652	572
36. Мордовская АССР	712	1316	99	118	85	100	89	117	131	145	175	278	141	149
37. Марийская АССР	817	4558	50	69	63	54	71	59	103	56	65	117	54	107
38. Немц. Поволж. АССР	62	161	54	73	72	48	26	31	39	73	214	193	200	127
39. Северо-Осет. АССР	49	378	67	33	39	3	14	4	8	23	25	47	42	29
40. Удмуртская АССР	706	1467	255	310	324	212	159	160	141	130	243	226	241	233
41. Чечено-Ингуш. АССР	99	167	39	43	21	23	22	8	12	24	39	54	51	46
42. Чувашская АССР	899	1118	157	155	125	87	51	114	36	65	86	149	111	132
43. Якутская АССР	136	294	29	10	15	12	11	15	6	4	20	43	37	21
УССР	15846	53757	8551	7830	7323	5968	6804	7917	8068	13793	28101	28730	18374	12870
в том числе:														
1. Винницкая обл.	1536	6624	907	909	653	963	1146	1473	1397	2173	3694	3340	1981	1439
2. Днепропетровская обл.	1779	5876	1061	896	887	727	869	883	979	2060	9210	5173	2042	1906
3. Донецкая обл.	2168	5727	1031	1074	971	797	809	800	963	1716	4239	4286	3010	2063
4. Киевская обл.	3347	16154	2294	2065	2528	1543	1677	1919	1650	2195	2648	3790	2632	1906
5. Одесская обл.	1822	5598	918	703	693	534	562	744	820	1483	2123	2861	2659	1722
6. Харьковская обл.	4417	12554	1646	1559	1385	981	1142	1238	1306	3572	5599	5763	3503	2762
7. Черниговская обл.	675	4418	628	593	454	381	530	787	829	1311	2030	1928	1108	815
8. Молдавская АССР	52	471	66	41	61	40	69	73	125	283	558	589	332	227
БССР	6865	24824	2605	2065	1771	1458	1874	2286	1852	2068	2531	2825	1866	1499
	Корь													
СССР	492874	629177	61509	60461	62586	60080	74306	78661	53527	34219	48369	68933	88919	95534
РСФСР	293472	423496	40246	38886	38438	36114	46078	49934	35588	38893	22001	40540	56973	35263
1. Азово-Черномор. кр.	20568	20787	2834	2914	3284	4140	6723	6618	2719	1104	1302	2401	3536	3954
в том числе:														
Адыгейская авт. обл.	751	426	42	46	241	145	523	285	145	12	3	6	16	61
2. Дальне-Восточн. кр.	4975	5834	396	324	501	648	1234	1012	675	404	552	818	1230	1415
в том числе:														
Еврейская авт. обл.	120	103	6	18	37	52	171	12	25	10	9	19	61	48

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
3. Западно-Сибирск. кр.	10305	7607	963	1280	1406	1339	1834	3529	2960	2552	3264	4583	4817	3706
в том числе:														
Ойротская авт. обл.	116	158	28	24	38	45	35	12	14	15	10	57	114	51
4. Красноярский кр.	6721	6935	313	201	590	288	328	332	547	375	855	828	1104	783
в том числе:														
Хакасская авт. обл.	...	386	24	19	16	66	122	100	187	59	110	50	122	126
5. Орджоникидзевск. кр.	5771	12334	828	1167	1175	1218	2186	3194	1626	910	554	652	813	684
в том числе:														
Карачаевская авт. обл.	181	2464	13	76	70	67	...	48	2	4	10	8	28	38
Черкесская авт. обл.	251	413	22	30	60	194	139	119	53	13	2	119	13	17
6. Воронежская обл.	12330	238825	2054	2074	1493	1374	2147	2774	2405	1659	1691	2127	2309	2537
7. Восточно-Сибирск. обл.	6675	5307	299	260	534	593	715	1347	1592	956	1476	2975	1707	1158
8. Горьковская обл.	13268	14399	1417	1297	1410	1225	1683	1699	1116	767	1004	1482	1556	1652
9. Западная обл.	20643	10225	439	457	508	345	549	646	297	368	363	862	1243	1420
10. Ивановская обл.	9872	22171	1842	1506	1159	814	581	504	365	227	431	826	1197	1533
11. Калининская обл.	9880	14973	420	563	865	719	843	895	638	315	551	953	1078	1162
12. Кировская обл.	7533	5555	579	651	655	453	606	611	429	310	459	478	696	586
13. Куйбышевская обл.	6113	12428	1632	1320	998	603	966	1057	1097	753	732	918	1530	1805
14. Курская обл.	8823	12635	1273	850	864	664	689	1299	1302	753	1507	1515	1819	1909
15. Ленинградская обл.	8039	18999	967	1097	1283	951	1086	1153	818	627	1056	1512	1576	2317
16. Гор. Ленинград	12877	22380	3212	2791	2254	2200	1977	1339	538	240	333	580	827	1250
17. Московская обл.	22740	4079	2674	2169	2600	2681	3165	3371	2277	1309	1793	3095	3917	4195
18. Гор. Москва	12107	17553	2786	2615	2924	2934	2778	1593	664	286	383	869	1481	2312
19. Омская обл.	4359	5947	481	427	399	203	567	1122	1228	1233	1610	1822	2236	1119
20. Оренбургская обл.	2359	9218	883	754	828	491	683	891	469	430	479	691	828	1225
21. Саратовская обл.	4613	8879	936	1110	799	296	795	1126	826	589	990	1167	1427	1347
22. Свердловская обл.	13526	12427	2253	2331	2856	3637	2165	3307	2465	1497	2596	4359	4996	6123
23. Северная обл.	10388	14586	968	674	634	1411	984	985	690	278	612	645	1035	1189
24. Сталинградская обл.	5424	13011	2279	2064	1821	1987	2012	1810	1059	595	628	887	1263	1229
25. Челябинская обл.	5704	11932	1553	1480	1233	1080	1648	1870	1230	706	1244	1503	1306	1467
26. Ярославская обл.	5561	12765	2251	910	514	697	633	802	824	550	804	1750	1711	1329
27. Татарская АССР	3813	9823	1069	917	423	453	491	613	774	730	1145	1630	1756	1567
28. Башкирская АССР	5382	12384	938	1158	1179	583	784	1079	846	607	620	674	801	944
29. Дагестанская АССР	3640	8322	218	189	387	246	692	792	439	111	73	217	232	175
30. Бурят-Монгол. АССР	2746	2773	106	145	215	302	324	433	321	203	258	333	534	841
31. Кабард.-Балкар. АССР	947	1546	64	80	35	216	227	238	119	73	118	68	127	150
32. Калмыцкая АССР	630	1344	356	266	311	106	198	147	32	50	444	55	354	500
33. Карельская АССР	1832	694	41	48	16	2	21	48	36	58	102	133	296	448
34. Коми АССР	1161	1001	189	45	6	18	49	70	48	98	417	321	2803	2027
35. Крымская АССР	2022	8785	442	329	341	668	709	537	276	150	167	408	942	1404
36. Марийская АССР	990	782	161	193	91	191	163	125	171	142	96	113	83	75
37. Мордовская АССР	1838	2373	131	219	200	159	376	350	288	210	108	276	102	143
38. Немцев Поволж. АССР	1147	2186	210	220	169	280	370	531	524	270	304	325	607	629

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
39. Северо-Осет. АССР	1485	553	53	77	75	86	125	154	63	108	21	14	90	180
40. Удмуртская АССР	1869	1137	131	157	322	123	399	236	507	351	272	453	347	474
41. Чечено-Ингушск. АССР	2994	3085	81	275	425	391	175	293	87	65	68	7	70	141
42. Чувашская АССР	480	909	149	200	594	404	373	298	105	273	365	795	394	262
43. Якутская АССР	1882	783	320	7	7	27	104	49	37	18	64	393	105	207
УССР в том числе:	115158	64337	6661	6951	3276	8963	11958	14287	9368	5168	7798	14413	17724	17834
1. Винницкая обл.	15615	10250	908	1075	653	813	1658	1722	1320	711	869	1159	1209	1164
2. Днепропетровск. обл.	23872	6889	1083	1208	1970	2121	2292	2387	1179	535	802	1841	2293	2081
3. Донецкая обл.	30565	11394	1295	1384	1032	880	1603	2391	1513	990	938	2539	4775	5219
4. Киевская обл.	14204	6413	1042	1257	1769	1199	1513	2006	1400	940	443	3529	2812	2167
5. Одесская обл.	15972	7228	258	467	621	767	1339	1941	1140	608	932	1264	1491	2071
6. Харьковская обл.	13640	12554	1074	1157	1723	3787	3160	8217	2335	1205	2144	4142	4014	4254
7. Черниговская обл.	7016	9254	794	502	508	386	379	623	457	162	662	794	932	677
8. Молдавская АССР	4574	355	7	1	1	10	14	50	34	20	7	145	198	251
БССР	14251	19594	1852	1396	1299	1275	1203	1255	759	489	459	817	999	1293
	Дизентерия													
СССР	611596	228510	2445	2926	3661	6098	6098	35565	147504	217556	56842	11305	6542	5437
РСФСР	348509	199937	1768	2012	1578	1913	3520	29077	110283	185491	42099	8064	3890	3510
1. Азово-Черноморск. кр. в том числе:	11314	4767	61	66	91	60	124	207	568	997	489	164	72	67
Адыгейская авт. обл.	414	46	–	–	–	1	–	–	9	39	34	11	9	10
2. Дальне-Восточный кр. в том числе:	657	3459	29	23	29	15	28	277	421	935	330	78	51	76
Еврейская авт. обл.	10	737	–	–	–	–	5	139	23	19	1	3	–	3
3. Западно-Сибирск. кр. в том числе:	14714	22011	162	151	76	81	141	272	1061	1570	898	330	156	91
Ойротская авт. обл.	449	409	5	5	–	1	3	1	14	29	23	44	–	2
4. Красноярский кр. в том числе:	5173	9737	40	41	66	25	65	167	476	584	342	94	75	63
Хакасская авт. обл	...	1002	6	–	–	–	3	3	129	66	31	2	–	–
5. Орджоникидзевский кр. в том числе:	2602	1074	53	36	49	40	52	99	134	158	163	156	73	52
Карачаевская авт. обл.	62	95	5	2	–	1	–	1	1	11	9	9	8	4
Черкесская авт. обл.	44	61	–	–	–	1	–	5	–	–	–	–	–	1
6. Воронежская обл.	9367	13707	93	46	63	36	77	1312	5746	5460	1463	335	99	85
7. Восточно-Сибирск. обл.	2166	9003	11	277	22	53	102	372	2395	2278	1016	220	32	19
8. Горьковская обл.	13372	8682	56	52	43	135	240	1186	7995	13454	3466	341	142	122
9. Западная область	48211	7237	30	20	15	45	69	906	5966	9346	1860	178	79	61
10. Ивановская область	3794	3767	53	33	31	18	58	602	4129	6700	1322	237	108	99
11. Калининская область	9766	1254	15	5	10	9	27	297	3736	6149	976	107	32	30
12. Кировская область	8761	4411	21	11	21	4	26	341	3138	7309	1260	94	36	11
13. Куйбышевская обл.	817	8	4623	53	24	22	52	959	8413	3032	1020	280	140	153
14. Курская область	14408	4020	40	30	34	29	79	674	2541	2460	1113	160	101	101

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
15. Ленинградская обл.	4806	3652	50	116	74	65	130	673	9446	10795	2396	243	173	212
16. Гор. Ленинград	14477	8968	270	301	270	274	514	2134	6396	7166	1931	531	404	426
17. Московская обл.	8362	17036	148	139	139	187	368	3589	20143	27847	6178	832	329	274
18. Гор. Москва	7620	15638	140	133	108	330	611	5246	8893	8436	1211	310	235	248
19. Омская обл.	2196	4490	32	30	26	52	36	182	1295	1732	798	304	115	62
20. Оренбургская обл.	1238	4570	25	14	28	14	35	1595	3672	2015	561	128	60	66
21. Саратовская обл.	1535	2040	6	17	9	13	25	313	808	279	119	84	16	20
22. Свердловская обл.	5103	5759	33	48	35	64	92	338	4986	15125	313	611	261	275
23. Северная обл.	4767	2879	43	42	47	36	66	960	5462	9843	1563	327	98	93
24. Сталинградская обл.	2762	1379	8	45	7	17	29	138	682	380	83	39	93	38
25. Челябинская обл.	1609	5671	33	14	21	29	42	2821	1091	1422	1637	383	130	86
26. Ярославская обл.	3690	863	30	11	4	14	12	342	3640	4053	501	155	50	46
27. Татарская АССР	10671	9774	31	101	47	35	79	699	5936	7433	1918	330	171	81
28. Башкирская АССР	5581	6323	35	17	40	44	30	551	4994	9618	3200	408	196	153
29. Дагестанская АССР	323	777	15	7	8	20	20	30	99	107	36	41	23	42
30. Бурят-Монгольск. АССР	982	2003	6	17	20	19	19	204	513	1345	396	69	32	42
31. Кабард.-Балкар. АССР	1018	698	41	8	–	–	44	–	49	138	44	27	27	17
32. Калмыцкая АССР	589	337	11	3	11	19	14	34	163	78	221	21	39	10
33. Карельская АССР	1058	404	13	4	12	15	224	33	106	742	271	70	26	7
34. Коми АССР	93	202	–	–	–	1	3	6	148	482	119	5	10	3
35. Крымская АССР	1002	822	4	4	10	18	46	220	741	413	159	39	21	15
36. Марийская АССР	3263	1201	5	1	1	–	6	68	1573	3079	219	23	13	7
37. Мордовская АССР	4770	1836	8	5	6	14	15	551	1714	1062	424	75	54	55
38. Немцев Поволж. АССР	484	384	13	–	2	2	22	132	275	138	25	13	10	18
39. Северо-Осетинск.	326	157	6	5	11	4	7	1	18	3	17	2	2	14
40. Удмуртская АССР	1812	1724	13	3	3	2	6	164	2040	3317	520	149	52	51
41. Чечено-Ингушск. АССР	540	375	5	19	6	12	13	12	21	5	20	34	3	–
42. Чувашская АССР	3628	1389	8	10	7	15	11	437	3914	5799	814	91	62	74
43. Якутская АССР	1613	1954	29	88	57	42	70	125	270	302	209	131	76	40
УССР в том числе:	148733	26187	141	123	99	113	282	763	3456	8370	4822	1419	1379	172
1. Винницкая обл.	36537	4915	21	15	15	15	31	62	189	1657	1706	469	49	39
2. Днепропетровская обл.	8026	1577	14	8	4	8	29	37	118	144	56	35	6	16
3. Донецкая обл.	9394	5731	15	16	15	7	45	181	738	1080	610	213	80	51
4. Киевская обл.	34250	5663	50	27	16	26	55	124	939	2813	1429	370	52	13
5. Одесская обл.	10739	4088	16	20	29	24	35	106	366	429	284	67	38	14
6. Харьковская обл.	17984	2590	13	30	13	24	49	149	519	1021	468	113	34	35
7. Черниговская обл.	27297	701	9	4	6	5	20	55	504	1607	578	116	10	8
8. Молдавская АССР	3606	933	3	3	1	4	18	49	84	119	91	43	11	4
БССР	55264	3384	20	20	19	40	33	147	2769	10319	2494	431	101	53

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
	Малярия													
СССР	9540624	9193327	274713	275279	406825	628962	980141	943524	744685	859468	667083	342731	208875	159932
РСФСР	4133637	4869707	158394	159730	235580	363000	530508	485572	365462	448586	346328	163537	105473	85893
1. Азово-Черноморск. кр.	1052162	790247	47561	36440	42406	42983	49903	46982	48188	66178	53861	25647	17003	14156
в том числе:														
Адыгейская авт. обл.	36091	16000	1955	1456	1030	920	965	1310	2620	3150	2730	1455	800	400
2. Дальне-Восточн. кр.	4480	7236	136	218	405	955	1676	1705	877	618	670	261	96	197
в том числе:														
Еврейская авт. обл.	128	253	4	12	23	25	26	78	45	18	36	20	16	5
3. Западно-Сибирский кр.	386698	572115	11503	22502	48757	92082	112228	86455	51789	45101	36417	17789	11574	8066
в том числе:														
Ойротская авт. обл.	1459	1743	34	51	140	208	436	501	145	145	177	99	74	36
4. Красноярский кр.	77767	97328	1871	2481	8085	16657	24676	17401	8194	5966	4456	1458	894	507
в том числе:														
Хакасская авт. обл.	...	20998	16469	430	678	1872	3320	2863	1211	951	1241	369	243	162
5. Орджоникидзевский кр.	333992	160990	9618	8081	9281	7944	10490	10697	8219	8810	9862	6295	3760	2344
в том числе:														
Карачаевская авт. обл.	6451	5732	284	189	88	259	–	1148	456	189	1144	257	193	66
Черкесская авт. обл.	12769	4179	165	224	181	161	323	614	301	372	302	289	191	24
6. Воронежская обл.	412786	568290	12077	12072	15529	23373	46009	45688	43680	66209	46581	19506	10803	8860
7. Восточно-Сибирск. обл.	15593	41257	99	397	1750	4859	11273	9503	4623	2173	2201	722	487	365
8. Горьковская обл.	85766	109610	1763	1834	3934	9419	18171	17853	12209	15990	11157	4261	2484	1728
9. Западная область	32554	87903	531	898	2843	7496	12497	10896	7247	7359	4968	1597	1196	607
10. Ивановская обл.	16448	22418	107	90	431	1178	2966	3331	1941	3159	2056	638	184	158
11. Калининская обл.	2294	4708	30	45	88	173	632	573	484	862	448	92	73	40
12. Кировская обл.	10941	25622	364	291	638	980	2826	4640	3115	3449	2637	850	512	283
13. Куйбышевская обл.	368884	351088	11841	11767	14896	20958	28675	25696	21372	33447	25246	10105	7323	4778
14. Курская обл.	103778	235188	1123	1710	3252	7897	20202	20435	14446	14664	8927	2897	1245	763
15. Ленинградская обл.	9682	17288	142	197	316	787	2138	2230	1884	1960	1220	319	186	198
16. Гор. Ленинград	7876	11155	188	147	333	788	1613	1573	1036	1389	1249	412	175	112
17. Московская обл.	95208	117762	1016	1047	2491	6269	15885	13267	8439	13491	7181	2204	1212	1007
18. Гор. Москва	1584	15914	1023	753	2177	3319	3793	2954	2210	3974	2780	1258	985	694
19. Омская обл.	28274	34442	919	825	2030	5578	8790	8466	4867	3379	1922	724	1039	734
20. Оренбургская обл.	157619	175939	10229	11137	14369	14789	16309	15604	12446	17799	16196	9535	7265	6891
21. Саратовская обл.	385868	212233	6956	6580	9829	11980	13682	12040	12128	18156	15111	7143	4445	4471
22. Свердловская обл.	17429	21304	599	583	493	1064	3148	3114	2315	1584	1312	722	436	592
23. Северная обл.	27492	36902	194	107	334	1187	3252	3411	3302	4403	3300	1452	889	459
24. Сталинградская обл.	305790	280503	8739	8936	11704	13834	17629	17720	19189	22078	20356	11134	8070	8143
25. Челябинская обл.	131007	148930	2992	4506	9080	17983	27283	25639	15074	13402	9309	4154	2431	2020
26. Ярославская обл.	3786	4821	34	25	44	270	587	923	627	640	490	222	129	56
27. Татарская АССР	153795	221501	8069	8623	10483	16669	25038	24159	18391	22250	17465	9509	5964	4803
28. Башкирская АССР	100742	122274	3332	3013	5848	7757	13686	14737	9874	11008	9193	3947	3508	3353
29. Дагестанская АССР	73817	48197	4437	3144	1561	2702	2579	4716	2776	5143	1571	2902	1589	1507
30. Бурят-Монгол. АССР	4693	9145	70	61	373	1105	2009	2533	978	449	249	279	90	76

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
31. Кабард.-Балкарск. АССР	43297	44421	3481	2758	2372	3305	4179	3916	4403	7941	6448	4695	1965	666
32. Калмыцкая АССР	34990	20175	284	481	739	1011	1304	1114	1603	1075	1012	660	455	314
33. Карельская АССР	311	363	12	23	30	43	86	81	58	27	10	15	21	20
34. Коми АССР	1743	1999	13	5	13	46	182	348	103	323	219	55	33	13
35. Крымская АССР	15167	9067	150	170	284	788	1232	1123	847	857	622	228	163	65
36. Марийская АССР	15708	13835	196	185	503	1121	2885	2595	1075	957	678	682	124	139
37. Мордовская АССР	47658	59922	740	829	1421	3342	7308	5965	3506	4975	3951	2225	1163	1151
38. Немц. Поволжья АССР	116825	61065	2575	2346	1942	2097	2031	2072	1120	3832	3231	1472	1618	1487
39. Северо-Осетинск. АССР	42449	36652	1379	1156	1414	1334	1360	3137	2458	3561	3049	1143	729	928
40. Удмуртская АССР	2285	5624	142	138	256	453	891	727	905	655	224	238	133	169
41. Чечено-Ингуш. АССР	48588	32537	1335	2026	1855	2254	2352	2344	1960	5067	5466	2952	1573	1894
42. Чувашская АССР	11628	15900	412	387	720	1530	2487	3353	2166	2380	1455	636	565	363
43. Якутская АССР	9916	15837	112	116	271	2641	4616	3857	3338	1866	1572	602	884	716
УССР в том числе:	1994915	1936022	26043	28648	68039	13114	275854	271653	200550	207327	127417	49835	20942	15154
1. Винницкая обл.	24125	48098	228	224	1088	4335	11049	12454	7403	8446	5278	1989	543	180
2. Днепропетровск. обл.	686237	474555	11216	11737	24152	39760	67207	59675	44768	60622	42395	15142	7414	4981
3. Донецкая обл.	292952	239962	3671	3877	6372	16674	33197	38734	26940	33686	22930	7931	3476	2164
4. Киевская обл.	136913	240450	1546	1556	5715	14338	33537	34633	25948	22550	10588	3026	1172	728
5. Одесская обл.	413183	261614	5970	6920	16616	17317	48742	45620	43742	43394	27096	14859	5359	5460
6. Харьковская обл.	332669	494489	2556	3016	9818	26987	56443	55948	35734	26252	12919	4213	1873	1056
7. Черниговская обл.	86400	164821	616	930	3571	10425	23313	21443	13866	9651	4814	1961	888	493
8. Молдавская АССР	21746	12033	240	388	707	1278	2366	3146	2149	2726	1397	714	217	92
БССР	9562	30262	271	347	1300	3804	5736	5710	3436	2824	1106	250	141	63
	Оспа													
СССР	17701	3261	150	138	28	30	9	14	14	4	3	8	7	9
РСФСР	8924	1963	73	35	10	11	3	7	5	–	2	–	4	5
1. Азово-Черноморск. кр. в том числе: Адыгейская авт. обл.	80 –	–	–	–	–	–	– –	– –	– –	– –	– –	– –	– –	– –
2. Дальне-Восточный кр. в том числе: Еврейская авт. обл.	18 1	19 –	1 –	2 –	–	–	– –	– –	– –	– –	– –	– –	– –	– –
3. Западно-Сибирск. кр. в том числе: Ойротская авт. обл.	431 1	115 4	1 –	–	–	1	– –	– –	– –	– –	– –	– –	– –	2 –
4. Красноярский кр. в том числе: Хакасская авт. обл.	389 ...	6 –	–	–	–	10	– –	1 –	2 –	– –	– 1	– –	3 –	– –
5. Орджоникидзевский кр. в том числе: Карачаевская авт. обл. Черкесская авт. обл.	425 250 76	5 1 –	– – –	– – –	– – –	– – –	– – –	– – –	– – –	– – –	– – –	– – –	– – –	– – –
6. Воронежская обл.	46	9	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
7. Восточно-Сибирск. обл.	444	64	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	1	–
8. Горьковская обл.	329	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
9. Западная область	101	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
10. Ивановская область	36	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11. Калининская обл.	9	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
12. Кировская обл.	407	150	4	2	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–
13. Куйбышевская обл.	533	27	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
14. Курская область	96	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
15. Ленинградская обл.	18	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
16. Гор. Ленинград	2	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
17. Московская обл.	154	10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
18. Гор. Москва	7	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
19. Омская область	70	27	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–
20. Оренбургская обл.	24	8	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
21. Саратовская обл.	122	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
22. Свердловская обл.	577	12	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
23. Северная обл.	36	18	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
24. Сталинградская обл.	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
25. Челябинская обл.	97	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
26. Ярославская обл.	131	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
27. Татарская АССР	1046	157	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
28. Башкирская АССР	833	314	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
29. Дагестанская АССР	455	70	3	11	1	–	3	1	–	–	–	–	–	–
30. Бурят-Монгол. АССР	107	39	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
31. Кабардино-Балк. АССР	276	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
32. Калмыцкая АССР	31	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
33. Карельская АССР	7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
34. Коми АССР	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
35. Крымская АССР	25	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
36. Марийская АССР	585	369	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
37. Мордовская АССР 47	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
38. Немцев Поволж. АССР	20	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
39. Северо-Осетинск. АССР	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
40. Удмуртская АССР	247	16	1	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–
41. Чечено-Ингушск. АССР	64	334	59	18	4	–	–	4	1	–	–	–	–	–
42. Чувашская АССР	588	164	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
43. Якутская АССР	4	3	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	–
УССР в том числе:	249	11	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
1. Винницкая обл.	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2. Днепропетровск. обл.	54	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10-	11	12	13	14	15
3. Донецкая обл.	37	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4. Киевская обл.	101	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
5. Одесская обл.	24	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6. Харьковская обл.	18	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7. Черниговская обл.	10	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
8. Молдавская АССР	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
БССР	432	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	Возвратный тиф													
СССР	16605	3282	46	65	46	46	130	142	79	70	82	54	60	51
РСФСР	10330	1453	18	19	21	16	20	29	13	15	19	6	21	6
1. Азово-Черноморск. кр.	679	15	–	–	1	2	2	1	2	1	–	–	–	–
в том числе:														
Адыгейская авт. обл.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2. Дальне-Восточный кр.	14	19	2	1	1	–	2	–	2	3	4	–	–	–
в том числе:														
Еврейская авт. обл.	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3. Западно-Сибирск. кр.	891	230	5	5	5	5	7	5	4	6	3	3	6	1
в том числе:														
Ойротская авт. обл.	–	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4. Красноярский край	814	17	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–
в том числе:														
Хакасская авт. обл.	...	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
5. Орджоникидзевский кр.	126	11	–	–	2	1	2	–	2	–	–	–	–	–
в том числе:														
Карачаевская авт. обл.	8	4	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Черкесская авт. обл.	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6. Воронежская обл.	457	58	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7. Восточно-Сибирск. обл.	12	6	–	1	2	2	–	–	–	–	2	–	–	–
8. Горьковская обл.	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
9. Западная область	496	258	–	3	1	1	3	1	–	3	–	–	5	–
10. Ивановская область	15	13	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11. Калининская обл.	8	21	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
12. Кировская обл.	...	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
13. Куйбышевская обл.	239	67	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
14. Курская область	165	71	1	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–
15. Ленинградская обл.	13	3	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–
16. Гор. Ленинград	46	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
17. Московская область	903	50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
18. Гор. Москва	654	43	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
19. Омская область	902	187	1	3	4	3	–	–	–	–	4	–	–	–
20. Оренбургская обл.	137	31	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	1	2
21. Саратовская обл.	152	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	1
22. Свердловская обл.	518	23	4	–	2	–	1	1	–	–	1	1	–	–
23. Северная область	111	30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
24. Сталинградская обл.	472	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
25. Челябинская обл.	1649	131	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
26. Ярославская обл.	92	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
27. Татарская АССР	53	11	–	–	–	–	–	13	–	–	1	2	6	–
28. Башкирская АССР	550	88	3	–	–	–	–	–	–	1	1	–	1	1
29. Дагестанская АССР	39	6	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–
30. Бурят-Монгольская АССР	9	9	–	–	–	–	1	3	–	–	–	–	–	–
31. Кабард.-Балкарск. АССР	7	10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
32. Калмыцкая АССР	33	13	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
33. Карельская АССР	9	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
34. Коми АССР	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
35. Крымская АССР	22	5	–	–	1	1	1	–	–	–	2	–	–	–
36. Марийская АССР	11	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
37. Мордовская АССР	10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
38. Немцев Поволж. АССР	11	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
39. Северо-Осетин. АССР	9	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
40. Удмуртская АССР	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
41. Чечено-Ингушск. АССР	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
42. Чувашская АССР	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
43. Якутская АССР	...	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
УССР в том числе:	2601	731	14	1	–	–	1	2	2	1	–	–	–	–
1. Винницкая обл.	16	6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2. Днепропетровск. обл.	296	7	3	1	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–
3. Донецкая обл.	262	32	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4. Киевская обл.	428	430	–	–	–	–	–	–	2	1	–	–	–	–
5. Одесская обл.	80	9	9	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
6. Харьковская обл.	1443	219	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7. Черниговская обл.	75	28	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
8. Молдавская АССР	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
БССР	147	156	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	Брюшной тиф и паратиф													
СССР	212182	147243	9523	6931	5399	4752	4617	4859	7931	20245	20657	18285	14200	13583
РСФСР	107748	86148	5582	4091	3298	2905	3017	2142	5408	15747	20852	12542	9570	9324
1. Азово-Черномор. кр.	7033	3872	217	120	89	79	89	71	119	331	313	249	223	132
в том числе: Адыгейская авт. обл.		69	24	3	2	–	1	3	9	10	13	16	19	6
2. Дальне-Восточн. кр.	3104	2688	105	52	41	41	38	50	109	127	150	200	244	125
в том числе: Еврейская авт. обл.	131	92	3	–	3	–	1	3	7	19	15	9	3	6
3. Западно-Сибирск. кр.	8012	6543	430	298	214	171	203	209	240	311	331	360	372	406
в том числе: Ойротская авт. обл.	150	109	8	6	10	5	6	3	3	5	2	3	6	18

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
4. Красноярский кр.	8967	1722	165	82	81	73	66	52	66	98	138	127	107	69
в том числе:														
Хакасская авт. обл.	...	120	69	4	7	15	10	6	1	1	7	8	2	1
5. Орджоникидзевск. кр.	1950	1075	108	59	63	46	50	50	72	137	123	89	101	82
в том числе:														
Карачаевская авт. обл.	209	149	17	6	5	3	...	3	8	17	19	6	13	6
Черкесская авт. обл.	61	33	2	—	—	—	1	2	3	5	6	6	4	7
6. Воронежская обл.	5162	7704	672	455	296	128	211	208	357	723	906	687	487	718
7. Восточно-Сибирск. обл.	2453	2128	68	34	47	64	45	50	62	201	269	188	193	158
8. Горьковская обл.	2449	1509	105	82	41	49	40	51	114	642	1111	531	295	257
9. Западная обл.	5383	3644	206	192	389	264	189	139	207	757	572	327	269	304
10. Ивановская обл.	1673	1326	81	87	54	51	54	84	136	652	715	411	206	172
11. Калининская обл.	2108	2350	132	98	99	77	99	122	205	710	744	869	267	203
12. Кировская обл.	1562	1127	80	92	84	49	64	45	79	360	677	344	233	204
13. Куйбышевская обл.	4354	4066	210	193	126	89	78	128	211	958	1848	1213	691	544
14. Курская обл.	4141	3067	228	143	97	106	175	188	303	481	651	356	234	370
15. Ленинградская обл.	2961	3602	251	216	129	142	155	194	263	548	756	478	417	628
16. Гор. Ленинград	3938	1978	104	67	62	81	70	88	205	366	457	253	162	160
17. Московская обл.	8453	8417	478	402	216	279	361	337	637	2853	3173	1802	1290	1177
18. Гор. Москва	3928	3432	170	167	131	182	160	277	647	947	769	424	367	299
19. Омская обл.	2285	2161	129	109	74	103	91	90	77	152	309	237	250	201
20. Оренбургская обл.	632	2236	54	50	23	34	38	39	68	239	319	162	219	141
21. Саратовская обл.	1029	2060	65	69	73	67	69	36	88	182	294	208	141	117
22. Свердловская обл.	6028	2603	171	114	121	112	105	99	117	305	603	330	232	486
23. Северная обл.	2880	1327	83	92	57	46	67	66	128	443	496	330	234	280
24. Сталинградск. обл.	1710	1462	110	52	62	35	26	46	58	133	197	194	145	95
25. Челябинская обл.	4834	1866	115	86	76	80	46	38	74	203	417	270	260	235
26. Ярославская обл.	1705	1035	100	90	72	108	109	88	246	825	1021	465	345	289
27. Татарская АССР	2627	1848	150	129	75	45	33	57	73	610	947	409	377	393
28. Башкирская АССР	1879	2037	296	215	107	71	51	76	154	658	886	649	380	520
29. Дагестанская АССР	431	905	9	21	21	10	11	12	11	40	34	23	40	21
30. Бурят-Монгольск. АССР	815	1087	37	20	50	15	18	14	38	54	95	110	56	94
31. Кабардино-Балк. АССР	337	266	24	13	7	1	4	2	3	11	4	21	25	38
32. Калмыцкая АССР	141	67	11	2	1	3	12	6	9	24	29	28	23	11
33. Карельская АССР	282	297	42	22	9	9	26	3	2	35	86	59	120	76
34. Коми АССР	30	69	5	2	3	—	6	—	—	12	5	—	—	5
35. Крымская АССР	1639	968	81	36	18	29	32	37	58	126	145	80	74	42
36. Марийская АССР	270	301	27	1	1	—	24	4	8	52	47	49	10	12
37. Мордовская АССР	808	683	40	44	30	46	17	7	20	144	204	114	99	118
38. Немц. Поволжья АССР	218	247	11	15	15	2	1	5	10	22	50	35	23	21
39. Северо-Осетин. АССР	288	235	9	7	4	9	1	4	4	11	30	9	11	14
40. Удмуртская АССР	457	324	24	6	18	17	13	10	37	69	125	84	55	60

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
41. Чечено-Ингушск. АССР	507	697	10	19	13	6	7	7	15	18	10	14	16	9
42. Чувашская АССР	194	418	30	8	5	7	3	13	27	66	66	79	63	108
43. Якутская АССР	891	499	33	12	12	24	24	16	16	39	100	86	95	42
УССР в том числе:	64796	30922	1869	1306	834	659	508	518	882	1740	2392	2049	1560	1242
1. Винницкая обл.	3856	2808	227	204	152	99	73	65	158	159	238	198	135	179
2. Днепропетровск. обл.	12922	4797	361	277	151	107	93	79	154	245	292	288	224	191
3. Донецкая обл.	22372	10374	431	255	120	111	69	66	101	300	618	527	443	277
4. Киевская обл.	4569	2881	177	150	108	95	94	81	130	335	351	271	195	177
5. Одесская обл.	7750	4862	356	209	151	118	62	102	151	315	319	343	282	196
6. Харьковская обл.	9546	3691	215	157	109	87	73	69	134	266	381	258	192	162
7. Черниговская обл.	1654	832	66	29	20	23	20	41	37	94	153	142	82	30
8. Молдавская АССР	1627	677	36	27	13	19	22	15	17	26	40	22	7	10
БССР	6637	2730	168	147	177	211	209	136	251	473	567	317	270	238
	Сыпной тиф													
СССР	442394	187393	14454	13077	11300	11768	11304	6087	2355	1463	1520	2899	5258	9401
РСФСР	318508	101901	10350	9359	6001	8474	3885	4793	1874	1192	1485	2177	4078	7845
1. Азово-Черноморск. кр. в том числе:	9803	1229	101	69	80	66	46	22	7	12	20	26	39	54
Адыгейская авт. обл.	132	17	—	1	2	—	1	—	—	2	—	3	4	—
2. Дальне-Восточн. кр. в том числе:	3002	448	15	15	32	12	13	9	—	3	3	3	4	5
Еврейская авт. обл.	56	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3. Западно-Сибирск. кр. в том числе:	36003	14317	925	989	634	631	810	670	372	217	281	409	889	1184
Ойротская авт. обл.	715	702	125	129	41	80	128	80	27	21	6	3	18	25
4. Красноярский край в том числе:	15818	3062	279	194	140	160	136	122	91	30	31	82	126	263
Хакасская авт. обл.	...	110	13	30	34	22	11	23	34	4	4	5	3	77
5. Орджоникидзевск. кр. в том числе:	2583	304	82	57	70	19	45	52	18	4	11	6	21	21
Карачаевск. авт. обл.	128	15	30	11	14	5	...	24	5	—	—	—	3	1
Черкесская авт. обл.	203	31	1	2	3	4	11	9	4	—	3	1	5	1
6. Воронежская обл.	15532	6918	1451	1082	951	868	931	593	147	51	41	124	205	596
7. Восточно-Сибирск. обл.	7819	1911	62	72	168	90	103	69	39	26	46	64	43	85
8. Горьковск. обл.	5904	1847	238	108	139	77	109	84	19	12	19	43	130	197
9. Западная обл.	30186	16002	1074	1100	1032	1110	1078	361	103	60	107	121	318	435
10. Ивановская обл.	1438	223	27	24	21	30	28	7	5	1	4	5	8	12
11. Калининская обл.	2466	1021	160	147	82	80	43	27	8	22	21	25	123	134
12. Кировская обл.	4371	1751	246	207	213	193	281	87	46	20	37	47	64	322
13. Куйбышевская обл.	19036	4773	419	443	368	339	260	192	72	26	35	103	183	391
14. Курская обл.	14842	6842	1030	1078	1022	1106	1444	646	201	151	134	105	162	463
15. Ленинградская обл.	1748	1008	85	75	70	70	97	36	10	4	6	20	40	67
16. Гор. Ленинград	1415	651	58	52	43	83	88	63	49	50	49	65	63	63

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
17. Московская обл.	15660	4960	818	614	471	591	547	292	79	69	64	174	185	389
18. Гор. Москва	4548	1354	104	90	99	107	103	77	61	37	50	48	47	101
19. Омская обл.	15736	5388	431	408	193	176	237	155	86	57	91	103	151	336
20. Оренбургская обл.	3945	1423	120	122	103	86	25	11	17	11	18	23	17	23
21. Саратовская обл.	7211	1276	114	109	90	100	78	40	9	6	9	18	36	48
22. Свердловская обл.	17794	3386	249	323	292	249	149	126	65	25	57	105	157	234
23. Северная обл.	2998	1295	226	154	132	299	298	128	16	25	39	47	108	176
24. Сталинградская обл.	4484	893	101	76	58	76	50	28	7	7	8	11	45	66
25. Челябинская обл.	23016	3405	229	194	131	183	126	71	34	36	33	62	61	60
26. Ярославская обл.	1115	382	61	50	34	178	131	10	20	6	9	31	32	40
27. Татарская АССР	11857	3042	313	381	368	376	421	155	68	50	83	92	247	433
28. Башкирская АССР	10928	4159	418	287	167	124	167	96	51	52	41	32	62	164
29. Дагестанская АССР	710	244	10	5	49	23	7	23	8	1	2	1	24	100
30. Бурято-Монгол. АССР	4420	1953	59	24	61	45	75	28	18	15	16	17	51	55
31. Кабардино-Балкар. АССР	226	37	16	25	9	3	3	2	3	2	1	–	–	–
32. Калмыцкая АССР	441	91	10	28	17	18	22	7	–	2	14	3	6	12
33. Карельская АССР	400	152	7	6	7	12	17	4	6	2	–	2	16	9
34. Коми АССР	248	90	30	5	3	–	8	4	–	–	–	–	–	–
35. Крымская АССР	953	110	30	15	16	6	14	8	2	2	5	5	8	13
36. Марийская АССР	1775	701	68	29	15	72	60	43	12	4	6	36	49	186
37. Мордовская АССР	7228	2196	385	378	333	484	583	279	73	62	53	49	63	225
38. Немцев Поволжья АССР	1007	107	10	15	9	28	10	2	–	–	–	2	2	29
39. Северо-Осетинск. АССР	154	96	5	2	1	2	3	–	2	2	1	–	–	4
40. Удмуртская АССР	4449	1366	205	225	157	162	102	38	21	8	27	44	105	176
41. Чечено-Ингушск. АССР	330	159	6	11	4	8	23	11	–	–	–	2	23	5
42. Чувашская АССР	4866	1319	64	73	127	134	124	115	29	12	12	22	75	169
43. Якутская АССР	43	12	9	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–
УССР в том числе:	65632	13975	2205	2109	1934	1504	1173	632	249	131	206	374	544	1132
1. Винницкая обл.	6316	3371	812	767	792	634	490	273	84	38	39	90	123	288
2. Днепропетровск. обл.	10830	1111	120	119	93	60	76	41	10	12	16	42	39	117
3. Донецкая обл.	6474	1276	176	199	141	116	85	29	25	11	27	46	53	74
4. Киевская область	8951	2580	214	333	256	191	136	93	43	28	27	45	68	208
5. Одесская область	5966	823	200	118	152	108	74	52	25	12	26	38	76	128
6. Харьковская обл.	15977	2173	361	240	205	175	111	58	28	14	40	71	86	174
7. Черниговская обл.	9957	2384	293	290	267	186	171	78	32	15	26	37	35	113
8. Молдавская АССР	1161	257	29	43	28	34	30	8	2	1	5	5	14	30
БССР	13416	11284	1023	822	847	1141	713	288	85	37	66	131	176	434
	Дифтерия													
СССР	3792	3091	98	116	95	140	151	370	686	862	570	332	203	174
РСФСР	1988	1078	42	66	55	84	69	196	344	345	276	142	110	89

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1. Азово-Черноморский кр.	290	263	8	5	8	7	4	24	46	46	30	18	12	7
в том числе:														
Адыгейская авт. обл.	1	4	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–
2. Дальне-Восточный кр.	26	13	–	–	1	–	1	1	1	1	1	1	–	–
в том числе:														
Еврейская авт. обл.	1	10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3. Западно-Сибирский кр.	41	52	5	2	–	–	3	7	12		2	4	3	–
в том числе:														
Ойротская авт. обл.	2	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4. Красноярский кр.	20	6	–	–	–	–	–	1	12	1	–	–	–	–
в том числе:														
Хакасская авт. обл.	...	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
5. Орджоникидзевский кр.	179	195	2	6	11	9	6	17	11	26	30	14	7	17
в том числе:														
Карачаевская авт. обл.	–	26	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1
Черкесская авт. обл.	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–	–
6. Воронежская обл.	182	118	7	3	3	11	6	13	27	65	10	9	5	3
7. Восточно-Сибирская обл.	5	32	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–
8. Горьковская обл.	45	21	–	–	1	2	1	7	1	15	8	3	1	1
9. Западная обл.	55	31	1	–	1	–	2	1	10	21	6	–	–	–
10. Ивановская область	–	7	–	–	–	–	–	4	7	1	–	1	–	–
11. Калининская обл.	5	11	–	–	–	–	–	1	1	1	–	–	–	–
12. Кировская обл.	...	...	–	–	–	–	–	1	5	4	–	–	–	–
13. Куйбышевская обл.	120	61	5	2	5	2	6	11	20	49	17	9	4	4
14. Курская область	36	26	–	1	4	2	3	13	20	22	6	4	4	1
15. Ленинградская обл.	1	10	–	–	–	1	–	4	1	4	–	–	–	–
16. Гор. Ленинград	2	12	1	–	–	–	–	1	–	4	2	2	–	–
17. Московская область	62	35	–	2	1	2	2	13	36	22	4	2	2	3
18. Гор. Москва	22	6	–	3	1	1	1	7	3	7	–	1	2	–
19. Омская область	20	20	–	1	–	2	–	1	14	2	1	1	2	3
20. Оренбургская область	49	46	–	4	1	1	4	8	9	23	10	4	6	2
21. Саратовская обл.	47	49	2	4	2	2	6	6	19	12	7	7		1
22. Свердловская область	3	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
23. Северная область	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3
24. Сталинградская область	168	81	2	1	3	8	10	8	17	16	20	16	16	9
25. Челябинская область	8	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
26. Ярославская область	–	–	–	–	–	–	–	4	2	–	–	–	–	–
27. Татарская АССР	79	36	2	–	3	2	–	6	6	16	13	2	7	2
28. Башкирская АССР	104	70	1	5	–	–	1	4	13	12	7	7	–	1
29. Бурят-Монгольск. АССР	14	14	–	–	–	–	–	–	1	2	–	–	–	–
30. Дагестанская АССР	70	89	5	11	1	13	8	8	23	27	23	10	13	5
31. Кабардино-Балкар. АССР	13	23	1	1	1	–	–	2	1	7	16	9	6	6
32. Калмыцкая АССР	49	79	4	2	5	12	2	13	14	20	15	2	6	13
33. Карельская АССР	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
34. Коми АССР	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
35. Крымская АССР	68	56	–	6	2	3	2	6	1	15	10	3	6	2
36. Марийская АССР	9	4	–	–	–	1	2	–	2	2	6	–	–	–
37. Мордовская АССР	8	10	–	–	–	–	–	–	6	22	–	3	–	–
38. Немцев Поволжья АССР	7	5	–	–	–	–	1	1	1	2	1	1	1	–
39. Северо-Осетинск. АССР	99	32	1	6	–	–	2	3	10	4	12	3	–	6
40. Удмуртская АССР	–	–	–	–	–	–	–	–	–	5	4	1	–	–
41. Чечено-Ингушск. АССР	...	...	–	–	–	3	–	–	1	4	7	1	–	2
42. Чувашская АССР	49	11	–	–	–	–	3	4	6	7	3	3	–	1
43. Якутская АССР	...	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
УССР в том числе:	499	382	13	11	6	15	21	58	120	164	64	23	22	16
1. Винницкая область	119	73	–	–	3	4	5	10	19	25	4	5	3	–
2. Днепропетровская обл.	30	70	58	2	–	2	1	11	8	14	9	6	2	1
3. Донецкая обл.	47	22	1	–	–	1	1	5	2	39	11	1	1	6
4. Киевская область	102	75	–	1	–	3	3	12	37	45	6	1	2	1
5. Одесская область	77	77	5	6	2	1	5	10	34	13	16	4	1	6
6. Харьковская обл.	42	34	5	2	1	3	5	4	7	14	8	6	9	–
7. Черниговская область	26	20	–	–	–	1	–	6	11	7	10	–	4	1
8. Молдавская АССР	6	11	–	–	–	–	1	–	2	7	–	–	–	1
БССР	–	7	–	–	–	–	1	6	14	7	–	1	–	1
	Сибирская язва													
СССР	134205	109961	8917	7807	6893	5921	5938	6975	5311	6601	9117	10101	8893	8483
РСФСР	94203	75746	6279	5312	4978	4119	4294	4373	3650	4693	6511	7093	6349	6095
1. Азово-Черноморск. кр. в том числе: Адыгейская авт. обл.	3059 14	2476 24	196 –	180 –	195 4	146 –	146 11	156 –	95 1	144 –	208 5	182 4	126 1	154 4
2. Дальне-Восточный кр. в том числе: Еврейская авт. обл.	747 24	791 23	57 2	64 1	58 1	63 1	78 –	85 4	69 –	102 –	79 –	113 –	98 1	119 3
3. Западно-Сибирский кр. в том числе: Ойротская авт. обл.	2761 53	2891 37	210 1	220 1	190 2	159 2	168 –	154 –	196 2	210 3	264 2	279 1	251 4	228 5
4. Красноярский кр. в том числе: Хакасская авт. обл.	1506 ...	723 32	38 2	53 4	45 4	51 3	30 3	29 2	19 –	53 –	65 2	67 2	52 2	38 1
5. Орджоникидзевск. кр. в том числе: Карачаевская авт. обл. Черкесская авт. обл.	890 40 38	810 73 15	63 – –	92 7 2	48 3 1	49 2 –	49 ... –	56 – 1	40 1 –	45 – –	53 2 –	65 9 1	72 2 2	45 3 1
6. Воронежская обл.	5630	4578	321	255	235	164	144	203	215	207	274	271	234	237
7. Восточно-Сибирск. обл.	831	942	53	74	78	49	60	115	57	51	74	78	68	49
8. Горьковская обл.	3210	2894	238	214	201	135	148	143	116	121	191	189	175	171
9. Западная обл.	6953	4025	261	222	198	159	165	168	178	170	297	369	467	276
10. Ивановская обл.	3821	3169	279	268	215	184	172	157	89	172	251	258	226	231
11. Калининская обл.	3564	2590	210	126	153	98	99	88	104	124	241	249	167	168
12. Кировская обл.	773	856	95	67	72	69	66	64	55	55	90	71	106	88

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
13. Куйбышевская обл.	3659	3588	339	244	203	167	202	201	202	244	282	258	203	238
14. Курская обл.	3173	2297	217	140	111	108	138	153	181	178	290	279	182	185
15. Ленинградская обл.	2335	2021	169	140	137	85	92	127	102	116	179	194	160	191
16. Гор. Ленинград	3099	2341	148	173	131	155	132	72	57	83	203	258	283	339
17. Московская обл.	15539	11660	938	742	597	520	893	587	477	582	766	1018	825	736
18. Гор. Москва	9758	8859	684	590	698	647	540	430	364	554	795	1033	950	825
19. Омская область	928	877	58	60	75	53	69	46	54	41	86	80	97	86
20. Оренбургская обл.	987	1469	89	88	76	59	72	52	44	112	109	95	81	91
21. Саратовская обл.	1825	1565	124	99	86	76	72	84	72	54	289	134	108	118
22. Свердловская обл.	3069	3033	283	256	281	193	232	339	185	415	286	272	282	307
23. Северная область	1158	1054	121	73	78	50	66	84	29	48	84	101	118	138
24. Сталинградская обл.	1496	933	62	57	36	57	50	36	34	29	67	86	97	80
25. Челябинская обл.	1809	1331	131	148	164	90	133	95	90	119	113	117	109	115
26. Ярославская обл.	2493	2670	203	218	141	127	106	161	107	174	264	297	286	234
27. Татарская АССР	2019	2169	154	186	121	143	147	139	132	123	150	145	139	163
28. Башкирская АССР	1914	2055	152	137	119	68	85	105	74	99	107	100	65	92
29. Дагестанская АССР	187	159	19	5	5	8	13	4	17	14	15	34	9	9
30. Бурят-Монгольск. АССР	295	383	32	17	14	30	21	17	25	20	39	19	29	25
31. Кабард.-Балкарск. АССР	122	88	1	2	5	4	4	5	35	3	12	24	31	7
32. Калмыцкая АССР	135	89	17	10	4	9	6	23	18	7	13	13	13	30
33. Карельская АССР	166	84	14	5	9	5	7	5	6	8	11	14	9	21
34. Коми АССР	54	35	–	3	1	–	–	6	–	2	4	3	7	8
35. Крымская АССР	1382	649	64	56	35	25	27	20	13	15	34	56	36	43
36. Марийская АССР	311	184	34	11	12	12	18	17	23	18	16	25	8	21
37. Мордовская АССР	866	753	61	55	53	33	40	56	32	95	70	105	59	54
38. Немцев Поволж. АССР	151	272	16	14	16	5	10	9	11	12	20	14	22	21
39. Северо-Осетинск. АССР	210	107	8	12	4	7	8	3	4	5	7	9	3	8
40. Удмуртская АССР	568	573	49	58	41	26	49	31	10	33	43	60	57	65
41. Чечено-Ингушск. АССР	359	167	7	4	9	3	3	6	1	2	4	7	7	10
42. Чувашская АССР	496	422	28	72	27	15	23	22	12	31	52	35	35	27
43. Якутская АССР	...	114	36	3	41	13	11	20	6	10	14	17	28	7
УССР в том числе:	16828	9667	747	759	607	606	549	561	742	1105	1053	811	804	
1. Винницкая обл.	2472	1481	135	144	102	133	140	117	104	142	215	161	111	78
2. Днепропетровская обл.	1781	1012	77	89	76	47	50	59	48	71	119	115	105	88
3. Донецкая обл.	2746	1264	96	86	62	63	42	46	36	59	116	107	88	79
4. Киевская обл.	3276	2241	162	182	145	134	110	107	76	159	196	233	140	143
5. Одесская обл.	1700	877	76	85	63	66	69	52	63	80	76	78	69	90
6. Харьковская обл.	2670	1414	85	7371	100	86	89	94	153	284	261	228	258	
7. Черниговская обл.	2058	1261	107	89	81	57	40	86	47	75	88	83	62	62
8. Молдавская АССР	125	117	9	11	7	6	12	5	4	3	9	5	11	6
БССР	7398	6506	410	363	284	262	252	291	262	227	367	473	334	305

См.РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 114. Л. 75–100.

Приложение 2

Районы Ленинградской области, в которых детская смертность повысилась в 1934 г.

Наименование района	1933 г.	1934 г.
1	2	3
1. Кингисеппский	124,4	128,7
2. Ораниенбаумский	137,9	156,6
3. Куйвозовский	126,5	129,0
4. Вашкинский	159,3	186,2
5. Оятский	218,1	264,8
6. Тихвинский	182,3	222,0
7. Киришский	202,7	216,7
8. Осьминский	126,1	143,9
9. Лядский	88,5	98,6
10. Гдовский	131,7	136,8
11. Середкинский	87,3	138,5
12. Струго-Красненский	130,6	155,7
13. Псковский	172,8	184,5
14. Славковский	190,5	215,7
15. Порховской	181,0	219,8
16. Солецкий	167,2	193,0
17. Батецкий	159,5	164,1
18. Новгородский	157,0	197,2
19. Крестецкий	168,3	187,3
20. Лычковский	203,3	206,6
21. Старорусский	179,1	186,4
22. Дедовичский	121,9	226,5
23. Бежаницкий	131,6	165,6
24. Новоржевский	150,7	192,8
25. Пушкинский	140,7	160,1
26. Залучский	152,4	213,0
27. Молвотицкий	140,0	177,7
28. Демянский	207,9	246,5
29. Бологовский	152,1	201,7
30. Мошенский	156,0	172,4
31. Боровичский	166,4	204,7
32. Любытинский	195,4	202,0
33. Дрегельский	151,4	159,3
34. Капшинский	211,3	255,2
35. Ефимовский	142,6	177,8
36. Чагодощенский	243,4	252,7
37. Пестовский	212,7	275,4
38. Устюженский	203,8	331,2
39. Череповецкий	200,4	240,9
40. Мяксинский	237,4	300,4
41. Пришекснинский	232,4	240,6
42. Петриневский	191,2	201,3
43. Кирилловский	142,5	227,2
44. Дновский	179,9	222,8
45. Кадуйский	162,8	198,5

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 29.

Приложение 3

Распределение районов Ленинградской области по величине детской смертности в 1934 г.

Число умерших на 1-м году жизни на 1000 родившихся

101 – 150		151 – 200	
Район.	Показ.	Район.	Показ.
Кингисеппский	128,7	Ораниенбаумский	156,6
Куйвозовский	129,0	Пригородный	181,0
Мгинский	122,4	Волховской	153,6
Пашский	148,8	Подпорожский	179,2
Белозерский	144,7	Винницкий	185,3
Хвойнинский	144,1	Вытегорский	155,4
Бор. Судский	127,7	Ковжинский	152,3
Поддорский	117,0	Вашкинский	186,2
Середкинский	138,5	Мошенский	172,4
Гдовский	136,8	Бабаевский	181,4
Осьминский	143,9	Ефимовский	177,8
Волосовский	121,7	Дрегельский	159,3
Тосненский	142,4	Маловишерский	166,7
Красногвардейский	150,8	Крестецкий	187,3
		Молвотицкий	177,7
		Старорусский	186,4
		Солецкий	193,0
		Новоржевский	192,8
		Опочецкий	157,8
		Пушкинский	160,1
		Островский	176,6
		Псковский	184,5
		Струго-Красненский	155,7
		Чудовский	157,4
		Батецкий	164,1
		Лужский	158,4
		Бежаницкий	165,6
		Новгородский	197,2
		Окуловский	153,0
		Кадуйский	198,5

201 – 250		251 – 300		301 и бол.	
Район.	Показ.	Район.	Показ.	Район.	Показ.
Лодейнопольский	209,2	Оятский	264,8	Устюженский	331,2
Вознесенский	204,0	Чароверский	288,4	Мяксинский	300,4
Оштинский	250,5	Пестовский	275,4		
Андомский	220,8	Чагодощенский	252,7		
Шольский	216,2	Капшинский	255,2		
Кирилловский	227,2				
Петриневский	201,3				
Череповецкий	240,9				
Пришекснинский	240,6				
Боровичский	204,7				
Любытинский	202,0				
Лычковский	205,6				
Демянский	246,5				
Залучский	213,0				
Дедовичский	226,5				
Дновский	222,8				
Порховской	219,8				
Славковский	215,7				
Киришский	216,1				
Тихвинский	223,0				
Бологовский	201,7				
Валдайский	218,8				

Указатель имен*

Адамец С. — 222
Ангелина П. — 173
Андреев Е.М. — 5, 34, 47, 49, 221—224
Араловец Н.А. — 4
Блюм А. — 222
Бозин Д. — 51
Вознесенский Н. — 48
Волков А.В. — 5, 47, 48, 221, 223
Воронов И.К. — 227
Гитлер А. — 188
Данилов В.П. — 5, 155, 221, 227
Дарский Л.Е. — 5, 34, 47, 49, 221—223
Дугин А.Н. — 8
Дэвис Р.У. — 221
Захаров С. — 222
Зеленин И.Е. — 4, 166, 221, 227
Земсков В.Н. — 5, 8, 45, 223
Ивницкий Н.А. — 4, 221
Исупов В.А. — 4, 49, 65, 221, 223, 224
Кабанов В.В. — 158, 226
Калинин М.И. — 63
Каплун С. — 11
Кириллова Д.А. — 5, 221, 222
Киселев И.Н. — 5, 94, 96, 222, 224
Кондратьев Н.В. — 157
Кондрашин В.В. — 4, 45, 221, 223
Конквест Д. — 4, 221
Корнилов Г.Е. — 4, 221
Краваль И.А. — 37, 42, 43, 48, 61, 62, 186
Кульчицкий С.В. — 45, 223
Курман М.В. — 34, 43—45
Лившиц Ф.Д. — 5, 47, 221, 223
Литвинов М.М. — 189
Максудов С. — 49, 221, 222
Матюгин А.А. — 227
Молотов В.М. — 36, 42, 48, 63
Осколков Е.Н. — 4, 221
Перковский А.Л. — 45, 223
Поляков Ю.А. — 5, 94, 96, 151, 222, 224
Попов П.И. — 36
Рашин А.Г. — 222
Саматов М.С. — 45, 46
Саутин И.И. — 48, 51, 63—65
Сталин И.В. — 36, 42, 48, 61, 185, 224
Старовский В.Н. — 47, 223
Струмилин С.Г. — 150
Тольц М. — 49, 223
Уиткрофт С. — 4, 221
Урланис Б.Ц. — 222
Харькова Т.Л. — 5, 34, 47, 49, 221—223
Хотимский В. — 25
Хрящева А.И. — 150, 151, 157, 162, 227
Цаплин В.В. — 4, 45, 49, 221, 223
Цесарский В. — 62
Чаянов А.В. — 151, 227
Шашков В.Я. — 4, 221
Шелестов Д.К. — 222

* Указатели составлены А.А.Евтеевым.

Указатель географических названий

Адыгейская А.О.* — 38, 54, 58, 230, 232, 240, 242, 246, 248, 252, 256, 259
Адыгейско-Черкесская А.О. — 75
Азербайджан — 78
Азербайджанская ССР — 77, 78
Азово-Черноморский край — 18, 38, 43, 44, 68, 72, 230, 232, 236, 240, 242, 246, 248, 252, 256, 258
Алтайский край — 28, 53, 58, 86
Амурская область — 55, 59
Англия — 28
Андомский район Ленинградской области — 264
Анжеро-Судженск, город — 70
Армавир — 70
Армения — 78
Армянская ССР — 77, 79
Архангельск, город — 69
Архангельская область — 51, 53, 54, 56, 58, 67
Астрахань, город — 70

Бабаевский район Ленинградской области — 264
Балашов, город — 70
Барнаул, город — 28, 70
Батецкий район Ленинградской области — 262, 264
Башкирия — 145, 146, 220
Башкирская АССР** — 40, 55, 59, 68, 72, 75, 76, 87, 146, 232, 234, 238, 240, 244, 248, 250, 254, 256, 260
Бегомльский район БССР — 186
Бежаницкий район Ленинградской области — 262, 264
Белозерский район Ленинградской области — 264
Беломорский район Карельской АССР — 52, 187
Белоруссия — 78, 185—187, 215
Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР) — 74, 77, 78, 186—190, 230, 232, 236, 238, 242, 246, 248, 252, 258, 260
Березники, город — 70
Бешанковичский район БССР — 189
Бийск, город — 70
Благовещенск, город — 70
Бобруйск, город — 186
Бологовский район Ленинградской области — 263, 265
Боровичский район Ленинградской области — 262, 265
Бор, Судский район Ленинградской области — 264
Брянск, город — 69
Бурят-Монгольская АССР — 40, 51—53, 55, 56, 59, 68, 73, 75, 77, 86, 145, 232, 234, 238, 240, 244, 248, 250, 254, 256, 260

Валдайский район Ленинградской области — 265

* А.О. — Автономная область.
** АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика.

Винницкая область — 232, 236, 238, 242, 244, 252, 254, 258, 260
Винницкий район Ленинградской области — 264
Владивосток, город — 70
Владимир, город — 69
Владимирская губерния — 76, 159
Вознесеский район Ленинградской области — 265
Вологда, город — 69
Вологодская область — 54, 58
Волосовский район Ленинградской области — 264
Волховский район Ленинградской области — 264
Воронеж, город — 61, 69
Воронежская губерния — 76, 151, 162
Воронежская область — 13, 28, 38, 43, 44, 46, 54, 57, 58, 68, 72, 230, 234, 236, 240, 246, 250, 252, 256, 258
Ворошиловград, город — 30
Ворошиловск, город — 70
Восточная Сибирь — 43, 115
Восточно-Сибирская область — 40, 47, 68, 230, 234, 236, 240, 244, 246, 250, 252, 256, 258
Вотская А.О. — 75
Вытегорский район Ленинградской области — 264
Вышний Волочек, город — 69
Вятская область — 110, 111
Вятский район — 76

Гдовский район Ленинградской области — 262, 264
Германия — 28, 187
Гомель, город — 186
Горький, город — 69
Горьковская область — 29, 38, 42, 54, 58, 67, 72, 73, 230, 234, 236, 240, 244, 246, 252, 256, 258
Грозный, город — 70
Грузинская ССР — 77, 78
Грузия — 77, 78

Дагестан — 13, 35, 86, 87, 182
Дагестанская АССР — 15, 40, 55, 59, 68, 72, 75, 77, 86, 145, 146, 232, 234, 238, 240, 244, 248, 250, 254, 256, 260
Дальне-Восточный край (ДВК) — 40, 43, 53, 68, 71, 73, 230, 232, 236, 240, 242, 246, 248, 252, 256, 258
Дальний Восток — 6, 35, 50, 77, 85, 108, 110, 111, 213, 217
Дедовичский район Ленинградской области — 262, 265
Демянский район Ленинградской области — 262, 265
Дзержинск, город — 69
Днепропетровск, город — 61
Днепропетровская область — 232, 236, 238, 242, 244, 248, 252, 254, 258, 260
Дновский район Ленинградской области — 263, 265
Донецкая область — 42, 232, 236, 238, 242, 246, 248, 252, 254, 258, 260
Дрельский район Ленинградской области — 263, 264

Еврейская А.О. — 40, 56, 59, 230, 236, 240, 242, 246, 248, 252, 256, 258
Европа — 28, 221
Европейская Россия — 6, 10, 25, 61, 66, 73, 88, 105, 110, 128, 153, 198, 213, 215—217

Европейская часть РСФСР — 19
Елец, город — 69
Ефимовский район Ленинградской области — 263, 264

Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР) — 74
Закавказье — 22, 42, 58, 123
Залучский район Ленинградской области — 262, 263, 265
Западная Белоруссия — 205
Западная область — 38, 67, 72, 230, 234, 236, 240, 244, 246, 250, 252, 256, 258
Западная Украина — 205
Западно-Сибирский край — 28, 40, 66, 68, 73, 230, 234, 236, 240, 242, 246, 248, 252, 256, 258
Западный район — 76, 111, 156
Заславльский район БССР — 187
Зауралье — 110
Златоуст, город — 70

Иваново, город — 69
Иваново-Вознесенская губерния — 76, 156
Ивановская область — 29, 38, 53, 54, 58, 67, 71—73, 105, 230, 234, 236, 240, 244, 246, 250, 252, 256, 258
Иваньково рабочий поселок — 47
Ижевск, город — 69
Ингушская А.О. — 75
Иркутск, город — 70
Иркутская область — 54, 58
Италия — 28

Кабаковск, город — 70
Кабардино-Балкария — 146
Кабардино-Балкарская А.О. — 75, 77, 232, 234, 238, 242, 244, 248, 250, 254, 256, 260
Кабардино-Балкарская АССР — 40, 55, 59, 66—68, 72, 86
Кадуйский район Ленинградской области — 263, 264
Казань, город — 28, 61, 69
Казахстан — 12, 31, 35, 43, 75, 78, 79, 84—86, 213—216, 218
Казахская Советская Социалистическая Республика — 43, 75, 179
Калинин, город — 170
Калининская область — 29, 42, 46, 54, 56, 58, 59, 67, 72, 230, 234, 240, 244, 246, 250, 252, 256, 258
Калмыкия — 13, 73, 146
Калмыцкая А.О. — 75
Калмыцкая АССР — 40, 53, 55, 59, 68, 72, 87, 145, 146, 232, 234, 238, 242, 244, 246, 250, 254, 256, 260
Калуга, город — 69
Калужская губерния — 76
Капшинский район Ленинградской области — 263, 265
Кара-Калпакская А.О. — 75
Карачаевская А.О. — 40, 54, 58, 75, 77
Карелия — 43, 52, 59, 60, 71, 75, 85, 146
Карельская АССР — 38, 47, 51, 52, 53, 55, 56, 59, 60, 67, 72, 75, 86, 145, 146, 232, 234, 238, 242, 244, 248, 250, 254, 256, 260
Кемерово, город — 28, 70
Керчь, город — 70

Киевская обл. — 187, 189, 232, 236, 238, 242, 246, 248, 252, 254, 256, 260
Кингисеппский район Ленинградской области — 262, 264
Кинешма, город — 69
Киргизия — 12, 31, 35, 75, 217
Киргизская Советская Социалистическая Республика — 75, 78, 79
Кирилловский район Ленинградской области — 263, 265
Киришский район Ленинградской области — 262, 265
Киров, город — 69
Кировская область — 38, 54, 58, 67, 71, 72, 230, 234, 236, 240, 244, 246, 250, 252, 256, 258
Кисловодск, город — 70
Кишерть, город — 127
Ковжинский район Ленинградской области — 264
Ковров, город — 69
Коломна, город — 69
Камаринский район БССР — 189
Коми АССР — 38, 51—53, 55, 56, 60, 67, 71, 72, 86, 145, 146, 230, 234, 238, 242, 244, 248, 250, 254, 258, 260
Коми (Зырянская) А.О. — 75
Кострома, город — 69
Костромская губерния — 76
Крайний Север — 50, 51, 216
Красногвардейский район Ленинградской области — 264
Краснодар, город — 30, 70
Краснодарский край — 54, 58
Красноярск, город — 70
Красноярский край — 40, 51, 54, 58, 66, 68, 73, 85, 230, 234, 236, 240, 242, 246, 250, 252, 256, 258
Крым — 73
Крымская АССР — 38, 55, 60, 68, 72, 75, 77, 87, 145, 146, 232, 234, 238, 242, 244, 246, 250, 254, 258, 260
Куйбышев, город — 16, 28, 30, 69
Куйбышевская область — 28, 38, 46, 54, 58, 67, 71, 72, 230, 234, 236, 240, 244, 246, 250, 252, 256, 260
Куйвозовский район Ленинградской области — 262, 264
Кунцевский район Московской области — 42, 47
Курск, город — 69
Курская губерния — 76, 151, 156
Курская область — 13, 17, 18, 38, 42—44, 46, 54, 58, 68, 71, 73, 230, 234, 234, 236, 240, 244, 246, 250, 252, 256, 260

Лельчицкий район БССР — 188
Ленинград, город — 29, 30, 38, 47, 54, 57, 58, 61, 64, 65, 67, 69, 71—73, 75, 130, 230, 234, 238, 240, 244, 246, 250, 252, 256, 260
Ленинградская область — 29, 38, 42, 54, 58, 67, 72, 75, 230, 234, 238, 240, 244, 246, 250, 252, 256, 260, 264
Ленинградско-Карельский район — 75
Ленинск Кузнецкий, город — 70
Лепельский район БССР — 188
Липецк, город — 69
Лодейнопольский район Ленинградской области — 265

Лосиноостровск, город — 69
Лужский район Ленинградской области — 264
Лысьва, город — 70
Лычковский район Ленинградской области — 262, 265
Любытинский район Ленинградской области — 262, 265

Магнитогорск, город — 67, 70
Майкоп, город — 70
Макеевка, город — 30
Маловишерский район Ленинградской области — 264
Марийская А.О. — 75
Марийская АССР — 38, 55, 60, 67, 72, 87, 145, 146, 232, 234, 238, 242, 244, 248, 250, 254, 258, 260
Махач-Кала, город — 70
Мгинский район Ленинградской области — 264
Медвежгорский район Карельской АССР — 52
Минск, город — 186
Мичуринск, город — 69
Молвотицкий район Ленинградской области — 262, 264
Молдавская АССР — 232, 236, 238, 242, 246, 248, 252, 254, 258, 260
Молотово, город — 70
Мордовия — 144
Мордовская АССР — 38, 53, 55, 60, 58, 72, 73, 87, 146, 232, 234, 238, 242, 244, 248, 250, 254, 258, 260
Москва, город — 25, 29, 30, 38, 46, 47, 54, 57, 58, 59, 61, 64, 65, 67, 69, 71—73, 76, 130, 183, 234, 238, 240, 244, 246, 250, 254, 256, 260
Московская губерния — 150, 159
Московская область — 29, 38, 42, 47, 54, 58, 67, 70, 186, 187, 189, 230, 234, 238, 240, 244, 246, 250, 254, 256, 260
Московский Промышленный район — 155
Мошенский район Ленинградской области — 262, 264
Мурманск, город — 69
Мурманская область — 54, 59, 67
Мяксинский район Ленинградской области — 263, 265

Немцев Поволжья АССР — 40, 43, 55, 60, 68, 72, 75, 87, 145, 232, 234, 238, 242, 244, 248, 250, 254, 258, 260
Ненецкий национальный округ — 54
Нижне-Амурская область — 55, 57, 59
Нижегородская губерния — 76, 159
Нижнее Поволжье — 73
Нижний Тагил, город — 70
Новгородский район Ленинградской области — 262, 264
Новоржевский район Ленинградской области — 262, 264
Новороссийск, город — 70
Новосибирск, город — 28—30, 61, 70
Новосибирская область — 51—54, 56, 59, 85, 86
Новочеркасск, город — 70
Ногинск, город — 69

Одесская область — 232, 236, 238, 242, 246, 248, 252, 254, 258, 260

Ойротская А.О. — 40, 53, 58, 75, 230, 234, 236, 240, 242, 246, 248, 252, 256, 258
Окуловский район Ленинградской области — 264
Омск, город — 61, 65, 70
Омская область — 40, 51, 53, 54, 59, 68, 73, 86, 230, 234, 238, 240, 244, 246, 250, 254, 256, 260
Опочецский район Ленинградской области — 264
Ораниенбаумский район Ленинградской области — 262, 264
Орджоникидзе, город — 70
Орджоникидзевский край — 54, 58, 230, 234, 236, 240, 242, 246, 250, 252, 256, 258
Орджоникидзеград, город — 69
Орел, город — 69
Оренбург, город — 28, 30, 70
Оренбургская область — 40, 68, 71, 72, 86, 230, 234, 238, 240, 244, 246, 250, 254, 256, 260
Орловская губерния — 76
Орловская область — 54, 59
Орск, город — 70
Островский район Ленинградской области — 264
Осьминский район Ленинградской области — 262
Оштинский район Ленинградской области — 265
Оятский район Ленинградской области — 262, 265

Паричский район БССР — 188
Пашский район Ленинградской области — 264
Пенза, город — 69
Пензенская губерния — 158
Пензенская область — 28, 54, 59, 105
Пермская область — 54, 58
Пермь, город — 70
Перово, город — 69
Пестовский район Ленинградской области — 263, 265
Петриневский район Ленинградской области — 263, 265
Петрозаводск, город — 69
Плещеничский район БССР — 187
Поволжье — 52
Поддорский район Ленинградской области — 264
Подмосковье — 185
Подольск, город — 69
Подпорожский район Ленинградской области — 264
Польша — 206
Порховской район Ленинградской области — 263, 265
Прибалтика — 206
Пригородный район Ленинградской области — 264
Прикамье — 87
Приморская область — 55, 59, 105
Приморско-Хабаровский край — 51
Приморский край — 59, 105, 156
Приуралье — 35
Пришекснинский район Ленинградской области — 263, 264
Прокопьевск, город — 70
Псков, город — 69
Псковская губерния — 148
Псковский район Ленинградской области — 262, 264
Пушкин, город — 59
Пушкинский район Ленинградской области — 262, 264

Пятигорск, город — 70

Ржев — 70
Республика Немцев Поволжья — 13, 17, 46, 57, 71, 86, 146
Российская империя — 215
Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) — 4—6, 8, 11, 12, 14, 17, 19, 21—23, 26—28, 31, 34, 38, 40, 46—48, 57, 58, 61, 63, 66, 67, 71, 74, 75, 77, 78, 80, 84—86, 88—90, 97, 102, 104, 107—109, 112, 114, 115, 121, 126—131, 151, 166, 167, 176, 181, 184, 185, 218—220, 230, 232, 236, 240, 242, 246, 248, 252, 254, 258
Российская Федерация — 6, 7, 34, 35, 48, 50, 54, 75, 77, 87, 97, 103, 104, 115
Россия — 3—6, 9, 14, 19, 21, 28, 29, 34, 35, 42, 48, 50, 51, 53, 56, 65, 66, 73, 87, 97, 98, 103, 107, 108, 112, 115, 128, 159, 183, 206, 214, 215, 218, 221—223
Рогачевский район БССР — 189
Ростов-на-Дону, город — 30, 61, 70
Ростовская область — 28, 54, 59
Рыбинск, город — 69
Рязанская область — 28, 54, 59, 76, 104, 159
Рязань, город — 69

Самара, город — 61
Самарская губерния — 149
Саратов, город — 16, 28, 61, 70, 73
Саратовская губерния — 158
Саратовская область — 18, 40, 42—44, 46, 54, 57, 59, 68, 71, 72, 86
Саратовский край — 13, 230, 234, 238, 240, 244, 246, 250, 254, 258, 260
Сахалинская область — 55, 57, 59
Свердловск, город — 70
Свердловская область — 28, 29, 40, 42, 43, 51, 53, 55, 56, 59, 66—68, 73, 85, 104, 186, 187, 189, 230, 234, 236, 240, 244, 246, 250, 254, 256, 260
Севастополь, город — 70
Север — 87, 108, 182, 183, 209
Северо-Западный район — 156
Северо-Кавказский край — 13, 18, 40, 42, 43, 68, 72, 73, 220
Северо-Осетинская А.О. — 75
Северо-Осетинская АССР — 40, 55, 60, 68, 72, 86, 146, 232, 236, 238, 242, 244, 248, 250, 254, 258, 260
Северная область — 38, 67, 71, 232, 234, 238, 240, 244, 246, 250, 254, 256, 260
Северная Осетия — 57
Северный Кавказ — 6, 21, 26, 35, 47, 50, 57, 77, 87, 156, 213
Северный район — 75, 176
Середкинский район Ленинградской области — 262, 264
Сибирский край — 77
Сибирь — 4, 6, 85, 104, 109, 111, 114, 115, 120, 176, 198, 213, 215—217, 221

Славковский район Ленинградской области — 262, 264
Смоленск, город — 29, 30, 69
Смоленская губерния — 150
Смоленская область — 55, 59
Солецкий район Ленинградской области — 262, 264
Сочи, город — 70
Союз Советских Социалистических Республик (СССР) — 5, 6, 8, 13, 21—23, 25, 26, 29, 34—37, 42—44, 46—51, 53, 61—64, 74, 77, 78, 82—84, 94, 96, 97, 102, 112—115, 121, 123, 166, 181, 184, 185, 189, 215, 219, 221—224, 227, 230, 232, 236, 240, 242, 246, 248, 252, 254, 258
Средне-Волжский край — 18
Средне-Волжский район — 109
Среднее Поволжье — 21, 26, 35, 45, 46, 87, 220, 222
Средняя Азия — 22, 42, 50, 78, 83, 114, 115, 120, 123, 199, 213, 214, 216
Средняя Волга — 111
Стайковский район БССР — 187
Сталинград, город — 16, 29, 30, 70, 73
Сталинградская область — 18, 40, 55, 59, 68, 72, 86, 232, 234, 238, 240, 244, 248, 248, 250, 254, 260
Сталинградский край — 13, 44
Сталиногорск, город — 69
Сталинск, город — 28, 70
Старорусский район Ленинградской области — 262, 264
Струго-Красненский район Ленинградской области — 262, 264
Сызрань, город — 69

Таганрог, город — 70
Таджикская Советская Социалистическая Республика (Тадж. ССР) — 44, 78, 79
Тамбов, город — 69
Тамбовская губерния — 76, 150, 159
Тамбовская область — 28, 53, 55, 59
Татария — 53, 73, 76, 145, 146, 213
Татарская АССР — 38, 55, 60, 67, 72, 75, 76, 87, 232, 234, 238, 240, 244, 248, 250, 254, 256, 260
Тверская губерния — 76
Тихвинский район Ленинградской области — 262, 265
Толоченский район БССР — 186, 187
Томск, город — 30, 70
Тосненский район Ленинградской области — 264
Тула, город — 29, 30, 69
Тульская губерния — 76, 159
Тульская область — 55, 59
Тунгудский район Карельской АССР — 52
Туркмения — 44
Туркменская Советская Социалистическая Республика — 74, 78, 79
Тюмень, город — 65, 70

Удмуртия — 76
Удмуртская АССР — 38, 55, 60, 66, 67, 72, 87, 145, 232, 236, 238, 242, 244, 248, 250, 254, 258, 260
Узбекская Советская Социалистическая Республика — 74, 78, 79

Узденский район БССР — 187
Украина — 21, 26, 43, 44, 45, 63, 78, 84, 223
Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР) — 74, 77, 187
Улан-Удэ, город — 70
Ульяновск, город — 69
Урал — 4, 6, 85, 104, 110, 111, 198
Уральск, город — 187
Уральская область — 76
Уссурийская область — 55, 57, 59
Устюженский район Ленинградской области — 263, 265
Уфа, город — 28, 70

Хабаровск, город — 70
Хабаровская область — 57, 73, 232, 236, 238, 242, 246, 248, 252, 254, 258, 260
Хабаровский край — 51, 55, 56, 59, 104
Хакасская А.О. — 40, 54, 58, 230, 234, 236, 240, 242, 246, 250, 252, 256, 258
Хвойнинский район Ленинградской области — 264

Центральная Россия — 50, 112, 113, 115, 120, 121, 151, 155, 162
Центральное Черноземье — 76
Центрально-Промышленный район (ЦПР) — 76, 111, 156
Центрально-Черноземный район (ЦЧР) — 111, 155, 156

Чагодощенский район Ленинградской области — 263, 265
Чароверский район Ленинградской области — 265
Чаусский район БССР — 188
Чебоксары, город — 23
Челябинск, город — 16, 28, 70
Челябинская область — 28, 40, 42, 55, 66—69, 73, 85, 86, 232, 234, 238, 240, 244, 248, 250, 254, 256, 260
Черемхово с Черемховскими копями — 70
Череповецкий район Ленинградской области — 263, 265
Черкесская А.О. — 40, 54, 58, 75, 230, 234, 236, 240, 242, 246, 252, 256, 258
Черниговская область — 232, 236, 238, 242, 246, 248, 252, 254, 258, 260
Черноземье — 73
Чечено-Ингушетия — 57, 146
Чечено-Ингушская АССР — 40, 55, 60, 68, 72, 86, 232, 236, 238, 242, 244, 248, 252, 254, 258, 260
Чеченская А.О. — 75
Чита, город — 70
Читинская область — 55, 57, 59, 85
Чичерский район БССР — 188
Чкаловская область — 55, 59
Чувашия — 76, 146
Чувашская АССР — 38, 55, 60, 67, 72, 73, 75, 87, 232, 238, 242, 244, 248, 248, 252, 258, 260
Чудовский район Ленинградской области — 264

Шахты, город — 70
Шилов, город — 186

Шольский район Ленинградской области — 265
Шуя, город — 69

Энгельс, город — 70

Якутия — 109, 145
Якутская АССР — 15, 40, 51, 56, 60, 66, 68, 73, 75, 77, 87, 145, 230, 232, 236, 238, 242, 244, 248, 252, 254, 258, 260
Ярославль, город — 61, 69
Ярославская губерния — 76
Ярославская область — 17, 29, 38, 42, 55, 59, 67, 72, 73, 232, 234, 238, 240, 244, 248, 250, 254, 256, 260

Оглавление

Введение 3

Глава I.
Численность и потери населения России в 1930-е гг.

1. Демографические процессы 9
2. Динамика численности населения России в 30-е гг. 34
3. Численность городского и сельского населения 61
4. Изменения в численности и размещении различных народностей 74
5. Возрастнополовой состав населения в 30-е годы 88

Глава II.
Социальный состав населения и занятия

1. Характеристика социальной структуры населения 110
2. Социально-демографический состав населения российских городов 126
3. Социально-демографический состав населения деревни 149

Глава III.
Грамотность, образование, религия

1. Грамотность и образование российского населения и его различных народностей 179
2. Отношение населения к религии 185
3. Состав верующих и неверующих по полу, возрасту и грамотности 191
4. Состав верующих по вероисповеданию 205

Заключение 218

Примечания 221

Приложения 231

Указатель имен 268

Указатель географических названий 269

Валентина Борисовна Жиромская

Демографическая история России в 1930-е гг.

Взгляд в неизвестное

Книга публикуется в авторской редакции

Художественное оформление *А.Сорокин*
Компьютерная верстка *Н.Мерзляков*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 27.02.2001.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 14,7. Уч.-изд.л. 16,4. Тираж 1500 экз. Заказ № 1317

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации)

**Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография «Наука».
121099, Москва, Шубинский пер., 6**